

Бароат Ходжибаева
Матлуба Мирзоюнус

Пушкин

и

Восток

821.161

X 69	2020/48-65
Ходтембаева Ф.	
Түйшүкү и Восток	

2020/48-65

821.167
X 69

**БАРОАТ ХОДЖИБАЕВА,
МАТЛУБА МИРЗОЮНУС**

ПУШКИН И ВОСТОК

**Издательство
“Нури маърифат”
Худжанд - 2018**

821.161.1-94 -История кон. и к. Баротуриши
Истор

ББК 83.3(2)
Х-69

Печатается по решению РИСО
Худжандского государственного
университета им. академика
Б.Гафурова от 06.11.2018, №12
- 1/7.

**Ходжибаева Бароат, Мирзоюнус Матлуба. Пушкин и
Восток. Второе издание. - Худжанд: Нури маърифат,
2018. – 312 с.**

ВОСТОК И КУЛЬТУРА

В книгу вошла монография авторов «Пушкин и Во-
сток», а также переводы стихов Пушкина на таджикский
язык. Она может быть полезна как для исследователей та-
джикской литературы, так и проблем литературных взаи-
мосвязей.

История

©Ходжибаева Б., Мирзоюнус М. 2018

2020/48	Aliqob
65	D'zbekiston MK

VI-347922

ВВЕДЕНИЕ

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует.
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновению.*
(П, 322)*

Пушкин и Восток — проблема, которая вызывает особенно большой интерес в течение последних десятилетий нашего века. До этого времени ей посвящались лишь отдельные статьи (1).

Ныне пушкиноведение располагает уже многими исследованиями, в которых раскрываются различные аспекты этой проблемы (2).

В настоящем труде мы ставили своей целью, не повторяя уже сказанного, осветить некоторые еще недостаточно изученные вопросы, связанные с темой «Пушкин и Восток», обратиться к отдельным дискуссионным темам, нуждающимся еще в дальнейшем освещении.

Предметом нашего исследования являются главным образом творческие связи Пушкина с литературой на фарси, именуемой в современный период таджикско-персидской литературой, хотя в случае необходимости мы обращаемся и к арабской литературе, имея в виду нерасторжимую связь в пушкинский период.

Для миллионов читателей, по словам Н.Скатова, Пушкин стал «школой мировой духовной жизни, своеобразной всемирной энциклопедией, вместивший Овидия и Ана-

* Здесь и далее сноски даются по изд: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 16-ти томах, - М. - Л.: изд. АН СССР, 1937-1949. Цифрами обозначаются тома и страницы.

креона, Шекспира и Гёте, Шенье и Байрона, Саади и Гафиза»(3).

Национальное своеобразие, которое так ярко было выражено в творчестве Пушкина, проявлялось на всем протяжении его созидательной деятельности наряду с еще одной удивительно неповторимой особенностью пушкинского творчества - «перевоплощаться» в представителей других эпох, наций, культур. О таком «перевоплощении» мы можем говорить и касаясь темы «Пушкин и Восток».

Удивительно богат и разнообразен пушкинский внутренний мир. Все волнуют воображение поэта. В стихотворении «Осень» (1833) Пушкин пишет о минутах поэтического вдохновения:

*И забываю мир – и в сладкой тишине,
Я сладко усыплен своим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...!*

И вот тогда перед ним появляется волшебный мир, рожденный в его воображении:

*... И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей...
(Ш,321)*

В черновике стихотворения вслед за этими словами шло перечисление, из которого явствует, что восточные образы никогда не переставали волновать воображение Пушкина:

*Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы...
(Ш,916)*

Итак, мы видим, что на протяжении всей жизни темы и образы Востока постоянно привлекали Пушкина.

ГЛАВА I

1. «ГДЕ ХАФИЗА И СААДИ ЗНАКОМЫ ИМЕНА»

Начало XIX века в России ознаменовалось усилением интереса передового русского общества к литературе и культуре Востока, которые в Западной Европе были широко известными уже к XVII-XVIII векам. Ученые и деятели литературы стали обращаться к истории и культуре Востока, к произведениям восточных поэтов.

Одним из первых в этих начинаниях был А.Н. Радищев. В своих произведениях наряду с учеными Европы он называет и Авиценну; обращается он и к имени Чингизхана:

*Вещество сие изящно,
В чем алхимик остроумной
Парацельс иль Авиценна
Или Бехер иль Альберты
Злата чистого искали... (1)
...Вы ль дымящиеся Чингиз-ханы,
Нам поведайте свои дела (2).*

Воображение Радищева пленяет и Саади с его «Гулистаном». В труде «О человеке, его смертности и бессмертии» он считает необходимым привести в пример Саади, который убежден, что человек своими добрыми делами обретает себе бессмертие: «Если бы здесь место было делать пространные сравнения, то бы в пример списал некоторые места из «Гюлистана» Саадиева, из Европейских и Арабских, мне известных стихотворцев что-либо из Омира и Оссиана. Различие областей, где они жилали, всякому явно бы стало, увидели бы, воображение их образовался всегда окрест их лежащею природою. Воображение Саадиево гуляет, летает в цветящемся саду. Оссианово несется на утлом древе поверх валов. А если кто захочет сделать сравнение исповеданий и мифологии народов, в разных

концах земли обитающих, то сколь воображение каждого образовалось внешностью, никто не усомнится» (3)

Итак, мы видим, что Радищев одним из первых русских писателей отмечает специфику творчества представителей разных народов, указывает на связь творчества с климатом, природою, обстоятельствами жизни.

Начиная с 1804 года, во всех российских университетах преподаются персидский и арабский языки. Сведения о восточном быте и обычаях распространяются среди общества. Восточные предметы, одежда начинают входить в быт русского дворянства.

Сам Пушкин о послании «Орлову» (1819 год) пишет:

*В бухарской шапке и в халате
Я буду неть моих богов (II, 86).*

В 1810 году в России возник проект создания Азиатской Академии. По мысли автора проекта С. Уварова, в будущем президента Академии наук, а позже управляющего Министерством народного просвещения, эта академия должна была стать центром по изучению старых и новых азиатских языков, готовить кадры специалистов-востоковедов. Публикация статьи С. Уварова «Мысли о заведении в России Академии Азиатской» в журнале «Вестник Европы» в 1811 году стала заметным фактом общественной жизни. Это была очень серьезная аргументированная работа, в которой ставились важные проблемы приобщения русского общества к восточной культуре и ее достижениям. Высоко оценивая восточную поэзию, С.Уваров считает, что только трудом можно освоить «гений Востока во всем его великолепии». Заслуга автора статьи заключалась в том, что он конкретно называл ученых, поэтов и их произведения, которые должны быть прочитаны в первую очередь. Он убеждал, что эти книги не только имеют познавательное значение, но и будут содействовать обогащению русской словесности.

Русская и даже мировая общественность сочувственно встретила этот проект. Гёте, ознакомившись с ним, записывает в свой дневник: «... проект Азиатской Академии увлек меня в те области, где я уже склонен был странствовать немало времени» (4).

Но этим планам не суждено было сбыться. Тем не менее, в 1818 году в Петербурге открылся Азиатский музей, где были сосредоточены многие древние восточные рукописи, а также монеты. Инициатором организации этого музея стал ученый Х.Д. Френ - впоследствии известный академик-ориенталист.

У самого Пушкина интерес к Востоку был связан, прежде всего, с кругом его чтения.

Ребенком он читал «Волшебные сказки» Антуана Гамильтона, созданные на основе знаменитых сказок «Тысяча и одна ночь». Читал он, вероятно, и восточную сатирическую повесть «Каиб» И.А. Крылова, имя которого мог слышать от баснописца И. Дмитриева, бывшего частым гостем родителей Пушкина в их московском доме. Несомненно, читал Пушкин и восточные произведения Вольтера «Заира» и «Магомет», философский роман Монтескье «Персидские письма», восточные произведения Байрона «Лара», «Корсар», «Гяур», «Певец Гульнары и Гяура», как называл Байрона Пушкин, всегда вызывал у него интерес. В 1821 году Пушкин начал вольный перевод «Гяура», однако он остался в набросках.

Вообще, начало XIX века в России было отмечено общим интересом к культуре Востока, его истории, стремлением изучать восточные языки, знакомиться с произведениями восточных авторов. Появлялось множество переводов восточных авторов и на русский язык. И Пушкин, который был внимательным читателем журналов и книг, несомненно, читал эти материалы.

В отрывке «Если звание любителя отечественной литературы...», датированном 1827 годом и написанном Пуш-

киным от имени уже немолодого человека, есть примечательное замечание: «... не вышло из печати ни одного русского творения, ни одного перевода, ни одного русского журнала (включая тут хозяйственные и поваренные сочинения и месяцесловы), коих я бы не прочитал или о коих по крайней мере не получил достаточного понятия» (XI,62).

Думается, что эти слова в полной мере характеризуют и подход к чтению и самого Пушкина, как читателя.

Особенно стимулировали интерес к Востоку журнальные публикации.

Тема Востока на страницах российских журналов широко освещена в трудах ученых (5). Тем не менее, мы сочли возможным вновь обратиться к ней, систематизировав материалы, несколько дополнив их и выделив главные аспекты проблемы.

В первой трети XIX века в России издавалось много журналов, альманахов различных направлений и общественных позиций. Они формировали общественное мнение об отдельных литературных явлениях, знакомили читателей со многими произведениями русской и всей мировой литературы.

Видное место среди журналов занимал «Вестник Европы», сыгравший заметную роль в развитии ориентализма.

Анализ материалов, посвященных восточной тематике на страницах этого журнала, подробно дается в труде Н.М. Лобиковой «Пушкин и Восток». Мы остановимся лишь на некоторых аспектах.

Одна из главных мыслей статей и произведений, связанных с Востоком - это необходимость восточных языков: «... по предмету истории, географии, хронологии арабский язык представляет столь важные сочинения, что знание одного, по-видимому, есть необходимая принадлежность деесписателя. Ибо происшествия не только Азии и Африки,

но даже Испании, Сицилии, Неаполя останутся неясно изложенными без помощи хроник арабских».

Несомненно, что Пушкину были знакомы исторические и культурные события, характеризующие восточную историю, литературу и культуру, статьи и книги, в которых упоминались поэты Востока. Ведь Пушкин, как известно, был читателем и автором «Вестника Европы» уже с лицейских лет. Не мог он не заметить, например, и статью де Сисмонди «О литературе арабов», в которой давалась восторженная оценка языка Корана: «... ни одна из книг, писанных на арабском языке, не представляет отрывков столь высокой поэзии и столь сильного увлекающего красноречия» (6).

О знакомстве Пушкина с трудами швейцарского ученого Жанна Шарля Леонара де Сисмонди говорит несколько фактов.

В 1825 году Пушкин просил брата прислать ему книги де Сисмонди. Тогда же в возражении на статью А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов» Пушкин вопрошает: «У нас есть критика? Где наши Адиссоны, Лагарпы, Шлегели, Сисмонди?» (X1,26).

Упоминает он его и в статье «О народности в литературе» (X1,40) и в записке «О народном воспитании».

В 1831 году М.П. Погодин в письмах к Пушкину дважды упоминал книги Сисмонди.

Г. Гуковский считал, что именно Сисмонди, «значительно повлиявший на русских романтиков, обосновал географическое и отчасти этнографическое понятие южной культуры, объединяющее элементы восточной культуры с итало-французским средневековьем и Возрождением» (7).

Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», выходивший в 1818-25 годах, также уделял большое внимание проблемам восточной литературы.

О необходимости изучать арабских поэтов журнал писал: «Чтобы судить об их творениях, надо обратить внимание на темперамент народов, для коих они писали». Пушкин, вероятно, был знаком с этим высказыванием, поскольку журнал этот читал и упоминал о нем в различных записях и черновиках три раза. И сама эта мысль об истоках творчества различных народов, о связи его со многими другими факторами была близка Пушкину. В статье «О народности в литературе» (1825-1826 годы) он писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей, чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (X1,40).

Журнал печатал переводы и оригинальные произведения с восточной тематикой. Например, стихотворения А. Дуропа «Тоска араба по милой» (1820, ч.10, №4), сказку А. Илличевского «Паша и дервиш» (1822, ч.20 №12), произведение Таира «Восточная притча» (1819, ч.7, №9).

Большой популярностью пользовался и журнал «Сын отечества», который проявлял особое внимание к восточной тематике. В «Сыне отечества» за 1826 год всеобщий интерес вызвала статья известного поэта Д.П. Ознобишина, писавшего под именем Дели бюрадера, что означало «Сердце брата» - «О духе поэзии восточных народов рассмотрение статьи «Московского телеграфа» под заглавием «Новейшие исследования и сочинения касательно восточной литературы».

В ней подробно анализировалась недавно опубликованная в «Московском телеграфе» статья, подписанная «Г. Библиограф». С похвалой отзываясь о важности обращения автора к проблемам восточной литературы. Ознобишин, тем не менее, считает, что статья написана поверхностно и поспешно. Отмечая, что в ней называются

известные ориенталисты Европы и России и их работы, Ознобишин сетует на то, что в статье многие видные ученые не упоминаются. Особенно внимательно он вчитывается в названные здесь имена восточных поэтов и названия их произведений и во многих случаях сам дает правильное их написание. Например, указывая на искаженное имя героини Хириин вместо Ширин, он дает ей яркую запоминающуюся характеристику: «Ширин писать должно; это слово персидское..., которое и поныне на Востоке служит идеалом женской красоты, нежности и любви. Ширин значит также сладкий, млечный» (8).

Ознобишин высказывает в этой статье очень важную мысль о том, что труды ученых, посвятивших себя изучению Востока, должны стать достоянием читателей и, следовательно, их нужно рассматривать более глубоко и подробно.

Отмечает автор статьи и то обстоятельство, что, говоря о персидской литературе, «Г. Библиограф» ограничивает свой разбор лишь некоторыми именами и произведениями. И далее в статье следуют тонкие и верные суждения об отдельных явлениях восточной литературы с характеристикой особенно значительных произведений: например, Абдурахмона Джами, Абулкасыма Фирдоуси и др.

Примечательно, что в этой статье отмечаются не только важность и перспективность торговых отношений между Россией и Персией, но и общность к литературе, культуре, быту народов этих стран: «.. ни один европеец..., а одни только россияне осмелились проникнуть в Хиву... Не говорю здесь о выгодах торговли... и о других, столь же важных преимуществах: сколько выиграют одни науки! Почти невероятно! Россия будет тогда, подобно, как во времена протекшей древности, вместительницей всех богатств Востока, средобежным центром умственного образования просвещенных народов Азии, коих обычаи, блистательная пышность, радушие и гостеприимство издревле нам род-

ственны. Внимательный наблюдатель легко найдет их в истории народа; из уст его услышит он знакомые ему предания Востока, у нас вкоренившиеся с весьма малыми изменениями, в языке его узнает многие известные его слова» (9).

Это наблюдение особенно важно. Оно свидетельствует о том, что все чаще литераторы и ученые приходили к выводу об общности многих черт в культуре, быте, привычках различных народов мира. Есть в этой статье и еще одна примечательная черта. Автор ее пытается разобраться в своеобразии восточной поэзии, ее языке, художественных особенностях.

Такой подход был особенно важным и принципиальным, поскольку именно тогда в литературных кругах обострились споры по вопросу о восточном стиле. Суть этого спора раскрывается в широко известном письме Пушкина к Вяземскому, написанном в марте-апреле 1825 года: «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще - знаешь, почему не люблю я Мура? - потому что он чересчур восточен. Он подражает ребячески и уродливо – ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. – Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца (XIII, 160).

Ознобишин, давая в статье свое объяснение стилю восточной поэзии, пытается обосновать ее своеобразие наличием объективных факторов.

Он ощущает ее то пламенной, сильной и стремительной, то величественной и тихой, но всегда новой, чудесной и невыразимо прекрасной. Ознобишин называет объективные факторы, которые способствовали формированию языка восточной поэзии с его удивительным богатством, обилием фигур: метафор, сравнений. Он пишет: «Язык ее есть язык страсти; оттого он силен, обилует фигурами метафорами; если даже, как иные утверждают,

иногда излишествует сравнениями, но это потому, что он есть излишние сердца преисполненного, которому не достаёт слов для выражения всех своих чувствований - беден, слишком недостаточен для него язык обыкновенный... Вот причина, оправдывающая азиатцев в частом употреблении сравнений». (10)

Это высказывание говорит о том, как чутко воспринимал Ознобишин восточную поэзию, как глубоко было его стремление понять ее самобытность и неповторимость.

Однако следует отметить, что Дмитрий Петрович Ознобишин, с юношеских лет изучавший арабскую графику, арабский и персидский языки, до самозабвения любивший восточную поэзию, являясь сторонником точного перевода, иногда не мог устоять перед сложившимися традициями перевода.

Т.М. Гольц в своей книге «Сердце брата» даёт образцы переводов Ознобишина Дели бюрадера, например, описание кыпчакских женщин из поэмы «Искандар-наме» Низами: «Их лица были розовые, подобно яркому пламени, а ланиты - вода прозрачная: Они сняли несравненно более, чем светило дня и ночи; то были красавицы обворожительные, имеющие очи суженные, так что и самые духи небесные, увидя их, не в силах были бы противиться оболещением любви» (11).

Приводим ниже подлинник и подстрочный перевод этой цитаты:

Оригинал:

*Хама тангчаишмони мардумфиреб,
Фаришта зи дидорашон бо шикеб.
Ба чехра чу оташ, ба ораз чу об.
Фурузонтар аз моҳ в-аз офтоб (12).*

Подстрочный перевод:

*Все они с узкими глазами и обольстительны,
Ангелы в нетерпении стремятся их видеть.*

*С лицами, подобно огню, со щеками подобно воде,
Сияющими сильнее, чем луна и солнце (13).*

Исследователь отмечает стремление автора точно следовать подлиннику, отобразить яркую и необычную для русского читателя систему образцов (14).

Однако мы видим, что при всем желании бережно донести до читателя своеобразие поэтических образов. Д.Н. Ознобишин все же отдает дань тогдашней моде: переводить восточные произведения ярким, необычным языком со множеством различных тропов. А ведь Ознобишин был одним из самых талантливых «восточников». Глубоко и преданно он любил Восток, высоко ценил его культуру, благоговейно относился к его великим поэтам, цитировал их в подлиннике. (15).

Думается, что издержки перевода можно объяснить тем, что «высокое искусство» перевода еще только формировалось, критерии его не были определены конкретно.

Большое воздействие на развитии интереса к Востоку у русских читателей оказывал и журнал «Московский вестник». В этом журнале в 1528 году была напечатана статья Фридриха Шлегеля – известного немецкого поэта, переводчика, теоретика искусства - «О романе и драматической поэзии испанцев». Ученый утверждал, что романтизм берет начало в духовной сфере. Он широко использовал и примеры из восточной литературы для подтверждения своих мыслей. «Арабские песнопения» вызывали у него ассоциацию с песнями Оссиана, «позднейшие романтические стихотворения персов», как, например, «Меджнун и Лейла», «Хосру и Ширин» - с европейской поэзией средних веков. (15).

Пушкин, разумеется, не мог пропустить эту статью, поскольку журнал «Московский вестник» был для него одним из самых любимых. Еще в то время, когда обсуждались планы создания этого журнала, Пушкин даже подумывал о том, чтобы самому издавать его.

В последующие годы внимательно следил за ним, не пропуская никаких материалов. В 1827 году он пишет: «Сей журнал почти постоянно отмечается статьями любопытными, дельными критиками...» (XI, 93). Примечательно и его письмо Дельвигу, которое также наглядно свидетельствует о степени участия Пушкина в журнале: «... у меня на руках Московский вестник... Я не могу оставить его, на произвол судьбы (XIII, 334). И не случайно поэт Туманский называет Пушкина «главным духом Московского вестника» (XII, 326).

В письме Погодину 1 июля 1828 года Пушкин выражал надежду, что журнал будет первым, единственным журналом на святой Руси...: «да здравствует «Московский вестник!» (XIV, 21).

Пушкин не раз в своих статьях упоминал фамилию «Шлегель», хотя в большинстве случаев не указывал имени. В справочном томе полного собрания сочинений Пушкина указывается лишь Шлегель Август Вильгельм - брат Фридриха Шлегеля, тоже известный теоретик искусства.

Тем не менее, мы имеем косвенное свидетельство о том, что мысли Ф. Шлегеля о восточной литературе были известны Пушкину. Сам же Пушкин ранее - в 1825 году - в статье «О поэзии классической и романтической» высказывает мнение о том, что на формирование европейской поэзии повлияли два важных фактора: «Два обстоятельства имели решительное воздействие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы. Мавры внушили ей иступление и нежность любви: приверженность к чудесному и роскошное красноречие востока...» (XI, 37).

Итак, мы видим, что мысль Пушкина о влиянии мавров на язык европейской поэзии, на особенности раскрытия и передачи в ней чувства любви была близка и немецкому ученому Ф. Шлегелю.

Особо пристальное внимание к теме Востока проявляет журнал «Азиатский вестник». Журнал постоянно помещает на своих страницах арабские пословицы и различные произведения восточных поэтов и статьи о них.

В статье, опубликованной в 1828 году, Фирдоуси называется Гомером Персии, Гафиз - Анакреонтом сей страны, Саади - философом и поэтом. «Азиатский вестник» публикует притчи и отрывки из «Гулистана» Саади, отрывки из «Медждуна и Лейлы» Джами. На его страницах печатаются статьи И. Ботьянова о творчестве Низами и Джами, с разбором особенностей изображения прославленных героев восточной поэзии - Юсуфа и Зулейхи, Лейлы и Медждуна, Хосрова и Ширин (16).

Несомненно, что знаком был Пушкин и со многими другими журнальными публикациями, дающими оценку различным произведениям и писателям, связанным с восточной тематикой.

С этой точки зрения привлекал читателей и журнал «Московский телеграф».

Выше мы уже упоминали, что в этом журнале была опубликована статья о восточной литературе, вызвавшая полемическую оценку Д.Н. Ознобишина Дели бюрадера.

В последующие годы в журнале продолжали печататься материалы, связанные с восточной литературой.

Так, в статье И. Полевого читаем: «Гёте всего лучше покажет вам идею Германии: он все - классицизм и Восток, Испания и Англия, Трагедия и Естествознание, Роман и Журнал, Песня и критическая статья, Фауст и Вильгельм Мейстер, Вертер и Доротен, переводчик Вольтерова Мугамеда и стихотворений Саади - Гёте все заключил в себе, все обнял и все сказал... » (17).

Здесь же мы знакомимся с яркой восторженной оценкой восточной поэзии, и особенно творений Фирдоуси, которую дает А. Бестужев-Марлинский в статье, посвященной разбору романа Н. Полевого «Клятва при гробе гос-

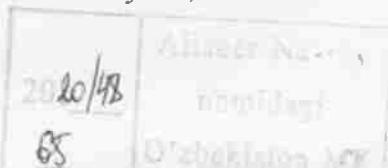
поднем»: «Сладкозвучный Фирдоуси плавит в радугу предания Персии и связывает... истину с вымыслами ... Восточная поэзия - чувственность и греза... мил гуляка Гафиз, трогателен мудрец Саади, но Фирдоуси - о, это «Водопад» Державина» (18).

Тем не менее, появлялись в журнале и публикации, в которых подвергалось критике и чрезмерное увеличение русских поэтов и ученых Востоком.

Ориентальные мотивы нашли отражение и в журнале «Современник», издаваемом Пушкиным. Востоковед Д. Белкин глубоко освещает этот аспект проблемы в статье «Мир Востока на страницах пушкинского «Современника», материал по вопросу об этой теме мы хотели бы дополнить лишь несколькими штрихами.

В журнале «Современник» за 1836 год в III - ей книге, как упоминает Д. Белкин, (19) была помещена рецензия Пушкина на книгу стихотворений Виктора Теплякова «Фракийские элегии». Здесь можно отметить, что уже с первой фразы Пушкин ориентирует читателей на то, что в статье будет идти речь и о Востоке: «В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить Лорда Байрона, и невольным соучастием не сблизить судьбы с судьбою Чальд-Гарольда» (XII,82). Большой интерес представляет и тот факт, что этой рецензии Пушкин приводит обширные отрывки из стихов, которые, по его мнению, написаны, когда «поэт снова одушевляется»:

*О радость! Завтра мы узрим
Страну поклонников пророка,
Под небом вечно-голубым
Уьемся воздухом твоим,
Земля роскошного Востока!
И в темных миртовых садах,
Фонтанов мраморных при медленном журчанье,
При соблазнительных луны твоей лучах,*

*В твоём, о юная невольница, лобзанье,
Цветов родной твоей страны,
Живых восточных роз отведаем дыханье
И жар, и свежесть их весны!» (XII,87).*

Как видно, эти стихи привлекли внимание Пушкина тем, что были связаны с изображением Востока.

Значительное место в литературной жизни России занимали и альманахи, за содержанием которых Пушкин внимательно следил. В 1827 году он писал: «альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем судить о ее движениях и успехах» (XI,48)

В альманахе «Мнемозина», которые издавался в 1824-25 гг друзьями Пушкина В. Кюхельбекером и В.Ф. Одоевским, внимание читателей особенно привлекла программная статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», напечатанная в 1824 году. Здесь Кюхельбекер выражал идеи декабристов, очень близкие и самому Пушкину, считающему, что искусство, будучи национальным, призвано объединять весь мир и человечество в целом.

Многие современники Пушкина ратовали за освоение всей мировой культуры - не только западноевропейской, но и восточной. Кюхельбекер утверждал в статье мысль о том, что русские писатели должны знать и писателей других стран: «При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь трудолюбию наших писателей Россия по своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии: Фирдоуси, Гафиз, Саади, Джамии ждут русских читателей» (20).

Существенное место в популяризации восточной литературы в этот период занимал и альманах «Северные цветы», издаваемый Дельвигом. Естественно, что при возможности, после возвращения из ссылки все материалы, помещаемые в нем, Пушкин внимательно прочитывал, и сам принимал участие в его подготовке. В альманахе 1826 года

были напечатаны стихи из цикла «Подражания Корану» Пушкина и статья Ф. Глинки о «персидском Омере» - поэте Фирдоуси.

Здесь же читатели имели возможность прочитать стихи Ф.И. Тютчева, которые были даны под общим названием «Подражания арабскому», стихотворение Ф. Глинки «Нетленные глаза», связанные с темой Востока.

Заметным литературным явлением стало и появление альманаха «Северная лира», который издавали С.Е. Раич и Д. Ознобишин. В нем были напечатаны переводы из персидской прозы Коноплева, переводы произведений восточных поэтов самого Ознобишина - Дели бюрадера и его статья «Отрывок из сочинения об искусствах».

В этой статье автор восторженно отзывается о персидской музыке и вновь высказывает мысль о том, что она также, как и литература, отражает жизненные условия народа, природу, среди которой он живет: «... произвела ли что-либо чудесного музыка между персиянами? - О, без сомнения, да и могло ли быть иначе в этой земле, где соловьи изъясняют свою любовь к розе на языке пехлеви или на языке древних персов...» (12)

Пушкина не могла не заинтересовать та восторженная оценка, которую давал Ознобишин всем видам искусств Персии в этой статье. В заметке: «Об альманахе «Северная лира» (1827) Пушкин пишет о восточных переводах поэта: «Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых господином Дели бюрадере, - что касается до нас, то мы находим его переложения изрядными для татарина» (XI,48).

Как видим, Пушкин не счел возможным дать анализ переводов Дели бюрадера. Здесь на наш взгляд, проявилась скромность и добросовестность великого поэта, который, не считая себя компонентным в оценке восточных переводов, не берется судить о них.

Вместе с тем, отмечая недостатки переводов того времени, следует сказать, и о том, что само стремление узнать произведения восточных поэтов, переводить их произведения на русский язык весьма примечательно. Если в первой четверти века переводы восточных поэтов осуществлялись большей частью с французского и немецкого языков, то позднее, начиная со второй половины 20-х годов, появились переводчики, переводящие текст с оригинала. Вспомним, например, А. Бестужева - Марлинского, который также, как и другие популярные поэты того времени – Кюхельбекер и Л. Якубович, уже в годы ссылки на Кавказ, намеревался изучить язык фарси. Своим братьям он сообщал о намерении: «Я принялся за татарский...» и дальше «Доберусь и до Гафиза» (22).

Принципы стихотворного перевода начали слагаться в русской литературе уже во второй половине XVIII века. В этот период, и в пушкинскую эпоху вопросы критериев перевода постоянно вызывали острую полемику в литературных кругах. Подходы к проблемам различия таких видов перевода как подражание, вольный перевод и собственно перевод только начали формироваться.

Сам Пушкин всегда был сторонником видения инонационального характера переводимого поэта, глубокого проникновения в суть его поэтического мышления, своеобразия самобытности поэтической культуры народа, литературу которого представляло переводимое произведение. Поэтому так бережно Пушкин относился к переводимому произведению, осторожно допускал различные замены в случаях семантического и стилистического несоответствия языков.

В переводимом произведении Пушкин, прежде всего, видел художественное целое и поэтому в своей переводческой деятельности стремился к максимальной приближенности к оригиналу. В период жизни и творчества Пушкина эстетические принципы перевода его современников также

претерпевали существенные изменения. Интересно с этой точки зрения проследить, как менялись эстетические принципы художественного перевода, например, у выдающегося переводчика XIX века В.А. Жуковского. Е. Эткинд прослеживает художественные особенности одного и того же произведения Томаса Грея «Сельское кладбище», осуществленных Жуковским сначала в 1802 году, а потом в 1839 году (23) и ярко показывает творческую эволюцию художника слова.

Переводы с восточных языков, публикующиеся в журналах и альманахах того времени, были различными по своей эстетической ценности. Многие переводчики не знали языков, с которых переводили, и поэтому обращались к французским или немецким переводам. Смысл оригинала, его художественные особенности при таком подходе не могли быть точно переданы.

Вот, например, перевод знаменитой газели Гафиза, опубликованной в журнале «Московский телеграф» в 1825 году Егором Познанским:

*Лесок приятен в вечер ясной,
Когда над ним взойдет луна,
Но если нет подруги страстной,
Его потеряна цена.
Мила улыбка уст прекрасных -
В сердца нам радость льет она,
Но без лобзаний сладострастных
Вся их потеряна цена.*

Сравним его с подлинником:

*Гул бе рухи ёр хуш набошад,
Бе бода баҳор хуш набошад.
Тарфи чаману тавони бўстон
Бе лолаузор хуш набошад.
Рақсидану сарву ҳолати гул
Бе савти ҳазор хуш набошад.
Ҳар нақш, ки дасти ақл бандад,*

*Чуз нақши нигор хуш набошад.
Чон нақди муҳаққар аст, Ҳофиз,
Аз баҳри нисор хуш набошад.*

Даем подстрочный перевод:

*Цветок без лика возлюбленной не радуется,
Весна без вина не радуется.
Бродить по цветнику и плодовом саду
Без тюльпаноликой не радуется.
Пляска кипарисов и красота цветов
Без пения соловья не радуется.
Все, что создано разумом,
Кроме творения возлюбленной, не радуется.
Душа, Гафиз, ничтожная монета
И дарить ее не радуется*

Как видим, в переводе Е. Познанского совсем не чувствуется восточный колорит. Язык его можно назвать трафаретным и нейтральным (он ни в какой мере не передает тип мышления восточного поэта).

В «Северной лире» в 1827 году был опубликован перевод этой же газели, осуществленный Дели бюрадером. *

*Без красавицы молодой,
Без кипящего стакана
Прелесть розы огневой
Блеск серебристого фонтана -
Не отрадны для души!
Без напева соловья,
Скучны роз душистых ветки,
Шепот сладостный ручья,
И яминные беседки -
Не отрадны для души!
Юной пальмы гордый вид,
Кипариса волнованья,
Без тюльпановых ланит -
Где играет огонь желанья -
Не отрадны для души!*

Этот перевод уже несколько ближе к оригиналу, хотя и он в полной мере не отражает глубину идейного смысла произведения, его внешней и внутренней формы. Современные исследователи восточной поэзии считают, что главными чертами ее являются значительность и многозначность поэтического слова. Смысл этого современного языка - «лисан-ул-гайб» особенно глубоко раскрывает И.С. Брагинский: «Благодаря своей многозначности слово поэта может служить ему щитом, ширмой, прикрывающей подлинный смысл его стихов. Персидская поэзия выработала богатейший иносказательный язык, в котором самые утонченные мистические понятия были выражены в образах плотского любовного вождления. Так что же мешало поэту, назвавшись мистиком, под покровом святости срывать всяческие покровы и обнажать человеческие страсти и пороки?

И здесь вновь приходила на помощь значительность слова, его весомость, которая придавала особую силу отдельному словосочетанию, отдельному бейту или строке, и благодаря своей значительности даже одно слово, повернутое острой гранью смысла к читателям, обжигало их своей неожиданностью... в поэзии Востока воцарились пафос намека, игра иносказаниями и аллегориями, двусмысленность полутонов и светотень, сбывающиеся с толку комментаторов и порождающие множество споров вокруг каждого бейта в стихотворении»(24).

Автор отмечает, что в каждую эпоху разные читательские группы истолковывают слово по-своему.

Современный исследователь «Западно-восточного дивана» Гёте считает, что великий немецкий поэт, глубоко познав творчество восточных классиков, многие из их приемов использовал в своей книге: «Изумительная поэтическая техника не могла не пленить Гёте: она раскрывала неистощимую сокровищницу иносказаний. Страстное влечение к любимой означало благочестивое рвение, благогове-

ние перед Всевышним: опьянение было равнозначно экстазу, в котором постигается божество. Любовь к прекрасному мальчику- кравчему облагорожена, освящена, она - ступень к совершенству. Кубок - проводник к «небесной цели», а под вином разумеется напиток, гуриями приправленный ароматом чистой амброзии ангелов» (25).

С этой точки зрения интересен также взгляд нашего современника М. Шагинян, пытающейся объяснить, почему в начале XIX века было так мало хороших переводов с восточных языков: «В те годы - начало XIX века - переводить с восточных на европейские языки еще только начинали и не особенно церемонились в вопросах точности. Да и как было понять эту точность? Европейец встретил в персидской и арабской поэзии совершенно новую для него систему образов, связывавшихся друг с другом по совершенно непонятной ему ассоциативной связи, - не по смыслу, а по первой попавшейся случайной детали. Сотнями метафор обыгрывал, например, восточный поэт потерю Магометом зуба в бою. Переводчику вся эта игра слов с зубами могла казаться случайной и несущественной, образы звезд, космогонии, растительного, звездного мира, отголоски каких-то чужих Европе мифологем, пристегивавшиеся к зубу Магомета цепочкой, казалось, не имели органического стержня и могли без ущерба разрываться или заменяться более близкими европейскому воображению» (26).

Гёте высказывает мысль о существовании трех родов переводов и отдает особое предпочтение третьему роду, «когда его стремишься сделать идентичным оригиналу» (27).

Гёте считает, что именно такой перевод приближается к подстрочнику и в высокой степени облегчает познание оригинала.

За многие десятилетия XIX и XX веков русская переводческая школа прошла большой и сложный путь, который был отмечен многими обретениями.

Сравним, например, текст переводов стихотворения Саади «Завещание», который был взят из статьи французского ориенталиста А. Журдена, напечатанный в «Вестнике Европы» в 1815, и русского переводчика Константина Липскерова (1882-1954). Перевод, приведенный в статье А. Журдена:

«О ты, который ногами попираешь мою могилу, прохожий! Вспомни о добрых людях, мне предшествовавших. Страшно ли превратиться в прах тому, кто в своей жизни был малою частичкой земли? Тихо низошел он в землю, - он, подобно ветрам, окруживший всю вселенную. Недолго будет лежать прах его; восстанут вихри и развеют оный по пространству мира. Но доколе ветроград наук расцветал, никакой соловей не издавал в нем более приятных звуков. Не удивительно ли было бы, когда б такой соловей навсегда умер, и когда бы на гробнице его не распустилась благовонная роза» (28).

Перевод К. Липскерова:

*О ты, проходящий над прахом Саади,
Постигни, прошу тебя, господи ради:
Он - прах, но, припомнив о прошлой отчизне,
Был встарь он бессилен, и встарь он был пра-
хом,
Но мир он обвил своей славы размахом.
И долго он прахом пребудет он сырым?
Он снова, как ветер, промчится над миром.
В саду песнопений еще не единый
Такой не вздымался, напев соловьиный.
Дивись, коль забвенью мне станет угрозой,
Коль прах соловья не поднимется с розой. (29)*

Приводим оригинал и его подстрочник:

*Ало, эй ки бар хоки мо бизгарй,
Ва хоки азизон, ки ёд оварй.
Ки «гар хок шуд Саъдй, уро чй гам?!...
Ки дар зиндагй хок будааст ҳам.*

*Ба бечорагӣ тан фаро хок дод,
 Ва дар гирди олам баромад чу бод.
 Басе бар наёяд, ки хокаи хурад,
 Дигарбора бодаи ба олам борад.
 Нигар, то гулистони маънӣ шукуфт,
 Бар ӯ ҳеҷ булбул чунин хуш нагуфт!
 Аҷаб, гар бимирад чунин булбуле,
 Ки бар устухонаш нарӯяд гуле?»... (30)*

Подстрочный перевод:

*О, идущий по нашему праху,
 Вспомни дорогих, что стали прахом.
 Что печалиться, если прахом стал Саади,
 Ведь и в жизни он был прахом.
 В нужде отдал тело земле
 И если, как ветер, облетел весь мир.
 Немного пройдет времени, и он будет поглощен
 И снова ветер разнесет его прах над миром.
 Смотри, как расцвел цветник разума,
 Так красиво в нем не пел ни один соловей.
 Как жаль, если умрет такой соловей,
 На костях которого не взойдет цветок.*

Итак, сравнивая два перевода - отрывка из поэмы Саади «Бустон», названного переводчиками «Завещание», один из которых осуществлен в 1815 году, а другой немногим менее, чем через полтора века, - мы видим воочию существенную разницу.

В первом неподписанном автором переводе, сделанном с французского языка, поэтический текст заменен прозаическим и несколько приукрашен, хотя и здесь мы должны отметить глубокое понимание идейного смысла оригинала, желание донести до читателя его некоторые особенности, выразившиеся в употреблении ключевой лексики, посредством которой раскрывается идея: прах, соловей, роза.

Для перевода же К. Липскерова характерно стремление максимально приблизиться к тексту, передать не только стихотворную форму, но и образную систему - через весь текст проходит слово «прах» - оно повторяется здесь пять раз - сам Саади использует слово «хок», обозначающее прах, 6 раз. Немного усложняет лексику перевода, данного в статье А. Журдена, и такое слово, как «ветроград», которое К. Липскеров переводит словосочетанием «в саду песнопений». На наш взгляд, переводчики должны были стремиться использовать слово Саади «гулистон» - цветник - поскольку оно уже стало крылатым и вмещает в себе определенный смысл.

Стихи Пушкина на восточные темы показывают, как глубоко он понимал восточный стиль с его глубоким подтекстом, многозначностью слова, аллегориями, иносказаниями, как сам он уже с той поры, когда создавал «Подражания Корану», овладел искусством тонко перевоплощаться в представителей другого народа, передавать своеобразие инонационального характера.

Пушкин был необычайно образованным человеком. Круг его читательских интересов был удивительно разнообразен. Сам поэт упоминает о прочитанных им книгах во многих статьях и письмах. В стихотворении «Пирующие студенты» (1814) читаем:

*Друзья! Почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом? (1, 59)*

Или же в стихотворении «Бова» (1814):

*Несравненного Вергилия
Я читал и перечитывал...
Разбирал я немца Клопштока...
За Мильтоном и Камознсом
Опасался я без крыл парить... (1. 63)*

Названы здесь и в других произведениях и многие другие имена. И на протяжении всей своей недолгой жиз-

ни Пушкин всегда интересовался книгами, приобретал их, внимательно прочитывал, делал на них отметки, писал о них друзьям и близким.

Как известно, уже в детстве он знал сочинения многих французских писателей и философов: Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо. В библиотеке самого же Пушкина были труды Платона, Сенеки, Саллюстия, Плиния, Тацита, Сен-Симона, Макиавелли, Мирабо, Лафатера и многих других философов.

Не вызывает сомнения, что читал Пушкин и труды литературоведов и историков о Востоке, о восточной литературе.

Внимательно знакомился Пушкин и с книгами своих современников. Очевидно, читал он и книгу писателя-теоретика русского романтизма

О. Сомова «О романтической поэзии». Автор утверждал в ней мысль о неразрывной связи Запада с Востоком: «... сколько в России племен, верующих в Магомета и служащих в области воображения узлом, связующим нас с Востоком. Итак, поэты русские, не выходя за пределы своей родины, могут перелетать от суровых и мрачных преданий Севера к роскошным и блестящим вымыслам Востока» (31).

Значительно расширяли круг знаний Пушкина о Востоке многие книги о путешествиях в Персию. С юных лет он постоянно испытывал интерес ко всему, что его окружает: к людям, их характерам и быту, к природе. Сразу же после окончания лицея, когда его товарищ Федор Матюшин - в будущем известный адмирал - отправлялся в кругосветное путешествие, Пушкин при прощании советовал вести ему путевой дневник, чтобы не забыть «подробностей жизни, всех обстоятельств встреч с различными племенами, особенностей природы» (32)

В библиотеке самого Пушкина было множество книг о путешествиях в различные страны мира. Среди таких книг

можно назвать двухтомное сочинение на английском языке «Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части царства Персидского Джона Кука, доктора медицины» книга была издана в Эдинбурге в 1770 году. Сделанные в ней девять закладок свидетельствует о том, что Пушкин внимательно изучал этот труд. Во втором томе его описывается путешествие Джона Кука - шотландца, врача М. М. Голицына в Персию в составе русского посольства.

Хорошо был знаком Пушкин и с книгой «Записки доктора Лерхе». Автор ее, немецкий врач, долгое время жил в России и в 1745-1747 годах в качестве врача русского посольства ездил в Персию. (33) Именно на него ссылается Пушкин в своем очерке о Татищеве (XII, 344).

Сведения о Востоке Пушкин мог почерпнуть и в прочитанной им книге - «Записки Питера Г. Брюса, сквайра, офицера прусской, русской и британской службы, содержащие отчет о его путешествиях в Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии и проч., а также некоторые весьма интересные частные анекдоты о жизни русского царя Петра I». Эту книгу вместе с записками Джона Кука Пушкину послал с сопроводительным письмом в декабре 1835 г. инженер-генерал Александр Яковлевич Вильсон.

Как считает И.С. Брагинский, Пушкин был знаком и с знаменитой антологией персидской классической поэзии, составленной Иозефом Хаммером фон Пургшталем. Шесть капитальных томов под названием «Сокровища Востока» были изданы в Вене в 1818 году. При жизни Пушкина в 1833 году Пургшталь издал также «Диван Магомета Шемсь Еддина Гафиза» (Гафиза - Б.Х., М.М.) .

Сохранился в библиотеке Пушкина и французский перевод капитального труда английского ученого и дипломата Джона Малькольма «История Персии» (Париж, 1821). Автор ее несколько лет жил в Тегеране. Как отмечает Б. Модзалевский, «все четыре тома разрезаны». (34) Вероятно, знаком был Пушкин и с рецензией на книгу Джона

Малькольма «Взгляд на Персию, из записок одного путешественника по Востоку», опубликованной в «Московском вестнике» в 1827 году и принадлежащей А. Кошелеву.

Пушкин имел также два сборника Саади в переводе на французский язык. До последнего дня своей жизни поэт постоянно приобретал книги. В счете, посланном ему из книжного магазина в 1835 году, среди огромного перечня книг значится: Агуб. «О восточной литературе» и Мармье «Этюды о Гёте» - книга, содержащая и анализ «Западно-восточного дивана» Гёте.

Академик М.П. Алексеев считает, что Пушкину была знакома и статья К. Мармье «Предания о Фаусте, знаменитом чернокнижнике и колдуне», напечатанная в журнале «Телескоп» в 1834 году. Статья это входила в книгу «Этюды о Гёте». (35)

Пушкину были хорошо известны и сочинения выдающегося немецкого ученого Йоганна Готфрида Гердера - учителя великого Гёте. Один из первых в мировой науке в своих философских статьях и сборнике «Голоса народов» он высказывал мысль о слиянии передовых идей Запада и Востока.

В романе «Евгений Онегин» Пушкин, упоминая авторов книг, которые читал герой, называет и Гердера:

*Стал вновь читать он без разбора,
Прочел он Гиббона, Руссо.*

Манзони, Гердера, Шамфора. (VI, 182-183)

Работая над черновиками статьи «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», Пушкин среди выдающихся личностей называет и имя Гердера.

Идеи Гердера оказали большое влияние на формирование мировоззрения Гёте, на его отношение к литературам разных народов. Гёте считал, что Восток и Запад имеют много общего и должны изучать культуру и литературу

друг друга: «... все нации, испытав потрясение и смешавшись друг с другом во время ужасающих войн, а затем, вновь возвратившись в свое прежнее обособленное состояние, не могли не заметить, что кое-чему научились на чужбине, восприняли что-то новое, иной раз ощутили неизвестные до сих пор духовные потребности» (36).

Гёте стремился к тому, чтобы Запад полнее ознакомился с литературами Востока. Он считал, что знание восточных литератур станет средством и более полного постижения литератур Запада:

Восхитительно Восток

К Средиземью устремился;

В Кальдероне тот знаток,

Кто в Гафизе искусился. (пер. С. Шервинского)

Называя книги, оказавшие воздействие на развитие интересов Пушкина к Востоку, мы не имели возможности назвать много других, которые поэт упоминает в своих произведениях, письмах и статьях и специально изучает в процессе работы над ними. Думается, что систематизация такого материала в будущем во многом расширит наши представления о духовном мире поэта, об источниках, которые питали его творческие импульсы.

Не менее значительным фактором, оказавшим влияние на формирование интересов Пушкина к Востоку, явился его круг общения с современниками. С именем первого директора лицея И.Ф.Малиновского, служившего прежде дипломатом и знавшего восточные языки, связан интерес Пушкина и Кюхельбекера к восточным литературам, в том числе и к персидской литературе.

Благодаря своим лицейским наставникам лицеисты получили знания о восточных религиях и, особенно об исламе и пророке Мухаммаде, об учении Зороастра. Профессор истории Иван Кузьмич Кайданов в книге «Основания всеобщей политической истории», изданной в 1814 году, писал о Персии - «первом великом государстве на свете» и

стремился обратить внимание на факты и события, которые влияли на положение народа: «Деспотическое правление, водворившееся во всех азиатских государствах, угнетало народ и подавляло в нем все благородные чувства». (37)

До нашего времени дошли конспекты лицейского товарища Пушкина - А.М. Горчакова, в которых имеются записи об истории восточных народов.

Решающее значение в формировании интереса к Востоку у Пушкина имела его дружба в лицее с В. К. Кюхельбекером.

Ю. Тынянов, которому удалось в 1928 или в 1929 годах приобрести архив Кюхельбекера, впоследствии пропавший в годы ленинградской блокады, свидетельствуют, что «следы детального изучения история турецкой и персидской поэзии встречаются в лицейских записях Кюхельбекера» (38).

Под влиянием швейцарского политического деятеля и писателя Франсуа Рудольфа Вейсса Кюхельбекер ведет словарь. Его также удалось обнаружить среди бумаг, приобретенных Ю.Н. Тыняновым. Это была тетрадь из синей бумаги довольно большого объема - в ней было 245 страниц. В этом знаменитом «Словаре» содержались обширные сведения философского, морального, литературного содержания, интересовавшие и Кюхельбекера и его друзей. Именно об этом словаре Пушкин писал в строфе, которая не вошла в окончательный текст стихотворения «19 октября» (1825):

Златые дни! И зимние забавы.

И черный стол, и бунты вечеров,

И наш словарь, и плески мирной славы

И критики лицейских мудрецов. (II, 971)

Были в нем имена Саади, Зороастра, Мухаммада.

В словаре Кюхельбекер поместил перевод стихотворения «Гулистана» Саади: «Амбра ли ты? - спросил я у куска

глины, который я поднял в купальне. Нет, я нечто иное, как простая глина, но обитала несколько времени между розами...» (39)

Тогда в лицейские годы Кюхельбекер переводил с французского и немецкого языков произведения Саади и Гафиза. Особенно знаменательно обращение к притче Саади о капле воды, превратившейся в жемчужину.

Ю.Н. Тынянов утверждает, что литературная культура раннего Пушкина изучена «чисто» благодаря и тому также, что изучено лицейское чтение Кюхельбекером произведений Вейсса и Руссо.

Думается, что это положение приемлемо и тогда, когда речь идет и о восточных авторах. Причем Ю. Тынянов отмечает, что Кюхельбекер не просто знакомился в лицее с восточными литературами, а изучал их. (41) С годами это стремление к изучению восточной литературы крепло.

Во время поездки за границу в Париж в 1821 году Кюхельбекер познакомился со многими выдающимися литераторами, имена которых он записывал в своем дневнике.

Одним из первых он записал имя ученого популяризатора востоковедения Луи Матье Ланглеса, автора исторического труда о Тамерлане, издателя путешествия Шардена в Персию, переводчика персидских и индийских сказок и басен.

Знакомство с великим Гёте в 1820 году также стало важным событием в его жизни. Незадолго до этого - в 1819 году - вышла книга Гёте «Западно-восточный диван».

Произведение, не уступающее по своей значимости «Фаусту», произвело на Кюхельбекера сильнейшее впечатление. Позднее, в 1825 году он делает подробные заметки об этой книге - главным образом из второй ее части, включающей статьи о восточных классиках. Кюхельбекер законспектировал статьи о Фирдоуси, Джами, Анвари, Саади, Гафизе, Руми, Низами.

На развитие интересов Кюхельбекера к Востоку большое воздействие оказал и Грибоедов. В письме к матери, написанном в декабре 1824 года, Кюхельбекер писал: «Я встретил здесь своего милого петербургского знакомого Грибоедова. Он был около двух лет секретарем посольства в Персии, сломал себе руку, и будет жить теперь в Тифлисе до своего выздоровления. Он очень талантливый поэт, и его творения в подлинном чистом персидском тоне доставляет мне бесконечное наслаждение». (42)

Знакомство с Грибоедовым не прошло для творчества Кюхельбекера бесследно. Он решил написать о нем поэму.

О незаконченной поэме, именуемой «Начало поэмы о Грибоедове» (1822-23 гг.) Тынянов пишет: «Громадная работа над восточной поэзией и ее стилем чувствуется в этом замечательном отрывке. Рассказ о Грибоедове ведется от имени некоего Абаса, познакомившего Грибоедова с классиками восточных литератур. Кюхельбекер настаивал на возможной стилистической близости к передаче античного и восточного материала: даже широко известные имена собственные он передает с их ориентальной окраской. Так, Дария у него Дара и т.д.» (43)

Восточный колорит в поэме ощущается очень ярко. Упоминаются сады Шираза, «младой гаур» с «взором иным и нежным», прославленные героини восточных произведений:

*Прелестных жен семья святая.
Меня в чужбине не покинь!
Зулейха, Мириянь, Ширинь,
Цветы утраченного рая.
Пусть миг один в саду земли
Благоухая, вы цвели, -
В веках седых и отдаленных,
Поэтов, вами вдохновенных,
Востока имена почли. (44)*

В 1823 году Кюхельбекер посвящает Грибоедову стихотворение «А.С. Грибоедову при посылке к нему в Тифлис моих «Агривян». И вновь мы видим, как в стихотворении уже сам образ Грибоедова вызывает в памяти широко известные имена классиков Востока и их произведения:

*В одежде легкого тумана
Предстань певцу в прозрачной тьме.
На тихом злачном том холме,
Где ныне, может быть, он запах Гулистана.
Вбирает жадною душой,
Где старец вечно молодой.
Где музы пышные святого Фарзистана
Парят над вещью главой. (45)*

В 1824 году Кюхельбекер пишет стихотворение «Смерть Байрона». В предисловии к нему прокомментированы некоторые строфы произведения, раскрывающие интерес Байрона к восточной тематике:

*«Вспылал далекий минарет
Иман, над прахом возвышенный,
Трикрат провозгласил вселенной:
«Бог только бог - иного нет» -*

В арабском тексте: «Нет бога, кроме бога, а Магомет пророк его» - обыкновенный зов на вечернюю молитву мусульман.

*Змеятся быстрые зарницы,
Бегут - и вдруг завесу тьмы
Срывают с мраморной чалмы,
С объятой розами гробницы,
И соловей, любовник роз,
Вспорхнул, слетел с надгробных лоз.*

На мусульманских гробницах обыкновенно находятся каменные чалмы, а кладбища всегда обсажены цветами. Соловей назван здесь любовником роз в подражание восточным поэтам». (46)

Во всем тексте стихотворения много восточной лексики, к которой Байрон обращался сам в своих восточных поэмах.

Заметным литературным явлением стала статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие», о которой мы упоминали выше, Пушкин, несомненно, хорошо был знаком с ее содержанием; им написаны заметки об этой статье и статье «Разговор с Булгариным», которые под названием «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» впервые напечатаны в 1855 году.

В них Пушкин отмечает, что «статьи написаны человеком ученым и умным. (Правый или неправый), он везде предлагает даже причины своего образа мыслей и доказательств своих суждений» (XI, 41).

Немного позднее - в 1825 году - Кюхельбекер публикует в «Сыне Отечества», который Пушкин также регулярно читал, статью «Разбор поэмы князя Шахматова «Петр Великий». Здесь мы наблюдаем интересные аналогии, который Кюхельбекер проводит между западными и восточными литературами. Говоря о Шекспире, одно из произведений которого охватывает два века, и Фирдоуси, он пишет: «Фирдоуси в своей книге «Книге царств» («Шах-Наме») представляет нам тысячелетия и единство, несмотря на то, ими сохранено». И дальше: «По огромнейшему еще предначертанию, Фирдоуси поет роковую брань Ирана и Турана и конечное слияние их в племени Рустамидов» (47).

Будучи в одиночном заключении в различных крепостях, а потом живя в ссылке и с трудом доставая книги, Кюхельбекер не изменяет влечениям своей юности. В дневниковых записях и в оригинальных произведениях он обращается к теме Востока. Различные его заметки свидетельствуют о том, каким эрудированным человеком был

Кюхельбекер. Не случайно Пушкин называет его «живым лексиконом и вдохновенным комментарием» (XI, 273).

Все, что удастся ему прочитать - а читал он главным образом только старые журналы - вызывает у него глубокие размышления, различные ассоциации. Так, прочитав в «Сыне Отечестве» за 1823 год отрывок из предисловия к арабским сказкам немецкого ориенталиста Йозефа Хаммера Пургшталя, в дневнике за 1833 год записывает: «В статье Гаммера «Об арабских сказках» попало мне любопытное известие, что Гомеров Полифем переведен арабами и принят в состав «Тысячи и одной ночи». (48)

А размышляя над тем, что в книге Е. Тимковского «Путешествие» отец монгольского хана Гесара назван Хурмуста, он задает себе вопрос: «Нет ли чего-нибудь общего между их Хурумустою и Ормуздом персов?». (49)

Еще один пример, свидетельствующий о том, как Кюхельбекер стремился вникнуть в самую суть явлений: «Хан Бабур - основатель империи Великого Могола, назван в наших летописях падшею; Карамзин полагает, что Падша значит Паша; мне кажется, что это испорченное имя Падиша» (50)

Восточная тема становится одной из главных и в художественных произведениях, написанных Кюхельбекером после подавления восстания декабристов. В стихотворении «Памяти Грибоедова» (1829) возникает образ «певца, воспевшего Иран и - ах - сраженного Ираном!»

В 1831 году он приступает к работе над произведением «Русский Декамерон», которое как бы аккумулирует все мысли, знания и оценки Кюхельбекера о восточных литературах и главным образом о литературе на фарси - таджикско-персидской.

Роман, на композиции которого в какой-то мере сказались традиции книги новелл Боккаччо «Декамерон», должен был состоять из трех частей. По замыслу сюда должны были входить и прозаические и стихотворные произведе-

ния, в которых поэт намеревался раскрыть свою концепцию развития мировой литературы. Кюхельбекер считал, что в мировой литературе в тесном единстве должны сосуществовать традиции многих веков и народов. Восточная поэма Кюхельбекера «Зоровавель» также должна была войти в «Русский Декамерон». Поэту очень хотелось, чтобы она быстрее была напечатана. Вместе с несколькими произведениями он послал ее Пушкину, и тот ходатайствовал в 1832 году перед А.Х. Бенкендорфом о ее публикации. С помощью Пушкина она была издана в 1836 году и, несомненно, что тот ее внимательно читал, хотя и не оставил своих заметок о ней, надо полагать, по цензурным обстоятельствам. Ведь ранее, вплоть до конца 1825 года, мы постоянно находим в письмах Пушкина упоминания о Кюхельбекере. Он расспрашивает о нем своих знакомых, очень хочет получать от него письма, радуется намерению Кюхельбекера приехать в Одессу, а потом в Михайловское.

В поэме «Зоровавель» повествуется о событиях, связанных с русско-персидской войной 1829 года о библейских сказаниях, в основе которых были персидские войны во времена иранского царя Дария. Зоровавель же - юноша, который вывел евреев из персидского плена.

Начинается поэма с описания Тавриза, покоренного русской армией. Раскрывается здесь и замысел поэта:

*Над войском русского царя
В стенах Тавриза покоренных
Бледнеет поздняя заря;
На минаретах позлащенных,
Дрожь, последний луч сверкнул;
Умолк вечерний пушки гул.
Умолк протяжный глас имана,
Зовущий верных чад Курана
Окончить знойный день мольбой,
Но в сизом дыме калиана,*

*Безмолвный окружен толпой,
Сидит рассказчик под стеной
Полуразрушенного хана.
И говорит: «Да даст Аллах
Устам моим благословенье!
Да будет речь моя светла
И стройно слов моих течение!
О чем же возведу, друзья?
Нет, Рустма, Зама, Феридуна
Не славлю; слаб, бессилен я;
Их славить нужны блеск Перуна,
Морей обилье, глас громов...» (51)**

Особого внимания заслуживают здесь и комментарии, составленные самим Кюхельбекером. В них прокомментировано множество восточных слов и понятий.

В прозаической части «Русского Декамерона», в диалогах героев мы знакомимся с интересными суждениями о литературе на фарси: о Фирдоуси и его «Шахнаме», о Джемшиде, об Ормузде и Аримане, о розах, соловьях и пери и многом другом, что характеризовало историю, литературу и культуру древнего Ирана.

Пушкин, несомненно, был в курсе всех литературных интересов своего друга. Может быть, даже и отрывки из «Русского Декамерона» были известны Пушкину, хотя в письме Бенкендорфу он просто упоминает о нескольких рукописных поэмах, не называя их. Письма Кюхельбекера убеждают в том, что до последних дней жизни Пушкин помогал опальному другу приобретать нужные ему книги и печатать свои произведения.

* На фарси слово «Коран» звучит как «Курьон», и Кюхельбекер, вопреки принятой традиции, более близок к верному звучанию его.

В последнем письме Пушкину от 3 августа 1836 года Кюхельбекер просит прислать ему среди других книг «Куран на английском, Саконталу на английском же, Ша-Наме на немецком (Герреса)...» (XVI, 148). Мы не знаем, удалось ли Пушкину, которому оставалось жить всего полгода, выполнить просьбу Кюхельбекера, бывшего для него «братом родным по музе, по судьбам».

Полагаем, что тема «Кюхельбекер и восточная литература» одна из актуальнейших в литературоведении, в свете контекста развития мировой литературы. Для самого же Пушкина восточные интересы Кюхельбекера были в какой-то степени импульсом для его собственного творчества.

Большое духовное влияние оказывал на юного Пушкина и старший его друг - известный поэт Петр Андреевич Вяземский. Письма Вяземского, его беседы с друзьями свидетельствуют о большом интересе, проявляемом им к исламской религии и к персидской культуре. Еще в 1806 году, в возрасте 14 лет, он просит у отца разрешение купить наряду со многими книгами книгу Монтескье «Персидские письма». Его письма к друзьям пестрят терминами, связанными с религией ислама.

Вот, например, его письмо от 2 ноября 1818 года к писателю Д.В. Дашкову, служившему в Турции: «Алла! алла! алла! слава и благодарение великому Пророку благоверных арзамасцев за письмо, розу воспоминания, жемчужинку радости!» (52).

И дальше, расспрашивая о событиях русской жизни и упоминая имя своего друга А. Тургенева, с которым он часто общался, пишет: «Клянусь вам его Библией, вашим Алкораном и моим Талмудом. Вам можно будет поместить это в какие-нибудь чудеса арабской сказки» (53)

Заканчивая письмо, Вяземский вновь упоминает Куран: «Питайте иногда меня выписками из Алкорана и а мечетях молитесь обо мне великому Пророку...» (54)

Очевидно, что, часто встречаясь с Пушкиным, он упоминал в беседах с ним о различных фактах, связанных с Востоком. В свою очередь Пушкин в письмах к Вяземскому также использовал термины, характеризующие Восток и его культуру. Это главным образом письма, раскрывающие отношение Пушкина к восточному стилю.

Интеллектуальное воздействие на Пушкина оказывал и его друг Петр Яковлевич Чаадаев, с которым он постоянно общался в 1816-1820 годы. Один из крупнейших мыслителей своего времени, Чаадаев с ранней юности изучал философию, историю многих народов и религий. Нередко встречаясь с Пушкиным, особенно в период его учебы в лицее, он, без сомнения, также способствовал формированию мировоззрения поэта. Его «Философические письма» (1829-1831) говорят о том, что Чаадаев пытливно изучал историю и религию народов восточных стран и имел о них свои оригинальные суждения. Так, во втором «Философическом письме», говоря об избранниках, которым было суждено «провидеть светлый след звезды правды» и чело которых «озарено было необычайным отблеском, он называет в ряду Пифагора, Сократа и Платона также и Зороастра (55).

В шестом «Философическом письме», рассуждая о судьбе «гигантских фигур». Чаадаев приводит в пример имя пророка Мухаммада - «одного из тех людей, которые наиболее способствовали выполнению плана, предначертанного божественной мудростью для спасения рода человеческого (56).

Особенно подробно Чаадаев раскрывает свою концепцию развития религий и их роль в историческом процессе развития человечества в седьмом «Философическом письме». Он показывает значение пророка Мухаммада в мировой истории, как великой личности, сумевший содействовать искоренению многобожия, распространившей понятие о едином боге. По мнению Чаадаева, «ислам представ-

ляет одно из самых замечательных проявлений общего закона» (57).

Чаадаев утверждает мысль об общности религий: «В великом процессе развития откровений религий учение Магомета необходимо должно быть рассматриваемо как одна из ее ветвей (58).

При жизни Пушкина было напечатано только первое письмо, но он хорошо был знаком с содержанием всех восьми писем, потому что Чаадаев еще в 1831 году послал ему рукопись, желая знать мнение своего друга. И Пушкин не только читал, но и перечитывал рукопись. Наиболее полную ее оценку он дал в письме Чаадаеву, написанном 19 октября 1836 года, но не отправленном. (XVI, 171-173).

А еще ранее в письме Чаадаеву от 6 июля 1831 года, говоря о том, что перечитывал рукопись, пишет: «...начало слишком связано с предшествовавшими беседами, мыслями, ранее развитым» (XVI, 431). Вполне возможно, что Пушкин здесь имеет в виду их предыдущие встречи, беседы, а также письма, в которых подробно раскрывались некоторые идеи.

Например, в письме, адресованном Пушкину в марте - апреле 1820 года, Чаадаев раскрывает свое «самое ревностное желание» - видеть друга, посвященным в тайны века». Кончается письмо словами пророка: «Скажу вам как Магомет говорил своим арабам - вы, если бы вы знали!» (XVI, 394).

Глубоким знатоком Востока в литературных кругах считался Александр Сергеевич Грибоедов. Сам Пушкин хорошо был знаком с ним, поскольку в один год они поступили на службу в коллегию иностранных дел. Известно, что дипломатическая деятельность Грибоедова в течение многих лет была связана с Персией.

Путевые заметки, различного рода записки, письма свидетельствуют о том, что Грибоедов серьезно изучал жизнь восточных народов, интересовался различными де-

талями их быта, культуры. Он искренне хотел, чтобы его друзья также приобщились к его познаниям и поэтому общал о многом в своих письмах.

Уже в одном из писем, написанном 12 октября 1818 года на Кавказе - в Моздоке - и адресованном поверенному в русских делах в Персии С.И. Мазаровичу, мы видим, что поэт серьезно заинтересовала арабская графика.

В письме из Тавриза в феврале 1820 года к П.А. Катенину, который переписывался и с Пушкиным, Грибоедов пишет: «Из всего надо пользу получать, и ты из моего письма научись чему-нибудь. Вот тебе арабский стих...»

Здесь Грибоедов арабской графикой пишет: «Худшая из стран место, где нет друга». И приводит далее это же выражение кириллицей. А на французском языке иронически комментирует: «это немножко вчерашней учености: так как я еще не знаю ни слова по-арабски, то и вы не получите стиха в переводе» (59). Эти слова характеризуют Грибоедова как весьма скромного человека, поскольку в письме, адресованном неизвестному в ноябре 1820 года, читаем: «В бытность мою в Персии изучал я персидский и арабский» (60).

В письмах его постоянно встречаются слова на фарси: мехмендер, сарбаз; упоминаются различные реалии восточной жизни: «время Рамазана», «Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы (час пополудни), ему вторили из всех мечетей».

Обращаясь к Ф. Булгарину, Грибоедов наставляет его: «Не искажай слишком персидских имен и наших здешних...» (61).

А в письме к И.Ф. Паскевичу звучит истинная забота о просвещении общества его с новыми сведениями о Востоке: «Тесть мой завоевал в Баязете несколько восточных манускриптов, сделайте милость, не посылайте их в императорскую библиотеку, где никто почти грамоте не знает, а в Академию Наук, где профессора Френ и Севковский из-

влекут из сего приобретения возможную пользу для ученого света» (62),

В марте 1828 года, когда Грибоедов приехал в Петербург с Туркманчайским мирным договором и поселился в Демутовом трактире, где жил и Пушкин, они, по свидетельству современников, не раз встречались и беседовали. В сознании близких им людей они воспринимались как друзья, имеющую духовную общность.

Из Шлюссельбургской крепости В.К. Кюхельбекер 10 июля 1828 года пишет письмо, которое одновременно адресует Пушкину и Грибоедову: «Любезные друзья и братья, поэты Александры» (63).

В понимании современников Грибоедов был истинным знатоком Востока, человеком, воплощающим в себе духовный мир представителя Востока. Даже Ф. Булгарин, в своем романе «Памятные записки титулярного советника Чухина», изображая в лице главного героя Александра Сергеевича Световидова - Грибоедова, писал о нем: «Он был рожден быть Бонапартом или Магометом» (64).

Из художественных произведений Грибоедова, в которых отразились восточные темы, мы, к сожалению, в настоящее время можем привести в пример лишь широко известный отрывок из поэмы «Странник» под названием «Кальянчи».

Странника, путешествующего по Персии, пленил прекрасный юноша, к которому он и обратился с расспросами:

*В каком раю ты, стройный, посажен?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец пери, или джсиннием* взлеяян.*

Эта же строфа, мелодичная и плавная, вновь звучит второй раз, хотя и в несколько в измененном варианте.

Используемая в отрывке лексика: «трость творит жасминной», «палимый ширазский лист», «драгоценная ам-

бра», «дервиш отбросил четки», «джейрана легкость и стан пальмовидный» - воссоздает восточный колорит.

И не случайно в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», написанном о жизни Грибоедова, мы наблюдаем множество восточных изречений, цитат из произведений восточных авторов и главным образом Саади.

Другие же произведения самого Грибоедова, связанные с Персией, до нас не дошли, хотя и есть свидетельства друзей Грибоедова о том, что он обращался к этой теме в своем оригинальном творчестве.

Один из ближайших друзей Грибоедова С. Бегичев вспоминал о поэте: «совершенно узнал персидский язык, прочел всех персидских поэтов, и сам мог писать на этом языке» (65).

Интерес Пушкина к Востоку углублялся и благодаря общению с другими людьми. Например, в Кишиневе Пушкин дружил с Николаем Степановичем Алексеевым, который был чиновником особых поручений. В 1820 году тот ездил в Персию с одной из миссий. По-видимому, своими впечатлениями он делился с Пушкиным, с которым некоторое время они жили в одной комнате. И позднее, после окончания ссылки, когда Пушкин был на свободе, в 1826 году он писал в письме Алексееву:

Прощай, отшельник бессарабской.

Лукавый друг души моей -

Порадуй же меня не сказочкой арабской,

Но русской правдою твоей (XIII, 309).

Из четверостишия можно сделать предположение, что Алексеев в прежние времена рассказывал Пушкину о Востоке.

Определенное воздействие на интерес Пушкина к Востоку оказывал и известный ориенталист, писатель и журналист Осип Иванович Сенковский, о котором мы уже упоминали в связи с его журнальной деятельностью. Это был удивительно талантливый человек, который владел

более чем десятью иностранными языками, в том числе арабским, персидским, турецким. У него было много псевдонимов и среди них специально подчеркивающие его ориентальные интересы: Хаджи-Баба и Тютюнджи-Оглы.

Пушкин был хорошо знаком с творчеством Сенковского, который провел несколько лет на Востоке. Тонкое знание Сенковским Востока поражало окружающих.

Когда в альманахе «Полярная звезда» была опубликована «арабская сказка» Сенковского «Витязь буланого коня», Пушкин с большой похвалой отозвался о ней в письме к А. Бестужеву: «Арабская сказка прелесть». Он советовал «держаться за ворот этого Сенковского» (XIII, 87).

Современники Пушкина видели в Сенковском подлинного знатока Востока. Например, И.И. Лажечников в пространным письме к Пушкину 22 ноября 1836 года писал, что уважает в Сенковском ориенталиста, ученого. Однако по истечении некоторого времени переводы Сенковского перестали отличаться точностью и стали вольными.

И.Ю. Крачковский отмечает в своих трудах это явление: «Если в первых по времени повестях Сенковский еще несколько придерживается арабского оригинала, то постепенно он отходит от него дальше, создавая на взятой канве уже свои собственные рисунки» (66).

Эту особенность Сенковского как писателя замечали и его современники - читатели. В октябре 1830 года к Пушкину обратился с письмом из Одессы унтер-офицер уланского полка Петр Мартос. «Ссылаясь на «Письмо к издателю» Пушкина, написанное от имени г. А. Б., он писал: «В показаниях его (г.Сенковского) касательно Востока», - говорит г. А. Б., - мы должны верить ему, как люди непосвященные - Этим-то и пользуется г. Сенковский - не идти же нам на место уличать его... Он до такой степени пристрастился к Востоку, что все, по крайней мере все в литературе делает по-восточному - да простит ему Магомет» (XVI, 167).

Там не менее в «Письме к издателю», напечатанном в 1836 году, Пушкин пишет, что многие из статей О. Сенковского «достойны были занять место в лучших из европейских журналов» (XII, 96).

Вероятно, автор имеет в виду также и статьи о Востоке и восточной литературе, поскольку именно здесь же он пишет уже цитированные нами слова: «В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные». Конечно, слова «люди непосвященные» звучат иронически, но, тем не менее, в них есть доля правды, поскольку, как мы уже отмечали, О. Сенковский был человеком, свободно владеющим многими восточными языками и к тому же, совершившим путешествие на арабский Восток.

Примечательным представляется и знакомство Пушкина с выдающимся русским ученым Павлом Львовичем Шиллингом фон Канштадтом. Физик и востоковед, Шиллинг был изобретателем электромагнитного телеграфа и изолированных кабелей, изучал китайскую литературу, собирал китайские, маньчжурские, монгольские, тибетские, японские и индийские рукописи. Ему удалось собрать и коллекции по этнографии Средней Азии.

Пушкин общался с ним многие годы - еще до ссылки на юг и позднее в Петербурге - с 1828 года.

Несомненно, что дружеские беседы с ним оказывали воздействие на Пушкина, усиливали его интерес к Востоку. Именно под влиянием Шиллинга и ученого-китаеведа отца Иакинфа - Никиты Яковлевича Бичурина - он собирался совершить поездку в Китай с русской миссией. Но, к сожалению, планам его не суждено было сбыться, ибо он не получил разрешения от правительства.

Кроме современников, с которыми Пушкин общался непосредственно, было много других, общение с которыми было главным образом заочным. Он считал их своими друзьями, переписывался с ними, делился своими мыслями и

намерениями, но лично не встречался из-за обстоятельств своей жизни.

Среди таких друзей мы хотели бы в первую очередь назвать декабриста Александра Александровича Бестужева – Марлинского, с которым Пушкин оживленно переписывался в 1822-1825 годы, а впоследствии внимательно следил за его творчеством (67).

Будучи издателем альманаха «Полярная звезда» совместно с К.Ф. Рылеевым, он публиковал в нем восточные материалы: повести О. Сенковского, притчу Н. Остолопова «Араб и белый» и другие. Свои же произведения на восточные темы он стал писать главным образом - с 1828 года, когда осужденный на двадцатилетнюю каторгу, перечитывал в Якутске сначала поэзию Байрона и Т.Мура, а потом «Западно-восточный диван» Гёте. В этот период он написал стихотворение «Из Гафиза», «Из Гёте» (С персидского), «Зюлейха», «С персидского». Это были переводы из «Западно-восточного дивана» Гёте, и опубликованы они были только после смерти Пушкина - в 1838 году.

К восточной тематике Бестужев обращался и в своих повестях «Мулла Нур», «Аммалат-Бек».

В повести «Аммалат-Бек» (1832) герой поет песню, которая свидетельствует о том, что автор хорошо представлял себе многие обычаи и верования народов Востока, знаком был я с его фольклором:

Сердце наших - русским мета...

На колени пал мулла -

И молитва, как стрела.

До пророка Магомета,

В море света, в небо света,

Полетела, понеслась:

«Иль-Алла, не выдай нас!» (68).

Песня была напечатана в «Московском телеграфе» в 1832 году, во втором номере, и Пушкин мог прочитать ее, поскольку, как следует из его письма П.С. Сенковскому от

3 января 1833 года, он имел о Бестужеве «сведения лишь из журналов, в которых он печатает свои прелестные повести» (XV, 316).

Сам Пушкин в своих письмах и статьях, написанных до создания «Подражаний Корану», не раз упоминает восточных авторов, их произведения и Коран. Однако, по нашему мнению, каждое из упоминаний Корана той поры свидетельствует, что он главным образом имеет в виду его назидательную направленность.

Так, в письме, адресованном В. Давыдову и датированном июнем 1823 - июлем 1824 года, он пишет: «Я не варвар и не проповедник Корана - дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие» (XIII, 105).

Тогда же в письме Вяземскому, характеризуя русскую оппозицию и раздумывая о возможном участии в ней, он, имея в виду свои обстоятельства, пишет: «С другой стороны, деньги, Онегин, святая заповедь Корана» (XIII, 100).

Но с каждым годом мы наблюдаем, как постепенно его отношение к важнейшим проблемам, связанным с различными аспектами восточной культуры, к принципам, которыми должен руководствоваться писатель, воссоздавая восточную действительность, становится иным.

Письма Пушкина к друзьям свидетельствует о том, как он серьезно раздумывал над восточным стилем, наблюдаемым им в современной литературе, и над вопросами его совершенствования.

Глубокую характеристику этому стилю дает Г.А. Гувковский: «Восточный стиль стал стилем свободы. При этом он не был точно дифференцирован ни национально, ни географически, ни исторически. Это был «пестрый», «роскошный» стиль нег, земного идеала страстей и наслаждений, соединенного с бурной воинственной и неукротимой жаждой воли, который гражданский романтизм искал и в других первобытно-народных культурах. Это был

стиль Корана и стиль Библии вместе и в то же время стиль иранской поэзии и кавказских легенд» (69).

Многие поэты и писатели - современники Пушкина - часто обращались к восточному стилю. По наблюдениям Г. Гуковского, широко использовались в нем церковнославянизмы и библейские обороты, которые получили новый смысл и звучание. Ученый отмечает, что «... восточный стиль ищет воплощения «роскоши» и пестроты первобытного южного вдохновения, он сгущает великолепные сравнения, параллелизмы, контрасты, анафоры. Он скопляет «роскошные» слова, вроде розы, неги, лобзаний, знойный и т.д.; он скопляет страстные слова и формулы, и он любит больше всего экзотические восточные имена, названия, внешние знаки стиля». (70) Вместе с тем, Г.А. Гуковский верно отмечает, что от частого употребления эти признаки восточного стиля «окаменели».

И вполне естественно, что Пушкин с его непостижимым даром глубочайшего проникновения в суть многонациональных явлений мировой культуры не мог удовлетворить этот стиль и переводы произведений поэтов Востока. Следствием этого, на наш взгляд, являются определенные оценки им восточного стиля, «слога восточного». Однако представляется несомненным, что, если бы судьба даровала русскому гению более продолжительную жизнь, он, может быть, высказал и много других суждений в восточном слоге. Ведь, например, Гёте только в 67 лет открыл для себя сокровища поэтов Востока и в 71 год опубликовал свой «Западно-восточный диван».

Это предположение тем более вероятно, что, думая об особенностях восточного слова, Пушкин стал проявлять большой интерес и к языкам народов Востока, пытался изучить их, чтобы в будущем иметь возможность читать поэтов Востока в оригинале.

«Вряд ли знали первые переводчики поэта на языки народов Востока, что в бумагах Пушкина хранятся его за-

писи на турецком, арабском, древнееврейском и других языках, что отец Иакинф (Н. Я. Бичурин) в канун нового, 1830 г. растолковал поэту смысл и значение ряда китайских иероглифов...Интерес Пушкина к языкам Востока удивлял современников. Он был органически присущ его всеохватывающему мировосприятию, притом, что Пушкин не был ни востоковедом, ни полиглотом (правда, мы располагаем свидетельствами о его эпизодических занятиях восточными языками на протяжении пятнадцати последних лет)» - справедливо отмечает Е.П. Чельшев (71).

Итак, проследив в общих чертах круг чтения Пушкина, обратив внимание на его окружение с точки зрения исследуемой проблемы, осмыслив конкретную эпоху, в которую поэт жил и творил, должно говорить о том, что обращение его к восточной тематике было велением времени. Интерес к Востоку становится частью многоплановых творческих поисков Пушкина.

Острый интерес передового русского общества к Востоку и его литературе, изучение восточных языков, исследование произведений восточных авторов, их переводы можно оценивать, как замечательное явление, характеризующее общий процесс развития русской и мировой литературы.

И Пушкин отнюдь не преувеличивал, когда в незаконченном стихотворении «Фазиль - Хану» утверждал, что на его родине - «на севере нашем суровом» - «Гафиза и Саади... знакомы имена» (III,160).

ГЛАВА II

«НАШ ЮНЫЙ СААДИ»

(Тема Востока в поэмах «Руслан и Людмила»,
«Бахчисарайский фонтан» и в лирике
1820-1824 годов»)

Пушкинский круг чтения, общения с людьми, интересовавшимися Востоком, его историей, культурой, литературой, подготовили благоприятную почву для обращения Пушкина к восточной тематике.

Многие произведения Пушкина с восточной тематикой указаны в пушкиноведении литературе и подвергнуты подобному анализу в исследованиях ученых.

Так, уже в труде «Заметки о пушкинском западно-восточном синтезе» И.С. Брагинский перечислил абсолютное большинство произведений с упоминанием ориентальных образов, входящих в первый том полного академического собрания сочинений. Ученые осветили целый ряд тем, органически связанных с проблемой Востока в творчестве Пушкина. Интересные факты содержатся в главах «Знакомство с Востоком» и «Руслан и Людмила» в глубоком исследовании Н.Лобиковой. Много весьма важных фактов и тонких наблюдений об интересе к Востоку в пушкинскую пору и восточной тематике в пушкинских произведениях содержится в обширной статье Д. Белкина «Пушкинские строки о Персии» и в других его работах, а также в трудах М.Л. Нольмана и Л. Тартаковской.

Мы же хотели остановиться лишь на отдельных аспектах, связанных с анализом пушкинских произведений с ориентальной тематикой, не нашедших еще глубокого освещения в пушкиноведении.

Уже первое большое произведение Пушкина «Руслан и Людмила» (1820) свидетельствует о том, что поэт был

знаком с литературой Востока, с отдельными сторонами быта и культуры восточных народов и мастерски воспроизвел их в поэме. И здесь, прежде всего, следует выделить факт обращения Пушкина к определенным образам и мотивам, почерпнутым из восточной литературы.

Мы предполагаем, что Пушкин был знаком с некоторыми книгами о Фирдоуси, которые появились в Европе уже в конце XVII века. Французский ориенталист д'Эрбло Баргелем де Моленвиль издал в 1667 году в Париже «Восточную библиотеку», в который содержались биографические сведения о Фирдоуси, упоминалась легенда о поэте и шахе Махмуде, повествовались на основе «Шахнаме» о царских династиях.

С прославленной поэмой Фирдоуси «Рустам и Сухроб» читатели Европы познакомились по книге У.Джонса «Эссе о восточной литературе». Он же издал «Шесть книг комментариев к восточной поэзии», в которые входили фрагменты из «Шахнаме» и сатира из султана Махмуда.

Уже в конце XIX века появился ряд исследований, в которых отмечался восточный колорит поэмы. В коллективной монографии «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» (Л., 1966) указываются отдельные работы, посвященные этой проблеме: Л. Поливанов в своем труде о «Руслане и Людмиле» назвал главными источниками ее поэму «Неизвестный Роланд» Лодовико Ариосто и сказки Антуана Гамильтона, в основе которых лежали сказки «Тысяча и одна ночь»; в статье П. Владимирова также отмечалась сюжетная переключка «Руслана и Людмилы» с этими произведениями.

Отрывки из «Шахнаме» были опубликованы в 1814 году в Париже известным ориенталистом А. Журденом. Вскоре отдельные фрагменты из них появились в «Вестнике Европы». В русском романе 1779 года «Визирь, или Очарованный лабиринт» В. Левшина, по мнению

А.Гейзера, имеются скрытые цитаты из «Шахнаме» и целая система образов из этой поэмы (1)

Известно, что Пушкину было знакомо имя Василия Алексеевича Левшина (1746-1826), которого он упоминает в «Евгении Онегине». В. Левшин - автор многих книг, посвященных хозяйственным темам, был популярен у российских читателей и как сочинитель сказок и романов. Его роман «Новейшее путешествие» носит на себе следы влияния Вольтера и Монтескье. А его знаменитые «Русские сказки» стали заметным явлением русской литературы. Они способствовали, по словам А. Западова, формированию национальной поэмы - сказки и явились одним из источников «Руслана и Людмилы» (2).

Таким образом, вполне реально, что Пушкин, с детских лет знавший много сказок, в том числе и сказку о Еруслане Лазаревиче, мог почувствовать связь между подвигами богатыря Рустама из поэмы «Шахнаме» Фирдоуси и русского богатыря Еруслана Лазаревича, тем более, что имя этого героя он не раз упоминает.

В планах к поэме «Мстислав», набросанных в 1822 году, есть пункт «Меч Еруслана о двух ударах».

В стихотворении «Гнедичу» (1832) мы вновь встречаемся с упоминанием Еруслана, которое свидетельствует о популярности этого образа.

*То Рим его зовет, то гордый Гелион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана (III, 186).*

В «Арапе Петра Великого» в пятой главе сестра боярина Гаврилы Афанасьевича Ржевского Татьяна Афанасьевна прерывает его рассказ о царском арапе словами: «... слышали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича».

Такие детали не оставляют сомнений в том, что сказки о Еруслане Лазаревиче были широко распространенными.

Во всяком случае, даже Кюхельбекер, который с января 1826 года провел более десяти лет в одиночном заключении в различных русских крепостях, а потом долгие годы был в ссылке и поэтому не имел возможности читать многие из книг, издававшихся в то время и в России, и за границей, прочитав в 1831 году сказку о Еруслане Лазаревиче, отметил в своем «Дневнике»: «Прочел я Еруслана Лазаревича. В этой сказке, точно есть отголоски из «Шах-наме»: ослепление царя Картауса (у Фирдоуси царь называется Кавусом) и его богатырей, и бой отца с сыном, очевидно, перешел в русскую сказку из персидской поэмы». И дальше, сообщая о том, что хотел бы услышать эту сказку из уст простолыдина, пишет: «Почти уверен, что тут бы я нашел еще более следов азиатского происхождения этой сказки» (3).

Наличие в этом контексте слова «точно» говорит о том, что, вероятно, Кюхельбекер познакомился с уже высказанным мнением или мнениями о том, что некоторые эпизоды из сказки «Еруслан Лазаревич» и поэмы «Шах-наме» совпадали.

В глубоких и точных наблюдениях Д. Белкина о сочетании элементов поэзии разных народов Востока в «Руслане и Людмила» есть, однако утверждение, которое нельзя признать неоспоримым: «Молодой Пушкин вряд ли знал, что «Повесть о Еруслане Лазаревиче» включает в себя некоторые из подвигов знаменитого героя иранских народов. Поэт, конечно же, совершенно не представлял, что понравившийся ему эпизод встречи на поле брани Еруслана с головою богатыря в его, Пушкина, стихотворном изложении был по своему воинскому духу более родственен подвигу Рустема (седьмого по счету) во время Мазендаранского похода, чем соответствующее место из «Повести о Еруслане Лазаревиче».

Приведенная выше цитата из «Дневника» Кюхельбекера свидетельствует, что тот сразу, прочитав «Повесть о

Еруслане Лазаревиче», по памяти, сумел установить совпадения и переключку между героями эпоса двух народов.

И мы имеем все основания предполагать, что Пушкин, который вместе с Кюхельбекером в лицейские годы уже многое прочитал о самом Фирдоуси и его поэме, мог также почувствовать такую общность событий, эпизодов, героев между «Шахнаме» Фирдоуси и «Повестью о Еруслане Лазаревиче».

Хотя поэт обижался на недостатки «своего проклятого воспитания», тем не менее, был, как уже не раз отмечалось, одним из самых образованных людей своего времени. С самого детства он любил сказки, не только русские, но и восточные, которые читал и слушал со своей сестрой. В стихотворении, обращенном к ней, он вспоминает «резвого Гамильтона» - прославленного автора сказок, в основе которых были сказки «Тысяча и одна ночь». И в «Записках бригадира Моро де Бразе» он упоминает о прелести сказок Гамильтона (X, 295).

Не менее привлекали Пушкина и русские народные сказки.

В стихотворении «Сон» (1816) он вспоминает о бабушке Марье Алексеевне - своей мамушке, в «Таинственные ночи», завораживающей его воображения:

*Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
И трепетал - и тихо, наконец,
Томленья сна на очи упало,
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворозжили,
Терялся я в порывах сладких дум;
В глуши лесной, среди Муромских пустыней*

*Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум. (I,189).*

В 1822 году Пушкин вновь обратился к памяти Марии Алексеевны, посвятив ей проникновенные строки, ярко раскрывающие, ее роль в воспитании будущего поэта:

*Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных...
Я ждал тебя, в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой
Ты детскую качая колыбель.
Мой юный слух напевами пленила,
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила...*

Средь важных Муз тебя лишь помнил он... (II, 242)

Не менее важную роль в формировании интереса Пушкин к рассказам и преданиям сыграла и няня Арина Родионовна Яковлева. Пушкин глубоко был благодарен ей за это и на ее искреннюю любовь к нему также отвечал сердечной привязанностью. Неслучайно в целом ряде писем, написанных Пушкиным в пору пребывания в Михайловской ссылке, он упоминает ее имя, посвящает ей стихи, прямо указывает на то, что ее сказки и рассказы имели для него неопределимое значение.

В стихотворении «Вновь я посетил...» первоначально имелись стихи, которые Пушкин исключил из окончательного текста:

*Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
С детства мной - но все приятных сердцу,
Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем -
Какое слово где стоит. (III,995).*

Итак, неоспоримо, что образы этих двух русских женщин в восприятии Пушкина были всегда связаны с русской народной поэзией, сказками, преданиями. Эти факты дают основания для вывода о том, что Пушкин, так живо воспроизведший в пленительных стихах «Руслана и Людмилы» сказочные русские образы и восточные картины, мог иметь в виду не только русские сказки и особенно повесть о Еруслане Лазаревиче, но и сказки Гамильтона и ранее прочитанные фрагменты из «Шахнаме» Фирдоуси.

Кюхельбекер же, о котором директор лицея Е.А. Энгельгардт пишет: «Читал все на свете книги обо всех на свете вещах...» (5) и который также был энциклопедически образованным человеком, ранее не познакомился с «Повестью о Еруслане Лазаревиче», вероятно, лишь по какому-либо случайным обстоятельствам, поскольку хотя и был немцем, но в младенчестве воспитывался под присмотром русских нянь, которые, несомненно, рассказывали ему сказки:

Сам Кюхельбекер писал о своих детских годах: «Я по отцу и по матери точно немец, но не по языку: - до шести лет я не знал ни слова по-немецки, природный мой язык - русский. Первыми моими наставниками в русской словесности были моя кормилица Марина, да няньки мои Корниловна и Татьяна» (6).

Очевидно, эпизод, ставший центральным в поэме «Рустам и Сухроб», входящей в «Шахнаме», запечатлелся в памяти Пушкина.

В 1822 году он задумал работу над поэмой «Мстислав». Речь в ней должна была идти о смертельном поединке между сыном и отцом. Еще в эпилоге поэмы «Кавказский пленник» Пушкин упоминает о своем намерении художественно воссоздать «Мстислава древний поединок».

Из составленного к поэме плана и его черновиков видно, что в основу произведения, по мнению Б.В. Томашев-

ского, Пушкин решил положить как исторические материалы о Мстиславе Удалом, сыне Владимира Святославовича, князе Тьмутараканском, так и былины об Илье Муромце (7).

В сборник Кирши Данилова «Древние российские стихотворения» входила былина «Илья ездил с Добрынею», в которой был эпизод о поединке Ильи Муромца с юным богатырем Збутом Борисом - королевичем. Одержав над юношей победу и расспросив его о том, где его родина, из какой он семьи, Илья Муромец убеждается, что это его сын. Но он не раскрывает ему этой тайны, а отправляет к матери, которая рассказывает ему обо всем:

*Он по роду тебе, батюшка, старой козак,
Илья Муромец, сын Иванович.*

В своем же плане к поэме «Мстислав» Пушкин записывает, что в молодости у Ильи Муромца от татарской царевны родился сын. Когда тот вырос, мать, будучи уже замужем, «объяснила сыну, сын едет отыскивать отца» (V, 157).

Таким образом, мы наблюдаем похожую ситуацию в трех источниках: в русской былине, в набросках плана к поэме «Мстислав» и в поэме Фирдоуси «Рустам и Сухроб», которая была уже известна европейскому читателю по многим переводам. Первый перевод из поэмы «Рустам и Сухроб», как отмечалось, появился еще в 1772 году.

В последней речи идет о богатыре Рустаме, который тоже не знает своего сына Сухроба, узнав от матери об отце, юноша отправляется на его поиски. Встретившись с Рустамом, но, не узнав его, он вступает с ним в поединок. И только в последние мгновения жизни узнает, что погиб от руки своего отца. Неописуемо и горе Рустама, убившего своего сына.

Таким образом, мы видим, что задуманная Пушкиным поэма о Мстиславе Удалом и поэмы Фирдоуси «Рустам и Сухроб» в какой-то степени должны были перекликаться.

Исследователи отмечают, что поездки в Крым и на Кавказ, а затем годы ссылки в Бессарабию, обострили интерес «бес-арабского» Пушкина, как назвал его в шутку друг Вяземский, к Востоку. Так, уже из поэмы «Кавказский пленник» явствует, что знания Пушкина о Востоке стали гораздо обширнее. Он узнает многие детали быта, культуры, религии. Так, в примечаниях к поэме пунктом II дано: «Байран или Байрам, праздник Разговенья, Рамазан, мусульманский пост» (IV, 117)

А в черновике комментарий был даже несколько страннее: «Байран или Байрам праздник разговенья, мусульманская масленица; Рамазан их пост» (IV, 365)

И когда в тексте поэмы читаем:

Меж горцев пламенник наблюдал

Их веру, нравы, воспитанье -

мы не сомневаемся, что в этих словах есть автобиографические элементы. Но в «Кавказском пленнике» были лишь подступы к теме Востока. Вплотную Пушкин обратился к ней в «Бахчисарайском фонтане».

В многочисленной литературе проблема Востока в поэме рассматривается довольно подробно (8).

Мы же имеем намерение в связи с этой поэмой вновь привлечь внимание к вопросу «Пушкин и Саади».

Когда впервые Пушкин узнал о Саади и его произведениях?

Почему Пушкин выбрал эпитафию из Саади?

Почему он обратился к восточной повести Томаса Мура «Лала - Рух», в которой эти слова из «Бустона» Саади приводились?

Выше мы уже говорили о «Словаре» Кюхельбекера, в котором было и имя Саади, и фрагменты из его произведений.

В годы учебы Пушкина в лицее в российских журналах публиковалось много произведений Фирдоуси, Саади, Гафиза, Джами и других восточных поэтов. Часть из них

выше нами упоминалась. Подробно характеризуют их в своих трудах Н.М. Лобикова, Д.И. Белкин, М.Л. Нольман.

Вопросу о «Памятнике» Пушкина и «Завещании» Саади, (9) опубликованном в 1815 году в статье французского ученого А.Журдена «О языке персидском и словесности» в журнале «Вестник Европы», Н.М. Лобикова посвятила отдельную статью (10).

Как отмечают литературоведы, уже в XVII веке в России были известны первые переводы Саади, о которых наряду с другими книгами восточных авторов упоминает А. Пыпин в «Очерках литературной истории старинных повестей и русских сказок» (1857). Пыпиным здесь называется рукопись, в которую включен и «Бустон» («Персицкий деревянный сад») и «Гулистан» («Персицкий крынный дол») Саади. Сообщаются также сведения о других переводах Саади.

В XVIII веке осуществлен русский перевод «Гулистана» с латинского языка И. Ильинским (1795). Целый ряд переводов из Саади публикуется и в русских журналах «Трудолюбивый муравей» (1771), «Утренний свет» (1778), «Приятное и полезное препровождение времени» (1798) (12).

В Европе имя Саади было известно уже в XVII веке, когда появился первый анонимный перевод «Бустана» на немецкий язык в «Книге путешествий в Московию и Персию Адама Олеария». (13) Тогда же появились переводы Саади на другие европейские языки.

Косвенным подтверждением того, что Пушкину уже в юности хорошо было знакомо имя Саади, является факт упоминания имени Задига в его письме, адресованном Жуковскому 27-30 декабря 1816 года (XVI, 429). В письме имя не взято в кавычки и упоминается в таком контексте, который подчеркивает, что адресату оно хорошо знакомо. Пушкин, называя это имя, вероятно, имеет в виду самого Жуковского. Это свидетельствует о том, что ему была из-

вестна повесть Вольтера «Задиг, или Судьба», в которой французский писатель изобразил самого себя в образе поэта Саади.

Пушкин, как известно, с детства зачитывался Вольтером, знал все его произведения, высказывал свое мнение о многих из них. Знал он и произведения Вольтера, посвященные восточной тематике: «Заира», «Магомет» и другие.

Во время пребывания в южной ссылке, а особенно в период путешествия с семьей генерала Раевского по Кавказу и Крыму, Пушкин получил возможность внимательно перечитать произведения Байрона, которого ценил очень высоко. Неизменное восхищение вызывали у него и написанные на восточные темы поэмы Байрона.

И не случайно, находясь под впечатлением от многих произведений, посвященных Востоку, и познакомившись с ним не по книгам, а наяву, Пушкин решил писать поэму, связанную с восточной жизнью.

А то, что она воспринималась именно как произведение о Востоке, говорят многие высказывания его современников. Так, через год после издания «Бахчисарайского фонтана» Рылеев в мае 1825 года обращается к Пушкину с письмом: «Пушкин, ты приобрел уже в России пальму первенства, тебя ждет завидное поприще: ты можешь быть нашим Байроном, но ради бога, ради Христа, ради твоего любезного Магомета, не подражай ему» (XII, 173).

Сам же Пушкин, получив в декабре этого же года в подарок от Анны Петровны Керн последнее издание Байрона на английском языке, в своем ответном письме подчеркнул, прежде всего, духовную близость героинь восточных поэм его собственным представлениям об идеальной женщине: «Вас буду видеть я в образах и Гюльнаны и Лейлы - идеал самого Байрона не мог быть божественнее» (XIII, 550).

А еще ранее в 1821 году Пушкин под впечатлением творений английского поэта задумал перевод его восточной поэмы «Гаур». Первоначально он перевел прозой с английского языка на французский начало поэмы:

«Ни одного дуновения воздуха, чтобы разбить этот вал, накатывающийся на Афинский берег; близ этой могилы, возвышающейся на скале (стремнина) - первый предмет, который приветствует на этой земле, напрасно им спасенной, корабль, оттуда возвращающийся, когда возвратится к жизни такой герой?

... Мягкий климат, где всякое время года сладостно улыбается на эти благословенные острова, которые, когда видишь их с высоты Колонны, очаровывают сердце, которые радуют глаз и погружают его в мечтательное созерцание.

Там смеющаяся поверхность океана отражает...» (II, 1209).

Позже он набросал стихотворный перевод и на русском языке:

«Из Байрона»:

Нет ветра - синяя волна

На прах Афин катится;

Высокая могила зрится (II, 469)

Спустя некоторое время в стихотворении «Гречанке» (1822), посвященном гречанке Калипсо и написанном в пору работы над «Бахчисарайском фонтаном», Пушкин взволнованно вопрошает:

Скажи, когда певец Лейлы

В мечтах небесных рисовал

Свой неизменный идеал, уж не тебя ль изображал,

Поэт мучительный и милый? (II, 262)

Итак, весной 1822 года поэт духовно уже был готов к творческому освоению восточной темы. Этому способствовали, как мы уже отмечали, и прочитанные книги, и

новые жизненные впечатления с друзьями о Востоке, о его людях, их нравах и характерах.

Когда поэма «Бахчисарайский фонтан» в 1824 году, в марте появилась в печати, издатель «Дамского журнала» князь Шаликов мгновенно откликнулся на это событие восторженной рецензией: «Это фонтан, бьющий розовою водою, которая разливает благоухание в чистойшей атмосфере прелестного Востока». Он именовал Пушкина «нашим юным Саади» (14).

Литератор В.Н. Олин называет поэму Пушкина «прелестным феноменом в нашей литературе», «свежим, прелестным и благоухающим цветком русского Парнаса» (15).

Белинский, говоря о стихах поэмы, отмечает, что в ней «поэзия роскошнее, благоуханнее», чем в поэме «Кавказский пленник».

Почему же Пушкин был назван «нашим юным Саади»? Что имелось в виду: восточная тема, к которой обратился поэт, или же автор изречения, взятого Пушкиным в качестве эпиграфа к поэме? На наш взгляд, оба эти фактора сыграли решающую роль в момент, когда князя Шаликова озарила вдохновенная мысль назвать Пушкина «нашим юным Саади».

Ведь именно с Пушкина началось истинное творчество освоение культуры и литературы Востока. Именно Пушкин своими пленительными стихами, в которых каждое слово имеет точное смысловое содержание, впервые в русской литературе показал, как нужно писать о Востоке. Новаторство и традиции Пушкина были подхвачены его современниками и развиты поэтами последующих поколений.

Именно в этой поэме мы встречаемся впервые с героями, характеры которых пусть не в полной мере, но все-таки воплощают тип человека Востока со свойственными ему восприятием жизни и присущим ему мышлением, явившимся результатом многовековых традиций Востока.

Почти всех исследователей привлекал вопрос об эпитафии к «Бахчисарайскому фонтану». В обширной литературе о поэме утверждается, что Пушкин взял его из «Бустона» Саади. Однако сравнительно недавно, в 1986 году была опубликована статья В.Е. Ветловской «Иных уж нет, а те далече...» исследователь сомневается в том, что эпитафией к поэме Пушкина послужили стихи из «Бустона» Саади: «Предпочтение скупых строк, будто бы заимствованных из Саади, целой поэме звучит загадочно, если не предположить в них скрытого подвоха и принадлежащему самому Пушкину, как он выражался, «изобретения» (16). В.Е. Ветловская считает, что на самом деле Пушкин взял эпитафию из Цицерона, но вынужден был скрыть это из-за цензурных соображений. В отношении вышеизложенных выводов мы разделяем точку зрения М.Л. Нольмана, назвавшего статью В.Е. Ветловской явным диссонансом на фоне достижений пушкиноведения по проблеме западно-восточного синтеза. Мы также считаем, что автор статьи мог, воспользовавшись своими наблюдениями, придти к выводу о том, что «обнаруженная Пушкиным переключка Саади и Цицерона была одним из проявлений западно-восточного синтеза в его художественном мышлении» (17).

Известно, что сам Пушкин дорожил своим эпитафием, хотя уже в четвертом издании - в 1835 году ему пришлось снять его. Ради эпитафии он изменил даже первоначальное название поэмы «Гарем».

В письме он писал: «Эпитафия к нему прелесть» (XIII, 70). А в статье 1830 года «Опровержение на критики» с присущей ему скромностью в оценке своего творчества замечал: «...меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (XI, 159).

В 1820 году Пушкин, осматривая дворец Бахчисарая, видел фонтан и мавзолей и обратил внимание на надписи, сделанные на фонтане на арабском и татарском языках.

Б.В. Томашевский отмечает, что «первая заимствована из Корана (77 сура, стих 18)»; «Там имеется источник, называемый Сельсебиль (Райский источник из которого течет имбирный напиток)».

Приводит он и вторую надпись: «Лицо Бахчисарая просветлено (да хвалит господу), это является прекрасным произведением высочайшего Крыма-Герая. Неусыпными его стараниями вода напоила эту страну, а при помощи божьей он успел бы сделать еще больше. Тонкостью ума он нашел воду и устроил прекрасный фонтан. Если имеется сомневающийся, пусть придет. Мы сами видели Дамаск, Багдад. Писал Шейхи. Утоляющим жажду источник своим языком расскажет хронограмму. Приди, пей воду чистейшую фонтана - глаза. Она приносит исцеление» (18).

Здесь мы бы хотели уточнить, что первая воспроизводит, вернее, 17-ый и 18-ый аяты 76 суры. Интересно сравнить эту цитату из Корана в новейших переводах.

В переводе И. Крачковского:

17. Будут поить там чашей, смесь которой с имбирем

18. Источником там, который называется Салсабилем (19).

В переводе Валерии Прохоровой:

17. И им дадут испить из чаши

С добавкою имбиря,

18. Из источника, что там (течет)

И именуют Сальсабилем (20).

Несомненно, что Пушкин, который осматривал дворец, фонтан и мавзолей вместе с членами семьи Н.Н. Раевского и, следовательно, в сопровождении переводчика, имел возможность познакомиться с этими надписями.

Во второй надписи мы хотели обратить внимание, что в предложении «Приди, пей воду чистейшую фонтана - глаза», надо, вероятно, читать «фонтана-источника», так

как на фарси слово «чашм» означает глаз, а слово «чашма» - источник, родник.

Несомненно, что надписи не могли оставить Пушкина равнодушным. Сильное впечатление должен был произвести на поэта и сам фонтан. «Это не был сноп струй, устремленный ввысь и рассыпающийся брызгами над широким бассейном. Приземистое и грузное сооружение, напоминающее камин, было вделано в стену полутемного крутого дворика, как небольшая молельня или усыпальница. Оно было сложено из простого камня и окрашено в темную краску. Но спереди этот странный монумент включал в свой мраморный фасад целую систему миниатюрных консолей, под которыми из-под каменной розы тонкими струйками стекла вода на низлежащие выступы, образуя бесконечную водяную вязь и вызывая образ вечного плача. Символ не иссякающей любви возвещал своим кристалльным узором о безысходности человеческой тоски по утраченному любимому существу. Таков был этот мавзоль, носивший попеременно несколько наименований: Сельсебель, или райский источник, фонтан слез и водомет Марии Потоцкой» (21) - так описывает его Л.И. Гроссман.

Итак, мы представляем себе, что фонтан был необычным. Он рождал в душе целую грамму чувств: тоску, печаль, раздумья о бренности человеческой жизни, о ее быстротечности. Созерцание его вместе с осмыслением надписей вызывало в памяти и слова Саади, в которых поэтически сконцентрирована эта мысль.

Пушкинисты не раз отмечали, что эпиграфом к поэме явились стихи Саади из «Бустона» («Плодового сада»). С ними Пушкин мог познакомиться по стихотворным повестям Томаса Мура под названием «Лалла-Рук». Он внимательно читал их и не раз высказывал о них свое мнение. В прозаической части перед повестью «Рай и пери» у Томаса Мура идут слова: «...фонтан, на котором некая рука грубо начертала хорошо известные слова из Сада Саади: «Мно-

гие, как я, созерцали этот фонтан, но они ушли, и глаза их закрыты навеки» (22).

Б.В. Томашевский и И.С. Брагинский считают, что Пушкин ознакомился с произведением Томаса Мура во французском переводе А. Пишо, изданном в 1820 году в Париже.

Известный пушкинист А.Ф. Онегин, передавший свою уникальную библиотеку о Пушкине Институту русской литературы, на книге «Бустан», вышедшей на фарси в 1874-1875 годах, упоминая эпиграф Пушкина, дает почти адекватный перевод стихов, которые послужили для него основой:

1. Я слышал, что Джемшид счастливый
 2. Над фонтаном на камне написал:
 3. У этого источника, подобно нам, многие отдыхали
 4. Исчезли (они) подобно морганию глаза...
 5. Они покорили мир мужеством и силою.
- Но не унесли (его) с собою в могилу (23).*

Один из авторов гипотезы о том, что цитата Пушкина взята из поэмы «Бустан» Саади, переводчик Саади К.И. Чайкин также с максимальной точностью перевел в 1935 году цитату из «Бустана»: «Я услышал, что благородный Джемшид над некоторым источником написал на одном камне: «Над этим источником отдыхало много людей, подобных нам. Ушли, как будто мигнули очами, т.е. в мгновение ока» (24).

Оба перевода, сделанные спустя многие десятилетия после смерти Пушкина, бережно и точно передают слова восточного поэта и мыслителя. Они свидетельствуют и о прекрасном знании фарси и глубоком понимании смысла стихов Саади. В оригинале на фарси они звучат так:

*Шунидам, ки Чамшеди фаррухсиришт,
Ба сарчашмае бар санге навишт;
Бар ин чашма чун мо басе дам заданд,
Бирафтанд, чун чаши бархам заданд,*

*Гирифтанд олам ба мардию зӯр,
Валекин набурданд бо худ ба зӯр.*

Мы могли бы здесь внести небольшую коррективу лишь в первый стих: «Слышал я, что Джамшед, счастье приносящий». В остальном же приведенные переводы нам представляются весьма точным - ведь Саади хотел подчеркнуть скоротечность времени и человеческой жизни, которая приходит в мгновения ока, едва успеет человек моргнуть глазами. И переводчикам удалось передать эту мысль.

Пушкин мог познакомиться со стихами Саади также и по другим источникам, поскольку, как выше упоминалось, «Бустан» был известен в пору работы поэта над поэмой в переводах на языках, которыми он владел свободно, - на родном ему русском и на французском языке.

На Востоке, особенно в Средней Азии, эти стихи Саади были широко известны. Например, С. Айни упоминает, что в детстве эти слова он видел высеченными на могольской плите на кладбище одного из бухарских кишлаков. (25)

Но в Европе эти стихи привлекли внимание в произведениях Томаса Мура, хотя сам ирландский поэт пишет: «Рука начертала хорошо известные слова из Сада Саади». Значит произведения Саади и именно «Бустан» были знакомы читателям, в том числе и приведенная цитата.

Заслуга же Пушкина, благодаря которому слова Саади стали поистине крылатыми, особенно велика.

Толчком для рождения ассоциации между словами Саади об источнике - фонтане и Бахчисарайском фонтане могло послужить созерцание Пушкиным самого фонтана.

Описывая посещение Бахчисарайского дворца (известно, что это было 7 сентября 1820 года), Пушкин в «Отрывке из письма к Д.», написанном в конце 1824 начала 1825 годов, вспоминает: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана.

К*** поэтически описывала мне его, называя фонтаном слез. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода, я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище... Но не тем. В то время сердце полно было: лихорадка меня мучила» (VIII, 238).

Итак, в момент посещения Бахчисарая Пушкин, хотя внешне и казался не слишком взволнованным, поскольку был болен, на самом деле не остался равнодушным. Немногочисленные письма той поры говорят о том, что увиденное не прошло для него бесследно. В марте 1821 года он пишет Дельвигу: «... еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу. Я прерываю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые...» (XIII, 26).

Начинает Пушкин изучать и литературу о Крыме. Брату он 27 июля 1821 года пишет: «...пришли мне Тавриду Боброва» (XII, 31). А письмо, написанное В.Ф. Раевскому в 1821 начале февраля 1822 годов, говорит о том, что уже раньше он стал читать и другие книги о Крыме: «Пришли мне, Раевской, Историю Крыма, книга не моя, а у меня ее требуют» (XII, 36). Значит, этой книгой Пушкин заинтересовался прежде. И в эту пору, вероятно, много раздумывая о Востоке, Пушкин в своей речи использует лексику, связанную с ним. В письме С.И. Тургеневу, датированном 21 августа 1821 года, Пушкин пишет: «Скоро ли увидите вы северный Стамбул? Обнимите там за меня милого нашего муфти Александра Ивановича и мятежного драгомана брата его» (XIII, 31).

Итак, с весны 1824 года идет работа над «Бахчисарайским фонтаном», в котором Пушкин делает попытки раскрыть характеры восточных людей.

И характерно, что уже здесь вполне проявляется непостижимый дар Пушкина воображать, проникаться самому, испытывать и заставлять испытывать своих читателей те чувства и переживания, которые чувствуют изображаемые им люди. Это особенно наглядно видно в «Татарской песне», которую поют невольницы. Песня подвергнута глубокому анализу исследователем Л. Тартаковской (26). Мы хотели бы уточнить лишь одну мысль - об использовании Пушкиным слова «факир» в первой строфе:

*Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед,
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет.*

Л. Тартаковская считает, что слово «факир» здесь употреблено неточно «вместо слова «хаджи», очевидно, неизвестного Пушкину (его нет и в современных ему переводах Корана...» (27). Вполне допуская, что Пушкин мог и не знать слова «хаджи», хотя оно и было распространенным в классической литературе на фарси - его использовал и Саади, фигурировало оно и в пословицах, - мы считаем, что Пушкин употреблял его к месту.

Хадж или, иначе говоря, паломничество в Мекку, - одна из святых заповедей для мусульманина, и каждый стремится исполнить ее и удостоиться почетного звания «хаджи». Факир же, «узревший Мекку на старости печальных лет», с трудом исполнил эту заповедь, и только на закате жизни. Современник и друг Пушкина В.И. Даль раскрывает значение слова «факир» так: «факир – мусульманский святоша, давший обет нищенства» (28).

Точнее представляется объяснение, данное в «Словаре языка Пушкина»: «факир – мусульманский аскет, давший обет нищенства, дервиш» (29).

Пушкин, для которого с юности было характерно стремление быть всегда точным, использовать каждое слово в его конкретном значении, очень точно уловил смысл

слова «факир» и поэтому сумел создать поэтический образ, правдиво раскрывающей духовный мир отшельника, аскета, обретшего только «на старости печальных лет» блаженство зреть Мекку.

Восточный колорит создавался и всем содержанием поэмы и широким использованием восточной лексики, реалий, связанных в воображении читателей с миром Востока.

Так, например, характеризуя евнуха, Пушкин пишет:

*Воля хана
Ему единственный закон;
Святую заповедь Корана,
Не строже наблюдает он
(IV, 157)*

Это же мы наблюдаем и в монологе Заремы:

*(Хотя я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла веру прежних дней,
Но вера матери моей
Была твоя)
(IV, 167)*

Розы, соловьи, гарем, роскошь становятся здесь как бы сигналами:

*Как милы темные красы
Ночей роскошного Востока!
Как сладко льются их часы
Для обожателей Пророка!
(IV, 163)*

Осмысление дальнейших этапов творчества Пушкина, наблюдения над тем, как он творчески осваивал реальную жизнь и культуру Востока, постигал характеры людей, позволяют сделать вывод о том, что воздействие некоторых мыслей и традиций, связанных с восточной литературой, стало на протяжении всей его жизни весьма значительным.

Отмечая это, мы имеем в виду, в первую очередь, эпиграф, который он предпослал «Бахчисарайскому фонтану». Слова Саади оказались для современных поэту читателей очень важными, в них был вложен глубокий подтекст. В какой-то степени они стали символизировать и судьбу декабристов. Как уже упоминалось, в четвертом издании поэмы Пушкин эпиграф снял.

Тем не менее, мысленно он не раз обращался к нему. В черновой редакции стихотворения «На холмах Грузии» (1829) поэт пишет:

*Прошли за днями дни – сокрылось много лет,
Где вы, бесценные создания?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.*
(III, 723)

Мудрое и пронизанное печалью изречение Саади помогает раскрыть состояние души лирического героя, который с грустью вспоминает «бесценные создания», среди которых и те, кто по воле судьбы далеко от него, и те, кто навсегда покинул этот мир.

Обращение Пушкина к изречению Саади, которое стало восприниматься русской общественностью как свободлюбивая формула, можно назвать актом истинного гражданского мужества. Благодаря Пушкину, после выхода в свет «Бахчисарайского фонтана» стихи Саади стали широко известными.

Это подтверждает и письмо Д.Н. Блудова – товарища министра народного просвещения, написанное П. Вяземскому по поручению графа А.Х. Бенкендорфа и одобренное самим Николаем I о журнале «Московский телеграф». В нем есть детали, которые дополняют наше понимание о том, как воспринимались известные стихи Пушкина с изречением Саади в первые годы после подавления декабрьского восстания: «Ниже вы говорите: в конце 24-го года мы надеялись продвинуться вперед в 25-м; эта надежда

была обманута, как и многие другие... сколько сладостных химер разрушено в течение этих двух лет! Далее цитируются стихи Саади в переводе Пушкина. Я не могу поверить, чтобы вы, приводя эту цитату и говоря о друзьях, умерших или отсутствующих, думали о людях, справедливо пораженных законом: но другие сочли именно так, и я предоставляю вам самому догадываться, какое действие способна произвести эта мысль» (30)

Блудов здесь имеет в виду намек Вяземского на декабристов с использованием широко известной читателям цитаты из Саади, использованной Пушкиным: «В эти два года много пролетело и исчезло тех резвых мечтаний, которые вселили нас в былое время... смотрю на круг друзей наших, прежде оживленный, веселый и часто (думая о тебе) с грустью повторяю слова Саади (или Пушкина, который нам передал слова Саади): «Одних уж нет, другие странствуют далеко!» (31).

Эту фразу Вяземский включил в статью Н.А. Полевого «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг. (Письмо в Нью-Йорк к С.Д.П.)», опубликованную в «Московском телеграфе».

Несомненно, что Бенкендорф был недоволен Вяземским, а также Пушкиным, и тот об этом знал, так как постоянно встречался или переписывался со своим другом. Тем не менее, Пушкин не побоялся вновь обратиться к этой цитате Саади, которая в правительственных кругах и лично у самого царя вызывала раздражение, поскольку была связана с памятью о декабристах и расправе с ними.

В третий раз он упоминает слова Саади в 1830 году, в пору болдинской осени. Строфа, в которую Пушкин включил слова Саади, не только завершает VIII главу, но и весь роман «Евгений Онегин». Прочитав эту заключительную строфу, нельзя не ощутить неизбывной грусти, которую испытывал поэт, не почувствовать трагического одиночества Пушкина, скорбящего от разлуки с дорогими ему

людьми, которые много лет назад слушали из уст юного поэта главы романа... Именно слова Саади помогают почувствовать, как тяжело было на его душе от мысли о том, что иные из друзей навсегда покинули сей мир, другие же очень далеко:

*Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал,
Иных уж нет, а те – далече,
Как Саади некогда сказал (VI,190).*

Б.С. Мейлах отмечает, что для художественного метода Пушкина характерно использование устойчивых слов-сигналов, соединенных в сознании читателей с определенным кругом явлений и идей... (32).

В данном же случае мы можем говорить об устойчивом обороте-сигнале, который вызывал у читателей не только мысли об участниках декабрьского восстания, об их трагической участи.

На протяжении последующих лет после создания «Бахчисарайского фонтана» Пушкин не раз обращался в своих произведениях к восточной тематике. В них он широко использовал ранее обретенные достижения и продолжал поиски новых форм отражения действительности, связанной с Востоком.

Стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Виноград», «О дева-роза», «Талисман» и другие имели много общего в своей поэтике, своеобразии поэтических образов. Идеино они были связаны и с поэмой «Бахчисарайский фонтан». Их характеризует новаторство, печать оригинальности, они свидетельствуют об упорном труде поэта на сложном пути поисков и совершенствования «восточного слога».

Анализ многих из них содержится в трудах ученых, и мы лишь хотим отметить, что в указанных произведениях нашли дальнейшее развитие не только общие традиции, определяющие особенности восточной поэзии, но и кон-

кретные традиции, связанные с творчеством Саади и других известных поэтов.

Как отмечается в пушкиноведении, стихотворения «О дева-роза», «Виноград», «Фонтану Бахчисарайского дворца» создавались в пору работы Пушкина над южными поэмами и «Подражаниям Корану».

В стихотворении «О дева-роза», датированном октябрём 1824 года, Пушкин обращается к традиционным восточным образам соловья, розы и возлюбленной. Не случайно третья строка его в черновике звучала иначе.

Вместо стиха: «И соловей в кустах лавровых» – Пушкин писал: «Бюль-бюль в кустах лавровых».

Главной темой стихотворения является тема безграничной любви, от которой нет спасения.

– Я в оковах, – признается поэт, уподобляя свою судьбу судьбе соловья, в сладостной неволе нежно поющего песни.

Однако изучение черновиков говорит о том, что сперва лирический ход, движение в стихотворении было иным.

Первоначально стихотворение начиналось:

*Я царь – (но) я в твоих оковах,
(Я) не стыжусь (твоих) оков,
И соловей в кустах лавровых
Пернатый царь лесных певцов. (II,865).*

Четвертый же стих читался:

в первом варианте: Как я – царь певцов

во втором варианте: начало стиха: Как я – поэт.

Отсюда следует, что идея стихотворения сначала была совершенно другой – речь должна была идти о силе поэтического слова, о власти поэта над людьми: «как я – царь...».

Эта тема несколько позднее нашла блестящее воплощение в первом «Подражании Корану», датированном сентябрём – ноябрём 1824 года.

Не раз предметом исследования было и стихотворение Пушкина «Виноград» (33).

Интересно, что уже первый исследователь стихотворения С. Бобров, как отметил Д. Белкин, предложил геометрический чертеж, который должен был помочь читателю глубже почувствовать мелодию стиха, его звучание.

Характерно, что востоковед И.С. Брагинский, подробно анализируя поэтику этого стихотворения, считает, что в нем используются многие поэтические приемы восточного стиха. Дает он и подробный разбор размера стиха, определяет также жанр стихотворения как кыт'а, одновременно приводя определение термина: кыт'а – это обычно плод раздумья, философский поэтический фрагмент, где мысль выражена аллегорически, иносказательно (маджазан) (34).

Мы разделяем мнение ученого о том, что проводимое в стихотворении Пушкина сопоставление весны и осени перекликается с «противопоставленным друг другу основными произведениями Саади «Гулистан» – «Цветник» весенних роз и «Бустан» – это сад созревших осенью плодов и виноградных лоз» (35) и с его выводом о том, что пушкинское неожиданное осмысление «различия» между «Гулистаном» и «Бустаном» Саади несомненно (36).

Таким образом, в стихотворении «Виноград» мы наблюдаем творческое использование традиционных восточных образов и – что особенно важно – восточной поэтики.

Ставший уже крылатым прославленный образ «Гулистана» – цветника роз, созданный Саади, получает новое развитие в русской поэзии. Если в черновике стихотворения поэт еще вопрошает:

*Зачем жалеть о вешних розах –
Или же еще в одном варианте:
К чему жалеть о ранних розах,
Увядших с легкою весной? –
(II,871),*

то в окончательном варианте уверенно звучит:

*Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весною...*

Итак, осмысливая творчество юного Пушкина после окончания лицея и в годы ссылки в Бессарабию, Одессу и в Михайловское, мы наблюдаем постоянный интерес к Востоку, творческое освоение мира идей и образов Востока, стремление воплотить внутренний мир представителей народов Востока.

ГЛАВА III

«... МУЗА, ЛЕГКИЙ ДРУГ МЕЧТЫ К ПРЕДЕЛАМ АЗИИ ЛЕТАЛА»

1. «Стезюю правды бодро шествуй...» («Подражания Корану»)

1824 год становится рубежом в освоении Пушкиным нового художественного метода – реализма. Отныне все в его произведениях определяется принципами правдивого изображения реальной действительности.

И первым решающим шагом на пути реализма стали знаменитые «Подражания Корану», который Белинский назвал «блестящим алмазом в поэтическом венце Пушкина». В довольно обширной литературе о «Подражаниях Корану» глубоко рассматриваются история создания, идейная направленность и художественные особенности цикла (1).

Большинство исследователей отмечает, что, приступая к работе над «Подражаниями Корану», Пушкин, прежде всего, внимательно перечитывал Коран. К 20-ым годам XIX века существовало огромное количество переводов Корана на различные европейские языки, было несколько переводов и на русский язык. Особенно известен был Коран, принадлежащий перу известного поэта, драматурга, члена Российской Академии М.И. Веревкина, который перевел Коран с французского перевода Дю Рюера, изданного в 1790 году. Именно его не раз внимательно читал осенью 1824 года Пушкин. Книга называлась «Книга Алькоран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков божьих».

Примечательно, что к этой книге были приложены житие Пророка Мухаммада и перечисление догматов мусульманской веры.

Внимательно перечитал Пушкин и вступление к Корану, в котором характеризовался его стиль. Здесь отмечалось, что «слог Аль-Корана везде прекрасен и текущ».

И дальше: «где же пишется о величии божем, божественных его свойствах, высок и великолепен...» (2).

Коран поразил воображение Пушкина своим содержанием, поэтичностью и необычностью поэтики, образов. Он стал источником многих раздумий, чувств и переживаний, которые воплотились в стихотворениях, названных им «Подражаниями Корану». И творческий импульс был такой силы, что если раньше задумывалось лишь одно подражание, то в процессе работы родилось уже намерение создать целый цикл.

Б.В.Томашевский, оценивая перевод Корана, отмечает его главные особенности: «Перевод Веревкина носит на себе черты оригинальности: русский переводчик придал своему труду своеобразную стилистическую форму. Он перевел Коран библейским церковнославянским стилем. Такой перевод предопределил художественное восприятие Корана как книги, стилистически близкой пророческим книгам Ветхого Завета» (3).

Но огромная заслуга Пушкина заключается в том, что он в своем цикле использовал не только стиль пророческих книг Ветхого Завета. В них налицо и влияние восточного стиля, обращение к восточной поэтике, образам.

Такие же ученые, как Л.Поливанов (4), С.А. Фомичев (5) отмечают, что, кроме перевода М.И. Веревкина, Пушкин уже в конце октября 1824 года, имел в своем распоряжении и французский перевод Корана, осуществленный М. Савари.

Этот перевод содержал подробные примечания и также был предварен жизнеописанием пророка.

Часть исследователей, анализируя цикл «Подражания Корану», имеют в виду, что Пушкин одновременно пользовался двумя переводами. Так, например, С.А. Фомичев,

приводя примеры отдельных стихов, соотносит их не только с примерами из русского перевода М.Веревкина, но и из французского перевода М. Савари. (6)

В период работы над «Подражаниями Корану» – приблизительно с сентября и до конца 1824 года, а потом в апреле – мае 1825 года, когда идет переоформление цикла, Пушкин, можно сказать, живет мыслями о Коране. Не случайно, что в письмах этого периода он не раз упоминает его. В ноябре из Тригорского он пишет брату: «Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что» (XIII, 119). Обстоятельства своей личной жизни в эту пору он тоже соотносит с Кораном. В письме к Вяземскому от 29 ноября 1824 года он, упоминая причины, по которым не мог в свое время напечатать книгу своих стихов, пишет: «Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам, и донныне правоверные ожидают его» (XIII,125).

Можно даже предположить, что интерес к Корану вызвал у него именно тогда желание перечитать и Библию. Брата он убедительно просит: «Библию, Библию, и французскую непременно» (XIII,123).

А чуть позже ему же пишет: «Библия для христианина то же, что история для народа» (XIII,127).

Время, когда создавались «Подражания Корану», было для Пушкина особенно сложным. В эту пору он много раздумывал над положением поэта, над его призванием, его долге перед обществом.

Ведь когда он приступил к созданию цикла, шел уже пятый год его подневольной жизни – жизни в ссылке, под надзором властей, в условиях несправедливых гонений.

Первое по времени написания стихотворение, как уже не раз отмечалось, навеяно сурой Корана «Слепый». И эта сура близка была поэту тем, что в ней идет речь об обстоятельствах жизни пророка Мухаммада, которого преследу-

ют враги. Впоследствии это подражание становится третьим в цикле.

Не ставя перед собой задачи полного анализа цикла, поскольку в нем неизбежно будут повторения, дополним и прокомментируем некоторые из аспектов, связанных с замечательным пушкинским шедевром.

Торжественно, величаво и волнующе звучит первое подражание. Многократное повторение слова «Клянусь» в первой строфе придает всему сказанному значение непреложности:

*Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь я утренней звездой,
Клянусь вечерней молитвой (II,352).*

В начале в черновике был стих:

Я клянусь...

Но затем поэт отказался от местоимения «я», и стих обрел большую лапидарность и убедительность. Здесь мы хотим отметить, что именно тщательной, кропотливой работой он добивался «головокружительного лаконизма», по выражению А. Ахматовой.

Вторая строфа начинается стихом:

Нет, не покинул я тебя...

Междометие «нет» придает дополнительный смысловой оттенок всему выражению. Значит, вначале были какие-то сомнения. Значит, в понимании поэта Пророк чувствовал себя какое-то мгновение покинутым, одиноким. Но теперь сомнения преодолены – им нет места – ведь сам Всевышний утверждает, что он не покинут, он введен «в сень успокоенья», скрыт от «зоркого гоненья».

Весь текст Корана пронизан многочисленными упоминаниями о милостях и щедротах милосердного Аллаха. И в подражании Пушкина это точно воспроизведено:

*Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?*

*Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
(II,352).*

Однако существует мнение о том, что в Коране нет «текста, соответствующего словам:

*Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?*

Зато Пушкин вводит тему, совершенно отсутствующую в Коране: тему власти языка, могущества слова» (7).

Н.Я. Соловей, считая, что мысль о могуществе слова, о власти языка над умами есть в этой «небесной книге», приводит ряд соответствующих примеров (8).

Н.М. Лобикова также справедливо утверждает, что в 93-й суре Корана, явившейся основой для первого подражания, хотя и отсутствует «мотив утоления жажды, он все же встречается в Коране» (9).

Изучение текста Корана наглядно показывает, что такие мотивы во множестве раскрываются в Коране.

Возьмем, например, в новейшем переводе 2-ю суру Корана, 22-й аят:

*Кто постелил ковром вам землю,
Покровом небеса возвел
И из небес излил (обильно) воду,
Чтобы взрастить плоды для вашей пищи...*

Или аят 60-й из этой же суры:

*И вспомните, как Муса
Просил питья для своего народа
И мы сказали:
«Ты о скалу ударь своею палкой!»
И выбились из сей скалы
Двенадцать чистых родников... (10)*

Особенно же часто в Коране раскрывается мысль о великодушии, о поддержке и помощи Бога людям и посланнику, вере в высокое предназначение их.

Так в 69-й суре «Перо» читаем:

аят 90-й:

*Ведь если б на него не снизошло
Великодушие его Владыки.*

Он был бы на пустынный берег выброшен с позором

аят 50-й:

*Но Бог его избранным посланником своим,
И праведником вел*

(в назначенное Им собратство)

аят 51-й:

*Неверные же взорами своими,
Заслышав чтение послания сего,
Тебя стараются сбить с толку
И говорить: «Он явно одержим!» (14)*

С 51 аятом почти буквально перекликаются пушкинские стихи из набросков к ненаписанным «Подражаниям Корану»:

*Они твердили: пусть виденья
Толкует хитрый Магомет,
Они ума его (творенья)?
Его ль нам слушать - он поэт!
(II,473)*

Тема могучей силы поэтического слова, в полный голос зазвучавшая в первом подражании Корану, появилась отнюдь не случайно. На ее появление повлияло, прежде всего, несомненно, коранические мотивы, которые непосредственно оказали воздействие на Пушкина, но, с другой стороны, это были и личные обстоятельства жизни самого поэта. Как никогда, он чувствует себя одиноким, несправедливо наказанным. В письмах его к друзьям звучат жалобы на скуку и тоску.

Только в одном письме к Вяземскому 8 или 10 октября 1824 года, Пушкин пишет: «О моем житье-бытье ничего тебе не скажу – скучно вот и все...», «скучно писать про себя...», «умираю – скучно» (XIII, III).

В конце октября 1824 года в письмах к Жуковскому читаем: «О, себе говорить не намерен и хладнокровно не могу всего этого раздумать» и дальше: «Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно» (XIII, 113).

«Скука смертная везде, – пишет Пушкин и в письмах и брату 1 – 10 октября 1824 года (XIII, 118).

Но, не поддаваясь тоске и отчаянию, поэт очень много в эту пору работает. Многие его письма наполнены просьбами прислать книги. Он следит за новейшей литературой, журналами, записывает свои мысли о многих произведениях и литературных явлениях.

Большую моральную поддержку оказывают ему друзья. Сочувствуя его обстоятельствам, они в то же время понимают, что одиночество даёт возможность всем существом отдаться поэзии и должно способствовать и расцвету поэтического гения Пушкина.

Убедительно в этом отношении письмо А.Раевского, написанное в августе 1824 года: «Ради бога, дорогой друг, не предавайтесь отчаянию, берегитесь, чтобы оно не ослабило вашего прекрасного дарования, заботьтесь о себе, будьте терпеливы: ваше положение изменится к лучшему. Поймут несправедливость той суровой меры, которую применили и вам. Ваш долг перед самим собой, перед другими, даже перед вашей родиной – не падать духом; не забывайте, что вы – украшение нашей зарождающейся литературы и что временные невзгоды, жертвою которых вы оказались, не могут повредить вашей литературной славе» (XIII, 530).

Ободряюще звучит и письмо от 12 ноября 1824 года Жуковского, который не сомневается в гениальности молодого друга: «На все, что с тобой случилось, и что ты сам на себе навлек, у меня один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богат, у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья, и обратить в добро, заслуженное; ты более, нежели кто-нибудь мо-

жешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом, будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые, шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! Я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, если захочет сам. Плыви, силач. А я обнимаю тебя» (XIII, 120).

Письма друзей ободрили, согревали надеждой, крепили мужество и стремление твердо идти по пути к правде и справедливости, напоминали о той могучей власти, которой не обладал над умами людей.

Стихи:

*Мужайся, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй, –*

несомненно, были навеяны и текстом Корана, и переживаниями, мыслями самого Пушкина.

Восстань, стезю правды следуй, – писал он в черновом варианте. Тема правды и справедливости близка Корану и неоднократно раскрывается в нем. В переводе М. Веревкина в 1-й суре значит: «Направляй их на путь истины». Последний же по времени переводчик Корана приводит:

Направь прямой стезю нас (12).

(У И. Крачковского: «Веди нас по дороге прямо»).

В первом подражании Пушкин касается и темы сиротства: «люби сирот».

В Коране много раз упоминаются сироты и постоянно напоминает, что долг человека заботиться о сиротах, помогать им, оберегать их в беде.

Таким образом, Пушкин сумел уже в первом подражании затронуть многие главные темы Корана, раскрыть широту его проблем и многоплановость.

Второе подражание – обращение к женам пророка, в основе которого 33-я сура Корана. М. Веревкин переводит ее – «Артели, или Участки людей ратных». В новейшем переводе она названа «Союзники». Пушкин близко к тексту и смыслу Корана передает самые характерные черты нравственного облика женщины Востока: скромность, стыдливость, покорность.

Самому Пушкину тоже импонировали эти женские черты. И хотя в своих стихах, особенно ранних лет, он воспевал любовь красавиц, идеалом его всегда была женщина скромная, целомудренная. В стихотворении «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» мы видим пушкинский идеал женщины – «стыдливо – холодна». И поэтому так убедительно звучат стихи второго подражания, в котором сохранилось многое из переводов Корана: это и обращение к «женам чистым пророка», отличным от других своих страхом перед пророком, наставление им жить скромно, хранить верные сердца, не искушать своей красотой «нечестивых». Содержится здесь и наставление мужчинам, как вести себя в доме у пророка – не увлекаться суетой света, не быть велеречивыми, не произносить нескромных и пустых слов, целомудренно склоняться перед прислужницами. Думается, что в широком плане слова эти были адресованы мужчинам во всех обстоятельствах жизни.

В основе третьего подражания сура 80-я, которая переведена М. Веревкиным как «Слепой». В переводах И. Крачковского и В. Прохоровой она названа «Нахмурился».

Содержание 42 аятов, имеющих в этой суре, Пушкин ярко впечатляюще передал в семи строфах своего стихотворения. Наглядно и зримо читателю представляется картина, услышав приближение слепца, пророк хмурится и бежит от него – ведь тот дерзнет высказать свое недоумение его учением.

Небесная же книга предназначена лишь для людей, доброй волею познающих божьи заповеди, а отнюдь не для спортивных и сомневающихся. Уже в первом подражании у Пушкина было:

***И мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.***

В третьем подражании эта мысль повторяется и дополняется:

***Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых.***

Однако в последней строфе мы наблюдаем некоторые изменения по сравнению с Кораном.

В 80-й суре Корана речь идет о противопоставлении праведников и нечестивцев. Праведники в Судный день смеются и веселятся, у нечестивцев же на лицах – пыль и прах.

У Пушкина Судный день особенно страшен тем, что его страшатся все, хотя лишь нечестивые покроются пламенем и прахом:

***И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые надут,
Покрыты пламенем и прахом (II, 354).***

Как видно, самому Пушкину важно было убедительно выразить мысль об истинной вере человека в благие дела творца:

Почто ж кичится человек? – вопрошает поэт.

Черновики показывают, что он упорно работал над этой строкой, стремясь к максимальной выразительности:

Почто ж не верит человек? –

– звучало первоначально в черновике.

Четвертое подражание было создано также на основе 2-й суры – «Корова». В ней идет речь о споре царя Нимрода с Богом.

Здесь вновь раскрывается мысль о всесии Творца, о его могуществе.

В третьем подражании уже упоминалось о том, как бессилен человек перед божьей волей:

*... Бог и умертвит
И воскресит его по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях, и в горькой доле? (II, 353).*

Теперь же в четвертом подражании мы читаем слова Всесильного, дополняющие высказанную прежде мысль:

*... Я миру жизнь дарю,
Я смертью землю наказую,
На все поднята длань моя (II, 354).*

Пятое подражание звучит торжественно и пафосно. В нем снова утверждается мысль о беспредельности милостей Аллаха, о его поистине безграничных благодеяниях:

*... Неба своды,
Творец, поддержаны тобой...
Зажег ты солнце во Вселенной...
Творцу молитесь: он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи,
Дает земле древесну тень
Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран... (II, 354-355).*

В черновом тексте мысль о благодати Корана усиливалась упоминанием о том, что Коран был открыт пророку Мухаммаду во дни печалей и гоненья:

*Во дни печалей – Магомету
Открыл сияющий Коран.*

Еще один вариант:

Он сердцеведец – Магомету ...

Следующий вариант:

Он в день гоненья Магомету (II, 872).

В окончательном тексте поэт подчеркивает милосердие Творца:

*Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран.*

Истинное уважение Пушкина к религии, и культуре, которые он воссоздает в поэтических образах, подчеркивается и эпитетами к слову Коран:

сияющий, святой.

А в стихотворении «В пещере тайной...» мы наблюдаем еще один эпитет к слову Коран – «сладостный».

Вдумываясь в смысл пушкинских эпитетов, мы убеждаемся, как прав был Гоголь, говоря об эпитете Пушкина: «Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание» (13).

Немало споров вызывает шестое подражание. По словам Н.М. Лобиковой, здесь «Мухаммед теперь уже не гонимый, а восторжествовавший пророк, который предстает перед нами в новом качестве – он призывает к «священной войне», силой оружия заставляя «нечестивых» покориться, отдает приказы, диктует «правоверным».

Исследователи, анализирующие «Подражания Корану», отмечают, что шестое подражание вобрало в себя содержание 11 и 12-ых аятов 61-й суры и 48-й суры, а также 25-й и 59-й сур Корана.

Однако, нам представляется, Пушкин имел здесь в виду и другие суры Корана, в которых речь идет о войне. Мы приводим их по последнему переводу, поскольку сам Пушкин, как известно, использовался не только прозаическим переводом М. Веревкина, осуществленным не с подлинника, а с французского перевода, а также французским поэтическим переводом Савари.

Во многих сурах Корана идет речь о справедливой борьбе, и Пушкин, перечитывая их, вероятно, бесконечное число раз, обратил внимание на эти мысли. Например, в суре 2-й

«Корова» в аятах 190–193 читаем:

190:

*Сражайся за Господне дело
Лишь с тем, кто борется с тобой,
Дозволенного грань не преступай:
Господь не любит тех, кто преступает.*

191:

*Громи врагов в том месте, где настигнешь их,
И изгони с земли, откуда ты был изгнан, –
Ведь гнет и смута хуже смерти.
Но не борись у стен Святой Мечети,
Пока твой враг не трогает тебя.
Но если он начнет с тобой борьбу на этом месте,
Убей его – таким должно быть воздаяние неверным.*

192:

*Но если враг твой прекратит борьбу –
Всемиловит наш Бог и всепрощающ!*

193:

*Борьбу ведите с ними до того мгновенья,
Пока не будет больше смут и угнетенья!
И правосудье воцарит и вера в Бога;
Когда же враг наш прекратит борьбу,
Оружие сложите и гоните тех,
Кто продолжает вызывать смятенье (15).*

Глубоко постигнув дух Корана, Пушкин не случайно уже в 1-иее подражание включает тему справедливой борьбы с врагами:

Клянусь мечом и правой битвой...

Дальнейшее развитие эта тема находит в 6-м подражании:

*Недаром вы приснились мне
В бою с обретыми главами,
С окровавленными мечами
Во рвах, на башне, на стене.*

Нелегкой была победа. В стихотворении Пушкина пророк прославляет отважных: «Слава вам» и осуждает малодушных, которых теперь ожидает презрение:

*Малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам. (II, 355)*

По черновикам видно, что Пушкин намеревался более широко раскрыть эту тему.

В черновом тексте шестого подражания было:

*Вам бог победу даровал
(Гоните робких, похотливых) (II, 892).*

Итак, по мысли Пушкина, победа даруется только благородным, отважным людям, людям высоконравственным и среди них не должно быть места робким и похотливым.

Эта мысль Пушкина вызывает в памяти знаменитые слова Гёте:

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!*

Как известно, Пушкин много работал над этим подражанием. В работах исследователей содержатся тонкие наблюдения над текстом. Мы же хотели обратить внимание на третий стих первого четверостишия: «С окровавленными мечами». В черновиках были и другие варианты: «Гремящих острыми мечами», «Гремящих быстрыми мечами» ... думается, что эпитеты «острыми», «быстрыми» придают все-таки нейтральную окраску смыслу «меч». И поэт останавливается на ярко эмоциональном эпитете «окровавленные», который сразу же придает всему поэтическому образу оттенок трагичности, неизбывных горестей, напоминает о смерти.

И отсюда становится более логичным и отправленным переход к теме 7-го подражания: обращение к пророку, который здесь предстает сомневающимся, боязливым, печальным, видящим лукавые сны.

В шестом подражании пророк вместе с «детьми пламенных пустынь» – отважными, смелыми духом – торжествовал победу над врагами, теперь же при свете «лампады святой» сердечно и смиренно с помощью молитв и чтения небесной книги всю ночь напролет до утра пытается избавиться от печальных мыслей и лукавых снов.

И прав С. А. Фомичев, считающий, что здесь представлен пророк, «погруженный в себя, смиренно («боязливо») обращающий заветы высших истин к себе самому, в себе самом подозревающий суетливость («Печальные мысли, лукавые сны») и жаждущий очиститься от скверны» (16).

Но есть в этом подражании и другая значительная тема, кроме утверждения темы о сомнениях и колебаниях, свойственных человеку и которые в конечном итоге способствуют нравственному усовершенствованию личности. И эта тема одна из главных в Коране – это мысль о беспредельной силе молитвы, обращенной к Богу.

Тема молитвы уже была намечена поэтом в первом стихотворении цикла:

Клянусь вечернею молитвой...

В седьмом подражании она развивается и становится наряду с темой сомнений и колебаний одной из самых главных.

В Коране, как уже мы отмечали, определены главные заповеди, считающимися нерушимыми для мусульманина. И среди них в первую очередь названы пятикратная молитва и закят – очистительная милостыня.

И эти две темы раскрываются Пушкиным в подражаниях следующих одно за другим.

Итак, в восьмом подражании тема благородства, милостыни, щедрости, благодеяния становится магистральной.

В Коране не раз подчеркивается мысль о том, что милостыня должна идти от всего сердца. Нельзя давать подавание и в то же время в душе испытывать сожаление о по-

данном: такая милостыня – большой грех и не может быть очистительной.

Нравственные постулаты, как мы видим, у представителей различных народов очень близки друг к другу. И в христианской религии, верующие помнят об истине: рука дающего не оскудевает.

В примечаниях к Корану указывается объем zakata, который определяется размером не менее в 2,5 процента от всего имущества мусульманина. Это стихотворение Пушкина состоит из двух частей, которые по своему смыслу противопоставлены друг другу. В первой части доминирующий образ – щедрота полная, во второй – скупое подаянье, поданное завистливой дланью.

Щедрота полная подобна ниве тучной, и сеятель сто-рицею получит урожай.

Скупое же подаянье «расчетливой рукою», «подобно горсти пыльной», смытой с камня ливнем, и оно не угодно Богу.

В этом подражании, тщательно отбирая образы и детали, которые не раз повторяются в Коране, Пушкин конкретно и близко к оригиналу раскрывает главный смысл очистительной милостыни – помощь бедным, нуждающимся.

Характерно, что мысли и поступки самого Пушкина полностью совпадают здесь с идеями Корана. Брату своему 4 декабря 1824 года он пишет в связи с наводнением в Петербурге: «Этот потоп с ума мне нейдет... если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного» (XIII, 127).

Девятое подражание, как и восьмое, написано шестистроичной строфой и представляет собой по форме балладу. В этом завершающем цикл подражании вновь утверждается тема безграничного могущества Творца и тема веры во все благое. Исследователи точно указывают суру

вторую «Корова» и 259-й аят, который послужил основой данного подражания, хотя и подвергся большой переработке.

Как мы уже упоминали, тема всесилья Творца проходит и через многие другие суры Корана.

Последнее подражание свидетельствуют об особенно кропотливой и многоплановой работе Пушкина. Известно, что в вышеупомянутом аяте речь идет о страннике, который, проходя мимо разрушенного селения, сомневается в том, что Господь может возродить его.

За тяжкий грех сомнения Бог умертвил странника и оживил только через сотню лет. В аят включен и диалог между ними. Пушкин ярко раскрывает потрясение странника.

И горе человека не оставило Бога равнодушным. Пушкин об этом не упоминает, но последующие стихи, конечно же, служат доказательством того, что именно горести и переживания странника вызвали удивительное чудо:

*Минувшее в новой красе оживилось,
Вновь зыблется пальма тенистой главой,
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.
И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают. (II,357)*

Завершается цикл весьма значительными для этого произведения и для всего творчества Пушкина стихами:

*И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая радость;
Святые восторги наполнили грудь;
И с богом он дали нускается в путь. (II,357)*

В этих стихах несокрушимая вера в будущее, светлый оптимизм, твердая убежденность в торжестве истины.

В девятом подражании образно раскрыт эстетический идеал Пушкина, его жизнеутверждающее восприятие мира, вера в торжество светлого и благородного в жизни:

Святые восторги наполнили грудь, — пишет он.

Особенно важным представляется здесь слово «святые», которое, по пушкинскому понятию, всегда выражает чистое, возвышенное, высокие нравственные истины.

Главные идеи в этом цикле помогают уяснить и кольцевая композиция. Последняя строфа первого подражания перекликается с заключительной строфой последнего – девятого подражания. В них раскрываются мотивы бодрости, оптимистической веры в будущее.

В первом подражании звучит призыв к мужеству, к борьбе за правду, к исполнению заповедей Корана:

*Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран,
Дрожащей твари проповедуй. (II,352)*

В последнем подражании деяния Господа вызывают восторг перед его всесилием, возвращают человеку молодые надежды, силы, пробуждают самые благородные чувства.

Таким образом, мы видим, что в этом цикле так же, как и в других своих ключевых произведениях, Пушкин всегда, как бы ни было у него тяжело на душе, находил силы преодолеть печальные мысли и бодро смотреть на будущее самого себя, своих современников и потомков, русского народа и других народов мира.

Так, перечитывая, например, стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», мы видим, как поэт побеждает в своей душе печальные мысли о смерти и славит жизнь, преемственность поколений, вечную красоту природы:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять (III,195)*

Или же в «Ваххической песне»:

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

И хотя работа над «Подражаниями Корану» вместе с переоформлением цикла была завершена в мае 1825 года, Коран продолжал еще долго волновать Пушкина. И он вновь и вновь обращался к его темам.

Еще в апреле 1825 года Пушкин работает над стихотворением «В пещере тайной в день гоненья...» И здесь главной темой становится тема гонения. Как видим, эта глубоко личная тема, волнующая поэта постоянно, заставляющая его мучительно раздумывать о судьбе, среди других тематических мотивов и линий особенно занимает Пушкина.

На примере стихотворения «В пещере тайной в день гоненья...» можно говорить о том, что темы, связанные с Кораном, долго еще владели творческим воображением поэта. По своему содержанию оно непосредственно связано с образами Корана.

В пушкиноведении относительно этого стихотворения существуют различные точки зрения. Часть ученых относит его к «воронцовскому» циклу стихов, полагая, что оно повторяет тему «Талисмана».

Так, Б. П. Городецкий считает: «Ангел утешенья» еще раз появится в пушкинских набросках, связанных с именем Е. К. Воронцовой (1825):

*В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья
Влетев, принес мне талисман» (17).*

Более убедительной представляется точка зрения пушкинистов, считающих, что в этом наброске продолжена тема Корана. С.А. Фомичев утверждает, что здесь поэт «намечает новую кульминацию цикла – гонение Магомета, которое обернется торжеством его учения» (18).

В широко известной легенде из жития пророка Мухаммада повествуется о том, что именно в пещере на горе

Тор, недалеко от Мекки, к нему являлся архангел Гавриил, который приносил ему от Бога суры Корана.

Творчески развивая тему Корана, Пушкин называет его в стихотворении сладостным, хотя в черновых набросках были и другие эпитеты: святой, таинственный. Характерно также, что в черновиках этого маленького произведения трижды встречаются слова с корнем «тайна»: таинственный Коран, тайный талисман, таинственная сила, что свидетельствует о том, что поэт придавал ему в контексте стихотворения особое значение. Примечательно также, что в черновых вариантах нет упоминания о пещере: однако всюду подчеркивается мотив гонения.

Проследим, например, варианты первой строки:

1. *Во дни гоненья;*
2. *Перед лампадой в ночь гоненья;*
3. *Я пред лампадой в ночь гоненья...*
4. *У берега вод я в день гоненья... (II, 998-999)*

И вполне оправданно, что преобладающий здесь мотив гонения вызывает ассоциацию с судьбой пророка Мухаммада, который провел ночь перед побегом в пещере на горе Тор. А то, что в стихотворении речь идет именно о пророке Мухаммаде и о Коране, подтверждается не только стихами наброска в последнем варианте, но и черновым автографом.

В последнем варианте дается:

*Слова святыя начертила,
На нем безвестная рука...
(II, 475)*

В черновиках читаем варианты:

- а) *Слова Корана начертила*
- б) *Слова пророка начертила (II, 998)*

И нам представляется, что именно теперь в апреле — мае 1825 года, когда Пушкин, перестраивая композицию цикла, вновь и вновь перечитывает Коран, он обращается

памятью к дням, когда «сладостный Коран» даровал ему утешенье.

Уже в 1825 году «Подражания Корану», даже еще не напечатанные, становятся известны друзьям поэта. В апреле К.Ф. Рылеев пишет Пушкину: «Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелестны, особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен! Стихи:

*И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет, —превосходны»*
(XIII, 168).

В воображении Рылеева Пушкин предстает человеком, душевному миру которого близок пророк Мухаммад.

В ранее цитированном нами письме эта мысль была отмечена: «Ты можешь быть нашим Байроном, но ради бога, ради Христа, ради твоего любезного Магомета, не подражай ему» (XIII, 173).

Многие современники Пушкина восторженно приняли «Подражания Корану». Поэт И. Козлов в письме к Пушкину в мае 1825 года называет его стихи неподражаемыми. О «стихах из Корана и двух элегиях» он пишет, что они привели его в восторг (XIII, 536).

Вновь тема Корана возникает у Пушкина в 1828 году, когда он работает над «Альбомом Онегина», который остался лишь в черновых вариантах романа.

В первой редакции «Альбома» Пушкин пишет:

*В Коране... мыслей здравых
Вот, например, перед отцом
Смирись – беги путей лукавых,
Чти бога и не спорь с глупцом.*
(VI, 431-432)

В черновиках дается множество и других вариантов:

- а) Люби сирот, беги лукавых...*
- б) замыслов лукавых*
- в) дум лукавых...*

з) *Не избирай путей лукавых...*

д) *Чти бога...*

(VI, 432)

Стих «Чти бога и не спорь с глупцом» имел вариант – «не спорь с невеждой и глупцом». В последнем варианте «Альбома» эта строфа о Коране вновь переработана:

В Коране мыслей много здравых

Вот, например, пред каждым сном

Молись – беги путей лукавых,

Чти бога и не спорь с глупцом.

(VI, 614)

Итак, и в этой строфе вновь идет речь о вечерней молитве, тема которой проходит в 1-м и 6-м стихотворениях «Подражаний Корану».

Р. В. Иезуитова считает, что в «своем окончательном виде строфа о Коране стала квинтэссенцией восточной мудрости, в которой страждущая душа обретает для себя утешение» (19).

И хотя эта строфа не вошла в текст романа «Евгений Онегин», в ней содержались такие значительные мысли, что к ним поэт вновь обращался впоследствии. «Не оспаривай глупца», – читаем мы в стихотворении «Я памятник воздвиг себе...»

Итак, цикл «Подражания Корану» можно назвать уникальным поэтическим творением, в котором русский поэт предстает как бы представителем другой инациональной культуры, религии, верований. Его стихи настолько проникновенны, убедительны, искренны, что читатель без всякой тени сомнений воспринимает их как произведение, созданное одним из верных последователей этой религии, морали, нравственных норм. Эта удивительная способность Пушкина проникать в суть инациональной культуры и говорить от имени ее представителей, вызывает истинное восхищение. Поэтому так понятны те удивительно точные и восторженные оценки, которые были даны мно-

гими писателями и критиками. Например, Ф.М. Достоевский в своей взволнованной речи о Пушкине, говоря о «Подражаниях Корану», восклицает: «... разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее?» (20).

И не эта ли достоверность заставила Н.И. Черняева придти к важному выводу: «Как это ни странно, Коран дал первый толчок к религиозному возрождению Пушкина и имел поэтому громадное значение в его внутренней жизни» (21).

Еще одна поразительная особенность «Подражаний Корану» заключается в том, что Пушкин, имея в своем распоряжении переводы Корана, само название которых способствовало критическому восприятию его, сумел стать выше своего времени.

Благодаря своему непостижимо смелому дару и гениальной пронизательности он сумел постичь смысловую глубину Корана, ощутить его дух и идеи, охватить самое главное в нем и воплотить его в удивительных поэтических строках, которые знаменовали новый реалистический этап в его творчестве.

В последующие годы Пушкин нередко обращается к теме Корана, чтобы раскрыть свои мысли и чувства.

В написанных в 187 году «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» мы встречаемся вновь с упоминанием Корана: «Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магомета» (IX, 52).

С кораническими мотивами неразрывно было сказано и стихотворение Пушкина «Пророку», которое можно назвать одним из самых замечательных в его творчестве. Уже в ранней юности поэт постоянно обращался к теме предназначения поэта, его роли и судьбы к проблемам его нравственного и творческого облика. Будучи еще совсем

молодым, Пушкин сумел для себя определить самые существенные критерии, которыми должен руководствоваться поэт в своей творческой деятельности. В стихотворении «К Н. Я. Плюсковой» (1818) поэт утверждает:

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа. (1, 65)*

«Пророк», датируемый 1826 годом, стал программным стихотворением, в котором воплотился идеал Пушкина, связанный с высокой миссией поэта. Исследователи не раз отмечали связь пушкинского стихотворения с божественными книгами: «Библией» и «Кораном».

Так, в «Полной русской хрестоматии», изданной А. Галаховым в Москве, в 1845 г., стихотворение «Пророк» было дано под заголовком «Исайя», гл. 6» (22).

Исследователи Ф.А. Терновский и С.А. Терновский подчеркивали, что стихотворение «Пророк» иллюстрирует 97-ю суру Корана – «Алькадр». Н.Ф. Сумцов также отмечал в стихотворении «Пророк» восточные темы. Он утверждал, что в нем – проявление «одного и того же образа – победа Ормузда добра, истины поэзии над Ариманом зла, житейской суеты и пошлости...» (23).

Пушкинист Н.И. Черняев считает, что в образе пророка Пушкин воплотил образ пророка Мухаммада, но что источником его вдохновения нельзя считать суру 97-ю. Стихотворение, по его утверждению, основано на одном из эпизодов жизни пророка Мухаммада. Он полагает, что источником здесь служит сура 74-я «Покрытый плащом своим».

Н.И. Черняев считает, что «Пушкин изложил тот эпизод из жизни основателя Ислама, когда Магомет после мучительных сомнений, наконец, узрел видение, окончательно укрепившее его в догматах Корана» (24).

В свою очередь Н.Ф. Фридман высказывает мнение о том, что эта сура, приведенная ниже, не может служить доказательством вывода Н.И. Черняева:

1. *О, ты плащом покрытый!*
2. *Восстань и предостерегай людей*
3. *Твой господь, прославляй его,*
4. *Твои одежды, содержи их в чистоте.*
5. *А осквернения избегай (25).*

Н.В. Фридман утверждает, что «Пророк» – это самостоятельное произведение Пушкина, а не «переложение».

Отнюдь не отрицая вывода современного исследователя, мы полагаем, что «Пророк» Пушкина близок его «Подражаниям Корану» своей идейной направленностью, общим пониманием роли поэта, его призвания.

И дальше если Пушкин в процессе создания этого стихотворения не испытывал влияние коранических мотивов, концепция поэта и его места в обществе, данная в Коране, не могла не заинтересовать его.

В 26-й суре Корана «Поэты» («Ашшуара») содержатся мысли, характеризующие поэта, диктующие ему правила не только творчества, а всей жизни.

Прежде всего, в аяте 3-м звучит искреннее сочувствие к поэтам, испытывающим душевные муки от того, что люди верят их словам:

*Тебе, (снедаемому горем),
Быть может, хочется убить себя
За то, что (увещаниям твоим не внемля)
Никак не веруют они.*

Аят 84-й весь пронизан высоким гражданским пафосом:

*И сделай мою речь в моих потомках
(Носителем) высокой правды.*

В аятах 222-226 осуждаются лживые и грешные поэты, которые «передают послушанное ими», увлекают по концепции Корана – люди, преданные Господу, верующие его учению, совершающие благородные поступки, умеющие защищаться:

*... Кто (в Господа) уверовал и делает благое,
И в понимании Аллаха
Проводит долгие (часы)
И тех, которые умеют защищаться,
Когда на них без права нападут... (26).*

Итак, налицо наблюдаются сходные мотивы, образы, детали, раскрывающие общественный облик поэта в «Коране» и в стихотворении Пушкина «Пророк», а также в его цикле «Подражания Корану».

В трудах многих пушкинистов также отмечается такая переключка.

Б.В. Томашевский указывает, что и в «Подражаниях Корану» и в «Пророке» чувствуется идейная близость (27).

Б.П.Городецкий, называя стихотворение «Пророк» общественной декларацией, полагает, что конец первого стихотворения из «Подражаний Корану» подготавливает почву для последующего «Пророка» и образная система его вырастает из предшествующей лирики и времени работы над «Подражаниями Корану» (28).

Трудно переоценить значение труда Пушкина, который своими «Подражаниями Корану» художественно воплотил мировоззрение, национальное своеобразие человека Востока. Кроме того, по справедливому мнению, П. И. Тартаковского, «... он пробудил огромный и непреходящий интерес поэтов к «священной книге» мусульман, открывшей (наряду с восточной классикой) перед художником России неизведанные пласты действительности, новые возможности ее постижения в национальной истории, психологии, поэзии, как целых народов, так и отдельной личности – человека Востока» (29).

Подтверждением этого мнения служат десятки и сотни произведений, авторы которых со времен Пушкина, вдохновленные его традициями, также обращались к теме Корана. Прежде всего, это были современники Пушкина.

Например, Л. Якубович пишет не только стихи, связанные тематикой с произведениями Саади и Гафиза, но и «Подражания Корану», в которых использует стилистические приемы, примененные Пушкиным. Для примера можем взять синтаксис клятвы из его стихотворения.

При жизни Пушкина, в 1826-27 годах, был создан также сборник Александра Гавриловича Ротчева «Подражания Корану», состоящий из 12 стихотворений.

Вероятно, под влиянием Пушкина были написаны писателем и археологом Александром Фомичем Вельтманом и стихотворения на восточные темы: «Зороастр», «Мухаммед», «Эскандер».

Итак, тема Корана, художественно освоенная Пушкиным, и его творческие поиски были продолжены многими современниками поэта и русскими художниками слова последующих поколений.

2. «Стихов гремучим жемчугом» («В прохладе сладостной фонтанов»)

В апреле – мае 1825 года Пушкин, как уже отмечалось, завершил перекомпоновку цикла, «Подражания Корану», а в июле его мыслями и воображением вновь завладел Восток.

В стихотворении «Блестит луна, недвижно море спит...», датированном 22 июля 1825 года, наблюдается восточный стиль, который характеризуется, с одной стороны, плавным музыкальным ритмом, с другой же – особой метафорической системой и использованием лексики, создающей восточный колорит:

*Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап – эвнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой (II, 408).*

Работа над этим стихотворением свидетельствует, что Восток оставался для Пушкина темой, к которой он испытывал постоянное влечение. Многие произведения, привлекавшие Пушкина, расширили его знания о Востоке. В 1826 году он обратился к переводу поэмы Лодовико Ариосто «Влюбленный Роланд». В отрывках, избранных для перевода, раскрывалась и мысль о том, что арабский язык широко был распространен в Европе с древнейших времен.

В переводе Пушкина, названном «Из Ариостова», читаем:

*Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной
Зрит надпись – в похвалу забав.
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал.
Стихи, чувств нежных вдохновенье,
Он по-арабски написал... (III, 16)*

И дальше:

*Граф точно так, как по - латыни
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне. (II, 17)*

Существенно дополняет наши представления об ориентальном мире, воссозданном Пушкиным, и незавершенное стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов», найденное в бумагах поэта и датируемое большинством пушкинистов 1828 годом. Впервые его опубликовал П.Е. Щеголев в 1911 году.

А.Л. Слонимский считает, что основной темой стихотворения является «не проповедническая миссия поэта, как в «Пророке», а волшебная сила фантазии» (30).

Д.Д. Благой полагает, что в этом стихотворении на «восточном материале также ставится тема о месте и роли поэта в обществе» (31).

На наш взгляд, в стихотворении раскрываются обе эти мысли: тема Востока связана с раздумьями о положении поэта в обществе и о власти и красоте поэтического слова.

В ярких запоминающихся образах Пушкин изображает среду, в которой поэт вынужден творить. Своими стихами подобными глубиной смысла и прелестью бесценным драгоценным камням, он должен веселить сильных мира:

Поэт бывало тешил ханов

Стихов гремучим жемчугом. (III, 129)

В часы «праздного веселья» ему приходилось низать на четки не только золотые слова мудрости, но и «прозрачной лести ожерелья». Но власть поэзии – гремучего жемчуга стихов – безгранична, и восточный красноречивый «удивлял Бахчисарай» своей фантазией. С восхищением слушатели внимали стихам, поражаясь бесконечности и красочности воображения поэта. И как многоцветный ковер, вытканый искусными руками мастера, украшает жилище, стихи поэта становились украшением ханских пиров:

Его рассказы расстилались,

Как Эриванские ковры,

И ими пышно украшались

Гиреев ханские пиры. (III, 129)

Первая строка стихотворения звучит как завораживающая музыка:

В прохладе сладостной фонтанов...

Здесь в словах «прохлада» и «сладостный» повторяется слог «лад». Во втором стихе в словах «обрызганных» и «кругом» повторяются звуки «р», «г», которые подготавливают наш слух к глубокому восприятию поэтического образа – «стихов гремучим жемчугом» – так и чудится «шорох иль шелест» (Есенин) пересыпающегося сверкающего жемчуга.

По словам Б. В. Томашевского, «метафорическая система этих стихов воспроизводит восточный стиль почти документально».

И дальше в подтверждение ученый приводит высказывание крымского поэта, включенное в книгу В. Гернгросса «Ханский дворец в Бахчисарае»:

«Смотри! Этот увеселительный дворец, созданный великим умом хана, оправдывает мою хвалебную песнь. Это здание его радушием солнечному сиянию, озарило Бахчисарай. Смотри на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурий, что красавицы сообщили ему прелесть, что это нитка морского жемчуга, неслыханный алмаз! Смотри! Вот предмет, достойный золотого пера» (32).

Черновики стихотворения, разобранные А.Л. Слонимским и Н.В. Измайловым, говорят о том, как кропотливо работал над ним Пушкин, но мы вновь хотели бы обратить внимание на их отдельные детали. Знакомясь с черновыми вариантами, мы, прежде всего, видим, что поэт с самого начала строит стихотворение как противопоставление — одного образа мышления другому, одного типа поэта — другому.

В черновиках постоянно повторяется эпитет «восточный», который по мере развития лирического хода стихотворения приобретает особый смысл. В первоначальном варианте читаем:

При шуме фонтанов

В ...

Поэт ханов

Восточной песнью оглашал. (III, 674)

Последняя строка была изменена на вариант:

Восточной песнью утешал

В следующей строфе было также:

Низал он хитрою рукой

Хвалы восточной ожерелья. (III, 675)

Еще один вариант ее был такой:

Восточной лести ожерелья

И четки мудрости благой. (III, 676)

Итак, все четыре строфы посвящаются изображению восточного поэта, стихи которого были так желанны ханам.

Несомненно, что эти поэтические образы видением жизни, художественной манерой были близки восточной поэзии.

В одном варианте читаем:

*Порой персидской краснойбай Читал
И посетил Бахчисарай. (III, 676)*

Первоначально, возможно, у Пушкина была мысль показать любовь Саади к Крыму, к Бахчисараю. Тщательный анализ имеющейся о Саади литературы не подтверждает факта его пребывания к Крыму, хотя, как известно десятилетия своей жизни Саади посвятил путешествиям и исходил многие страны. Но здесь, как верно отмечает М.Л. Нольман, имеется в виду, что стихи Саади были в Крыму широко известны (33). У Пушкина же, и на наш взгляд, Крым, Бахчисарай после работы над «Бахчисарайским фонтаном» постоянно ассоциируются с именем Саади, так же, как у читателей, прочитавших поэму. В черновике читаем:

*Крым любил Саади
Порой персидской краснойбай
Сюда свои тетради
И навещал Бахчисарай.*

В следующем варианте, верный исторической правде, Пушкин уже пишет не о самом Саади, но и о его сынах:

*Любили Крым сыны Саади
Порой Татарский краснойбай
Свои Тавризмские (?) тетради
Переносил в Бахчисарай.
(III, 676)*

Был здесь и вариант «птенцы Саади» вместо «сынов Саади».

Однако, начиная с V-й строфы, в стихотворении начинается противопоставление, и черновики работы над ними убедительно свидетельствуют, что в них имеется в виду поэт какой-то «чуждой стороны», хотя и имеющий много общего с «сынами Саади»:

*Но ни один поэт восточный
Ни цареградской краснойбай
Не вымышлял*

Дальше было много других вариантов и характерно, что все они начинались с союза «но», показывающего, что здесь было задумано противопоставление.

Второй вариант:

Но ни поэт Ширази (?) милый

Третий:

*Но ни один рассказчик милый,
Ни Тегеранской краснойбай.*

Здесь к слову краснойбай предлагались и другие эпитеты:

*а) ни аравийской
б) ни персидской*

Четвертый:

*Но ни один рассказчик (милый)
Небесных сеятель даров.*

К этим стихам в черновиках были и другие варианты:

*Но ни одни волшебник (милый)
Духовных сеятель даров.*

Итак, мы наблюдаем здесь антитезу: один тип поэта противопоставляется другому. Но вместе с тем у противопоставляемых поэтов и много общего: Восточный поэт «На нити праздного веселья Низал... хитрою рукой Прозрачной лести ожерелья и четки мудрости золотой». Его антипод обладал волшебным даром вымышлять «хитро» сказки и стихи (в одном из вариантов было слово «складно», но Пушкин все-таки остановился на слово «хитро»). Эти выражения: «низал... хитрою рукой», «вымышлял хитро» говорят об общности. Кроме того, стихи:

*Но ни один волшебник милый
Владелец умственных даров, –*

относится к характеристике и первого типа поэтов, и к описанию его антипода.

В стихотворении идет речь о судьбе поэта – о его горькой и в то же время счастливой доле усладить слух стихами, о его огромной власти над людьми: способности тешить ханов, удивлять города, ярко украшать ханские пиры.

Исследуя это стихотворение, пушкинисты немало внимания уделяли вопросу о том, кому оно посвящено.

В обширной статье Н.В. Измайлова (34) о стихотворении содержится целый ряд глубоких наблюдений. Центральное место в ней, как показывает уже само название, занимает вывод о том, что оно посвящено польскому поэту Адаму Мицкевичу. В связи с этим в статье содержится подробный анализ «Крымских советов» и других произведений польского поэта, посвященных Востоку и мусульманской культуре.

Известно, что Адам Мицкевич был признанным знатоком восточной литературы, что он был знаком со многими авторитетными трудами, посвященными ей. Не удивительно, что Мицкевич стал автором произведений, написанных на восточные темы: арабской поэмы «Фарис», арабских баллад «Шанфари» и «Альмотенаби» и других. Читатели заметили ориентализм А. Мицкевича, в журналах появились критические отзывы о его восточных произведениях.

Особый интерес вызвала статья П.А. Вяземского в «Московском телеграфе» 1827 года, написанная о «Крымских сонетах» Мицкевича. Автор назывался здесь властителем дум своего поколения. В приложении к статье Вяземский дал переводы некоторых сонетов Мицкевича на русский язык. В ней критик обращал внимание читателей на особенности ориентализма Мицкевича: «... поэт переносит их (читателей – Б.Х., М.М.) на Восток и, следова-

тельно, что должны они вместе с ним поддаться вдохновениям восточного солнца, что наивосточнейшие сравнения, обороты вложены поэтом в уста Мирзы, проводника пилигрима польского, и еще... напомним, что некоторый отблеск восточных цветов есть колорит поэзии века, что кисти Байрона, Мура и других первоклассных поэтов современных напоены его радужными красками» (35). Статья Вяземского в какой-то степени помогает представить, как воспринимались «Крымские сонеты» Мицкевича современниками Пушкина. В 1829 году, когда «Крымские сонеты» в переводе И.Козлова были изданы отдельной книгой, вышеуказанная статья Вяземского вновь была напечатана.

Н.В. Измайлов в своем труде о стихотворении сосредоточил и осмыслил огромный материал, который должен был убедить читателя в том, что оно посвящено А. Мицкевичу. Он считает, что именно к Мицкевичу можно отнести определения, данные в стихотворении поэту, с которым никто не мог сравняться в умении вымышлять «с такою силой, так хитро сказок и стихов, как прозорливый и крылатый поэт той чудной стороны». Именно Адама Мицкевича, утверждает Н.В. Измайлов, имел в виду Пушкин, когда, говоря о восточном поэте, противопоставлял ему другого поэта. Целый ряд аргументов, приведенных Н.В. Измайловым, представляется убедительным.

Вывод, сделанный Н.В. Измайловым, поддержали известные пушкинисты. Д.Д. Благой пишет: «Давая блистательно выдержанный в ориентальном стиле собирательный образ – характеристику придворного певца Востока, который «бывало, тешил ханов стихов гремучим жемчугом». (На нити праздного веселья Низал он хитрою рукой Прозрачной лести ожерелья. И четки мудрости златой). Пушкин сочувственно противопоставляет ему оппозиционного пострадавшего за свои политические взгляды «прозорливого и крылатого» певца Запада – ссыльного Мицкевича» (36).

Идентичной точки зрения придерживается и А. Л. Слонимский: «Стихотворение относилось, как впервые указал на это Н.В. Измайлов, к Мицкевичу и написано было по поводу его «Крымских сонетов...»(37).

Б.В. Томашевский в работе «Вопросы языка в творчестве Пушкина (1956)» также высказал мысль о том, что стихотворение посвящено А. Мицкевичу как автору «Крымских сонетов» (38).

Т.Г. Цявловская в комментариях к десяти tomному изданию Пушкина, вышедшему в 1959-1962 годах, высказывает предположение: «Прозорливый и крылатый поэт – вероятно, Адам Мицкевич» (39). – Позднее она предлагает несколько иную интерпретацию стихотворения, которая будет нами раскрыта ниже.

Но хотя Н. В. Измайлов приводит много доводов в защиту своей версии, в стройной цепи его доказательств существует звено, вызывающее сомнение в выводах ученого.

В последней строфе:

*Как прозорливый и крылатый,
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны, –*

несомненно, эпитеты «прозорливый и крылатый» – без всяких колебаний – можно отнести к Адаму Мицкевичу, славившемуся удивительным даром импровизации, пленительностью своих стихов, умением переносить своих читателей силой воображения в различные страны. Но в стихе «Поэт той чудной стороны», по нашему мнению, речь идет не столько о стране, вызывающей восхищение, сколько отличающейся какой-то странностью в восприятии человека европейской культуры, каким и является Пушкин

В «Словаре языка Пушкина» указываются главным образом три значения слова «чудный»:

1. Являющийся чудом, сверхъестественный, волшебный;
2. Вызывающий удивление, диковинный, странный;

3. Вызывающий восхищение, дивный, прекрасный. (40).

Слово «чудный» из разбираемой строфы, несомненно, имеет второе значение (41), т.е. речь идет о стране диковинной, странной, вызывающей удивление.

Но почему Пушкин должен писать о Польше или о Литве как о диковинных странах, когда там живут люди, хотя и исповедующие католическую религию, но имеющие много общего с европейцами, в том числе и русскими, которые также, как и поляки, относятся к славянской расе? Ведь сам Пушкин не раз в своих стихах называет отношения с ними семейными (в стихотворении «Клеветникам России» читаем: «Вам непонятна, вам чужда Сия семейная вражда»). Тем более, что в период создания стихотворения Польша входила в Российскую империю.

Стих «Где мужи грозны и косматы» также с большой натяжкой можно отнести к польским воинам, хотя Н.В. Измайлов и отмечает, что «воинственность и смелость всегда были принадлежностью польских мужей». Но ведь поляки, будучи католиками, многое восприняли от европейской культуры, и всегда отличались, кроме других качеств, еще и изысканностью, и лоском.

И, наконец, последний стих, который кажется совсем неприложимым к польским женщинам, которых Пушкин якобы сравнивает с гуриями.

В литературоведении не раз высказывалась мысль о том, что сравнение с гуриями всегда использовалось русскими литераторами для описания восточной женщины и создавало восточный колорит. И даже в «Бахчисарайском фонтане» – произведении, насыщенном ориентациями, где Пушкин изображает два типа женщин – христианку и мусульманку – сравнение Марии с гурией было бы невозможно, поскольку это противоречило бы творческим принципам поэта.

Есть еще одно обстоятельство, которое на наш взгляд, опровергает мнение о том, что Пушкин в этом стихотворении имел в виду польского поэта Мицкевича.

Трудно предположить, что Пушкин, так хорошо знавший восточную поэзию и вероятно, знакомый с оценкой ее Гёте, который называл прославленных поэтов Востока царями поэтов, мог поставить Мицкевича выше Саади и его «сынов», а по крайней мере, не наравне с ними.

Мы разделяем мнение М.Л. Нольмана, также сомневающегося в некоторых выводах Н.В. Измайлова. М.Л. Нольман считает, что Пушкин был знаком с «Западно-восточным диваном» Гёте.

Он предполагает также, что Пушкин, очевидно, читал опубликованный в 1820 году в «Вестнике Европы» две персидские песни из «Дивана» Гёте в переводе Михаила Дмитриева.

Небезынтересно и упоминание пушкиниста А.И. Гесена в очерке «Перо Гёте» о Пушкине: «...Читая изданную в Париже на французском языке книгу Мармье «Очерки о Гёте», делает резкую отметку ногтем против строк о поэзии Востока и наиболее значительных еврейских, персидских и арабских поэтах» (42).

Еще одним аргументом, хотя и характеризующим последние годы жизни Пушкина, но все-таки косвенно подтверждающим, что он знал эту книгу о Гёте, в том числе и книгу самого немецкого поэта «Западно-восточный диван», навеянную поэзией Востока, является счет из книжного магазина, в котором перечислялись книги, взятые в период с марта 1835 года по март 1836 год. Среди книг, купленных Пушкиным в ноябре 1835 года, упоминается: «Мармье. Этюды о Гёте» (XVI, 96, 386).

Существуют, как известно, еще две версии о том, кому посвящено стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов». Одна из них — о посвящении стихотворения Шота Руставели, выдвинутая М.К. Азадовским (43), сторонников

не нашла. Другая же – о посвящении стихотворения Саади, – была выдвинута известным таджикским поэтом Абулкасимом Лахути (44) в предисловии к сборнику переводов стихотворений Пушкина, и поддержана А.З. Розенфельд (45) и М.Л. Нольманом (46). Данная гипотеза особенно глубоко аргументирована в вышеуказанных трудах М. Нольмана, который считает, что в этом стихотворении и «фонтаны, и Крым, и Бахчисарай, и Гирей – все ассоциировалось в творческом сознании поэта с «Бахчисарайским фонтаном» и эпиграфом к нему из Саади, т.е. с предшествующими произведениями самого Пушкина, а не с «Крымскими сонетами» Мицкевича (47). Исследователь приходит к выводу, что стихотворение посвящено Саади.

Но хотя эта версия представляется весьма привлекательной, поскольку вносит много нового в тему «Пушкин и Саади», она также вызывает некоторые сомнения. Главное из них связано с тем, что все стихотворение, как отмечалось выше, построено как антитеза. Возникает вопрос, правомерно ли здесь противопоставлять восточных поэтов Саади или же Гафиза – Саади?

В статье, написанной в 1965 году, М.Л. Нольман отмечает: «В начале, в середине и конце стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов» сопоставлены и противопоставлены виртуозы-волшебники» не разных культурно-исторических эпох, а «птенцы», «сыны» одной и той же поэтической школы «восточного краснбайства» (48).

Развивая эту мысль, исследователь приходит к выводу, что «Саади, воплощающий... почти безличную «силу» поэзии (оттого в строфе и стерт след его имени), противопоставляется его «птенцам», которым общественная среда придала вид и повадки придворных льстецов... В результате «сыны Саади» и сам «прозорливый и крылатый» «поэт Ш (ираза)» вошли в систему образов стихотворения как «низкая» действительность и «возвышающийся» идеал поэзии Востока (49). В статье, опубликованной в 1979 году,

М.Л. Нольман высказывает предположение, что «в первоначальном варианте концовки пушкинского стихотворения содержалось противопоставление Саади – «поэта чудной стороны», то есть всей страны Гафизу Ширази – поэту Ширази, то есть города в Фарсе, части, хотя и знаменитой, этой стороны » (50).

Миллионы фарсиязычных читателей и по сей день принимают произведения Саади и Гафиза как учебник жизни.

Выше мы уже приводили отдельные свидетельства о безграничной любви народа к произведениям Саади. Говоря же о популярности Гафиза, обратимся к примеру из книги И.С. Брагинского: «Когда пробираясь верхом по крутым, горным тропам Дарваза и Каратегина, утомленные бесконечным подъемом, вы захотите наконец передохнуть где-нибудь у заоблачных кручей перевала, вытянуть затекшие руки и ноги, зябко укутаться в плащ, – вы сможете услышать, как ваш проводник, юноша из какого-нибудь далекого, прилепившегося к скале кишлака, блестя белками глаз и сверкающими зубами, на самой высокой ноте запекает столь мало, кажется, подходящие к обстановке, слова бессмертного поэта...» (51).

Без всяких оговорок, Гафиз относится к числу восточных поэтов, чье имя пользуется исключительной любовью. Его газели рождали смятение чувств, вызывали сильнейший эмоциональный отклик, взрыв... с давних времен и по сей день у простых людей и у представителей знатных сословий на Востоке было принято класть в колыбель ребенка Коран или книгу Гафиза. Не случайно Расул Гамзатов в стихотворении «Могущество Гафиза», посвященном памяти Сергея Есенина и созданном под воздействием его «Персидских мотивов», писал:

*В голубом мерцающем тумане
Прошептали женские уста:*

*«Принято гадать у нас в Иране
На стихах Гафиза неспроста...» (52)*

Переводчик Гафиза Семен Липкин с восторгом восклицает: «...само имя поэта символизирует, обозначает поэзию. Если славные ученые дали свои имена открытым ими отдельным величинам, изобретенным ими аппаратам – вольт, ампер, рентген – то какова же сила Гафиза, чье имя стало синонимом певца, сказителя!» (53).

Можно привести еще много и других доводов, но ограничимся последним – и Саади, и Гафиза называли Ширази, т.е. уроженцами города Ширази, и именно такое словосочетание: Саади Ширази, Гафиз Ширази – встречается особенно часто и обозначает, на наш взгляд, что они представляли поэзию одной страны.

И поскольку этих поэтов можно назвать звездами равной величины, думаем, что у Пушкина не могла возникнуть мысль о противопоставлении их друг другу.

В работах М.Л. Нольмана, посвященных этому стихотворению, приведено много доводов, убеждающих нас в мысли о том, что в стихотворении идет речь о восточных поэтах, которым противопоставляется Саади. И хотя эта версия, как и версия И.В. Измайлова, не может быть принята безоговорочно, на наш взгляд, тем не менее, само ознакомление с гипотезами обогащает нас, читателей, многими замечательными наблюдениями, раскрывающими многогранные личности таких поэтов, как Саади и Мицкевича и, конечно же, самого Пушкина. В работах М.Л. Нольмана в связи с изложенной версией содержатся исторические и литературоведческие материалы, дающие возможность глубже постичь и Саади, как человека определенной эпохи и поэта со своим нравственным кодексом личности и взглядами на роль поэта, и одновременно Пушкина – с его видением предназначения поэта, его судьбы.

Содержание статьи Н.В. Измайлова дает возможность читателю ознакомиться с ориентальными интересами Адама Мицкевича, узнать много нового о его творчестве и о всей эпохе того времени.

Изучение текста стихотворения и имеющихся о нем материалов, отсутствие каких-либо свидетельств современников поэта об этом произведении, по нашему мнению, не дает оснований с полной уверенностью назвать лицо, которому Пушкин его посвятил. Вероятно, в будущем, если обнаружатся какие-либо записи самого поэта или его современников о стихотворении, это можно будет сделать с большей уверенностью. В настоящее же время нам представляется наиболее приемлемым комментарий, который дается Т.Г. Цявловский к позднему «Собранию сочинений» А.С. Пушкина, хотя и он нуждается в коррективах: «Из трех гипотез о том, кого назвал Пушкин «прозорливый и крылатый поэт» и т.д. (Руставли, Мицкевич, Саади), более доказательными являются гипотеза Н.В. Измайлова о Мицкевиче («Ученые записки Чкаловского госпединститута им. В.П. Чкалова», вып. 6. Чкалов, 1952)(54) и гипотеза М.Л. Нольмана о Саади «Русская литература», 1965, №2) (55).

Здесь, думается, необходимо небольшое дополнение относительно гипотезы о Саади, впервые предложенной таджикским поэтом А.Лахути, который точно и вдохновенно перевел это стихотворение на таджикский язык.

Итак, разбор стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов» свидетельствует о том, что для Пушкина тема, раскрываемая в нем, была чрезвычайно важной. Он много размышлял над ней. Свообразным поступком к ней можно считать и стихотворение «Блажен в златом кругу вельмож...», датированное октябрём – декабрём 1827 года. На перекличку этих двух стихотворений указывает и М.Л. Нольман (56).

В идейно-художественных особенностях их также наблюдается много общего. В стихотворении «Блажен в златом кругу вельмож...» в центре стоит поэт, «внимаемый царями»:

*Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы... (III, 75)*

В этом стихотворении – «златой круг вельмож», «пиит, внимаемый царями», его «смех и слезы», «горькая правда», «ложь», стремление вызвать у бояр желание славы являются ключевыми словами о обороты.

В стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов» – «прохлада сладостная фонтанов и стен», «нити праздного веселья», хитрость, «прозрачной лести ожерелья и четки мудрости златой».

В стихотворении «Блажен в златом кругу вельмож» о поэте сказано:

*Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы...*

В стихотворении «В прохладе...» - стихов гремучий жемчуг, рассказы, которыми ярко украшались Гиреев ханские пиры», сказки и стихи «владельца умственных даров».

Но указанный параллелизм и идентичная лексика: смех – веселье, ложь – лесть, цари – ханы, украшает их пиры – украшались... ханские пиры – наблюдается только в начале стихотворения. К концу стихотворений лирическое движение каждого из них отличается своеобразием. В стихотворении «Блажен в златом кругу вельмож...» появляется тема народа, который будучи даже гонимый слугами, внимает за тяжкими дверями слову поэта:

*Меж тем, за тяжкими (?) дверями,
Теснясь у черного (?) крыльца,*

*Народ, (гоняемый) слугами,
Поодаль слушает певца. (III, 75)*

Пушкин выражает здесь мысль: народ любит поэта и нуждается в его слове с горькой правдой и даже с ложью.

Во втором стихотворении хотя и отсутствует слово «народ», есть другой поэтический образ, убеждающий нас в славе поэта и силе его таланта – «удивлял Бахчисарай».

В стихотворении утверждается недостижимость и мудрость «прозорливого и крылатого» поэта «чудной стороны».

В обоих стихотворениях – раздумья о положении поэта в обществе, его призвании, прославление силы поэзии. Этим они близки друг другу, хотя в первом представлен западный мир: вельможи, бояре, пиит, черное крыльцо, во втором же – восточный: ханы, стихов гремучий жемчуг, четки, сыны Саади, восточный краснобай, гурии.

Стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов» дополняет наши представления о пушкинской концепции поэта, которая в большой степени близка к концепции поэта в восточной литературе.

Известно, как на Востоке почитались поэты. Народная поговорка гласила: «Счастлив день, когда встречаешь поэта». Позже сам Пушкин в «Путешествии в Арзрум» приводит высказывание турецкого паши о поэте.

Из глубины веков дошла до нас легенда об отце фарсиязычных поэтов – великом Рудаки, который силой своего поэтического слова сумел добиться того, чего тщетно добивались приближенные всемогущего бухарского эмира – возвращения эмира со своей свитой в родной город. Легенда повествует, что стоило Рудаки запеть свою газель, как изумленный эмир и его приближенные перенеслись воображением в любимую Бухару, на них повеяло ароматом родных садов, свежестью речной шаловливой волны. И поэзия совершило чудо; ни минуты немедля, эмир приказал подать коня и поскакал в родной город.

Сам Пушкин еще с юношеских лет глубоко осознавал мощь поэтического слова, способность поэта покорять сердца.

Конечно, он должен был помнить, как совсем недавно, в 1826 году, после возвращения из ссылки его встречали в Москве. Когда он появился в театре, все зрители ликovali, все взоры были обращены на него. Вся Москва говорила о нем и читала его стихи.

3. «Не пленяйся бранной славой...» («Из Гафиза»)

О стихотворении «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...»), написанном в 1829 году, существует самые различные точки зрения. Пушкинисты Н.О. Лернер, Д.Д. Благой, Ю.Н. Тынянов, А.Л. Слонимский полагают, что в его основу положены непосредственные военные впечатления поэта, и поэтому оно является оригинальным.

Это же мнение высказывает современный исследователь И. Ениколопов: «Такого стихотворения у Гафиза нет; это – самостоятельное произведение Пушкина в восточном духе; в нем не указан, к кому оно обращено; неясно, и о какой «карабахской толпе» и дет речь» (57).

Здесь же, отмечая, что в рукописи стихотворение озаглавлено «Шеер 1. Фаргат–Беку», исследователь пишет о значении слова «шеър», обозначающем в азербайджанском языке «войско» или «полк». Автор статьи также сообщает, что имя Фархат–Бека встречается в перечне беков, служивших в русских войсках (58) в статье содержатся материалы, расширяющие наши представления о конкретных обстоятельствах русско-турецкой войны, которую непосредственно наблюдал и Пушкин.

Это предположение дополнено и другим исследователем, сообщающим, что слово «шеър» имеет на азербайджанском языке и второе значение – оно означает «стихо-

творение». Поэтому слово «шеър» можно трактовать как «Стихотворение 1» (59).

Идентичное значение оно имеет и на языке фарси, или таджикском. Отсюда можно сделать вывод, что у Пушкина был замысел создать цикл стихов под этим названием или хотя бы два-три стихотворения.

И вполне возможно, что, с одной стороны, Пушкин был вдохновлен поэзией Гафиза, с другой же стороны, он посвятил стихотворение конкретному человеку – Фаргат-Беку. Его он видел в войсках главнокомандующего русской армией графа И.Ф. Паскевича и впоследствии изобразил на рисунке в альбоме Е.Н. Ушаковой, подписав под рисунком «Фаргат-Бек».

В комментарии к этому рисунку Т. Цявловская пишет: «Ему написал Пушкин стихотворение, названное в рукописи «Фаргат-Беку» и переименованное для печати: «Из Гафиза». Впрочем, в печатном тексте введена аннотация («Лагерь при Евфрате»), не скрывающая личный характер пушкинского стихотворения» (60). Таким образом, и Т. Цявловская считает стихотворение оригинальным.

Л. Гроссман, комментируя его, пишет о том, что Пушкин обратил внимание на татарского юношу Фаргат-Бека, входившего в состав мусульманских частей русской армии. «Сардар» Паскевич, как его называли в этих полках, усиленно вербовал новобранцев в каждой завоеванной области... Пушкин, видимо, пожалел юного рекрута из татарской «дистанции», обреченного на кровавую борьбу с единоверцами враждебной завоевателей армии... Восточный колорит образов здесь сочетается с проникновенным преклонением поэта перед юным и прекрасным существом, захваченным трагическими событиями» (61).

Ю.Н. Тынянов высказывает мысль о том, что заголовок стихотворения «мнимый», «преследующий цели не столько восточной стилизации... сколько политической осторожности». (62) говоря о том, что стихотворения «Из

Гафиза» «Делибаш», «Олегов щит» можно назвать маленькой сатирической трилогией, он считает, что «первые две части этой трилогии содержат призывы к миру и иронический протест против войны» (63).

И, по нашему мнению, стихотворения содержат призыв к миру и протест против войны, но назвать протест ироническим будет неточно, потому что в каждом из этих стихотворений – горячее сочувствие к людям, попавшим по воле судьбы в трагические обстоятельства, искреннее стремление уберечь их от бессмысленной гибели.

Однако существует и мнение, что в стихотворении «Из Гафиза» воссозданы некоторые идеи и особенности лирики Гафиза.

Д.И. Белкин отмечает, что образы и мотивы, принадлежащие по традиции Гафизу, стали основой для стихотворения Пушкина, который в условиях военной лагерной жизни испытал чувства, близкие чувствам восточного поэта. Со ссылкой на мнение И.С. Брагинского, здесь же приводятся стихи, которые могли вдохновить Пушкина:

*Лик твой нежен, стан твой хрупок! Я страиусь
Ведь гурьба святош драчлива и груба (64).*

Бейт, приведенный исследователями, действительно перекликается мыслями и чувствами со стихотворением Пушкина, и на это указал И.С. Брагинский в предисловии к стихам Гафиза.

Широко известно, что стихотворение «Из Гафиза» было создано во время поездки Пушкина на Кавказ в действующую армию. И вполне естественно, что в основу его легли и впечатления, описанные в книге «Путешествие в Арзрум», и вдохновенные Гафизовские строки.

Говоря о непосредственных впечатлениях, испытанных поэтом во время путешествия, исследователи особенно часто цитируют пушкинское описание умирающего бека: «Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненый смертельно. Подле него рыдал его любимец.

Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умиравший бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга» (VIII, 471). Однако в «Путешествии в Арзрум» есть описание еще одного эпизода, который, вероятно, также стал толчком для создания поэтом стихотворения.

Рассказывая о событиях, произошедших 19 июня, Пушкин пишет: «Лошадь моя, закусив повод, от них (лошадей воинов татарских полков – Б.Х., М.М.) не отставала; я насилу мог ее сдержать. Она остановилась перед трупом молодого турка, лежавшим поперек дороги. Ему, казалось, было лет 18, бледное девическое лицо не было обезображено. Чалма его валялась в пыли, обритый затылок прострелен был пулею» (VIII, 469-471).

Это скупое описание вызывает глубокое волнение. Мы воочию видим прекрасное юное лицо, испытываем скорбь, думая о гибели юноши. И несомненно, что когда через несколько дней – а именно 5 июля – Пушкин пишет стихотворение «Из Гафиза», он представляет погибшего юного война. Такую ассоциацию отметил и Д.Д. Благой (66).

Стихотворение построено как яркое взволнованное обращение к молодому красавцу. Поэт заклинает его не увлекаться военной славой, не рваться в бой.

В стихах:

*Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой! –*

Содержится упоминание конкретных деталей. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин пишет: «17 июня утром услышали вновь мы перестрелку, и через два часа увидели карабахский полк, возвращающимся с восемью турецкими знаменами» (VIII, 468).

В этой главе мы постоянно встречаем прилагательное карабахское вино, карабахские жеребцы и т.д.

В первоначальном варианте последний стих первой строфы был иным:

С этой ратию слепой.

Но Пушкин всегда и во всем предпочитал точность и конкретность. И поэтому появляется другой вариант – множество карабахских воинов, с которыми сражались на стороне русских добровольные мусульманские полки. Итак, вместо абстрактного поэтического образа «слепой рати» в окончательном варианте мы видим уже конкретный –

С карабахскою толпой.

В следующем четверостишии звучит страстное желание уберечь прекрасное юное существо от гибели и уверенность, что так и должно быть в жизни:

Знаю, смерть тебя не встретит;

Азраил среди мечей,

Красоту твою заметит –

И пощада будет ей.

(III, 163)

В черновике сила красоты раскрывается еще сильнее – Азраил сам будет защищать ее:

И защитой будет ей.

Завершающее четверостишие значительно расширяет наше понимание красоты – в нем раскрывается также видение самого Пушкина и восточного поэта, от имени которого оно могло быть написано: скромность, робость движений, нежность, чувство стыда.

В черновике последнего стиха вновь упоминаются эти же понятия:

1. Скромность девственных движений.

2. Робость девственных движений.

Стихотворение в какой-то степени перекликается со вторым подражанием Корану, написанном, как обращение к «женам чистым Пророка», для которых даже «тьень пророка» страшна. В стихотворении же «Из Гафиза» раскрываются нравственные критерии, характеризующие пушкинское понимание идеального мужчины.

Примечательно, что современный писатель, раздумывая о стихотворении, прежде всего, обращает внимание на эти мотивы. Свой этюд о Пушкине Красильников назвал: «В защиту женщины». Приводим его:

«Пушкин всегда был архисовременен. Особенно в переломные, революционные и смутные моменты жизни России. И все потуги сбросить с «корабля современности» великого певца русского народа оказывались тщетными, даже смешными. Разве в наше время тотального бесстыдства, духовного спада и неверия во все, и вся можно найти более современного, более чистого поэта, возвысившего голос в защиту женщины?

*Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда» (67)*

Итак, представляется, что стихотворение можно оценить, как призыв к миру, протест против войны, лишаящей человека скромности, нравственности, развращающей его, несущей гибель всему живому.

Стихотворение «Делибаш» по своему идейному содержанию примыкает к стихотворению «Из Гафиза». Их объединяет одна тема – тема трагичности и гибельности войны, протест против бессмысленных смертей и призыв к миру.

Будучи в действующей армии, Пушкин не раз наблюдал, как люди убивают друг друга. В «Путешествии в Арзрум» он пишет: «Проехав ущелье, вдруг увидели мы на склонении противоположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно, турки наезжали с большею дерзостью, прицеливались шагах в 20, и, выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые долиманы и блестящий убор коней составляли резкую противоположность с синими мундирами и простою сбруей казаков» (VIII, 467).

И дальше: «Вскоре показались делибашы и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками» (VIII, 469).

Эти и другие впечатления стали основой для стихотворения «Делибаш».

В 1-й строфе очень рельефно воссоздана конкретная картина:

*Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш. (III, 199).*

Поэт испытывает искреннее беспокойство за судьбу людей. Он жалеет и делибаша, который попадет на копье, и казака, который вот-вот потеряет свою голову. Но тщетно звучат его предостережения.

В последней строфе особенно живо переданы сожаление и мысль о том, что горький жизненный опыт людей на войне не становится для них уроком:

*Мчатся, сшиблись в общем крике
Посмотрите! Каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.*

Каковы? – вопрос, обращенный к читателю и заставляющий о многом задуматься.

Так, в этих небольших стихотворениях ярко и образно раскрываются великие гуманистические идеи Пушкина, оплодотворявшие все его лучшие произведения.

4. Правда о войне и мире в лирике последних лет и в «Путешествии в Арзрум»

В 30-е годы Восток не теряет для Пушкина своей притягательности. Восточные образы, сюжеты продолжают волновать его воображение, и мы видим это особенно на примере сказок.

В «Сказке о царе Салтане» наблюдаются некоторые восточные элементы. В основе последней сказки Пушкина – «Сказки о Золотом петушке» – лежит восточная легенда об арабском звездочете. В настоящее время пушкиноведение обогатилось рядом работ, в которых рассмотрены различные аспекты связи этой сказки с литературой Востока (68). Но, думается, тема нуждается в отдельном исследовании.

Много и других фактов из жизни Пушкина говорит о его серьезном интересе к отдельным сторонам восточной культуры и языка.

В письме к Вяземскому, написанном ориентировочно во второй половине 1835 года или в 1836 году, Пушкин разъясняет значение ряда слов, в том числе слова «араб»: «Араб (женского рода не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин». Здесь же дается пример: «Караван был разграблен степными арабами» (XVI, 208).

Среди произведений, связанных с изображением Востока и созданных в последний период жизни и творчества Пушкина, центральное место занимает «Путешествие в Арзрум».

В одном из последних по времени трудов о нем оно справедливо названо художественным исследованием Востока (69).

Поездка Пушкина на Кавказ в действующую армию в 1829 году знаменовала начало нового этапа в его творчестве, где абсолютно все диктовалось только правдивым изображением действительности.

Путевые записки, которые Пушкин вел во время этой поездки, стали основой для записок «Путешествие в Арзрум» (1835). Одновременно многое из увиденного и пережитого во время путешествия стало источником для создания стихотворений, которые, по выражению Д.Д.Благого, явились стихотворным дневником.

Когда в 1836 году Пушкин готовил сборник стихотворений, он намеревался дать в нем раздел под заглавием «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» сюда входили стихотворения: «Дорожные жалобы», «Калмычка», «На холмах Грузии», «Монастырь на Казбеке», «Обвал», «Кавказ», «Из Гафиза» («Лагерь на Евфрате»), «Делибаш», «Дон».

Часть стихотворений, оставшихся в набросках, в цикл не вошла. Некоторые из них близки рассматриваемой нами проблеме: например, «Фазиль-хану» («Благословен твой подвиг новый» ...)

Во всех этих произведениях ярко освещается несколько основных тем. Это, прежде всего, тема природы, тема личного восприятия поэтом ориентального мира, его мысли и раздумья о поэзии, быте, нравах, характерах людей Востока, о событиях социально-общественной жизни, связанной с жизнью на Востоке.

Подступом к этому новому творческому этапу, в котором значительное место занимает воспроизведение ориентального мира, является стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов», которое, как нами отмечено выше, датируется пушкинистами как написанное в 1828 году, хотя часть ученых и относит его к 1829 году.

И хотя уточнить дату стихотворения сейчас представляется невозможным, при всех обстоятельствах, создано ли оно до поездки Пушкина на Кавказ в 1829 году, или до нее, т.е. в 1828 году, можно утверждать, что оно входит как важное звено в художественную систему Пушкина, связанную с творческим освоением Востока.

Главные темы его творчества находят яркое выражение в произведениях, связанных с поездкой на Кавказ: это тема свободы, тема жизни во имя великих целей, предназначение человека, любовь и дружба, природа в жизни человека и многие другие.

Первое стихотворение, непосредственно созданное на Кавказе и обозначенное рукою Пушкина, как написанное 15 мая 1829 года – «На холмах Грузии», давно и справедливо рассматривается как шедевр любовной лирики поэта. Не вдаваясь в анализ его идейного содержания, мы хотели бы отметить, что с ним связано обращение к одному из самых характерных традиционных ориентальных образов – упоминание имен восточных классиков или же устоявшихся в сознании читателей поэтических образов, связанных с их творчеством, что само по себе говорит о теме ориентализма в произведении.

Широко известно, что окончательному тексту стихотворения «На холмах Грузии» предшествовали черновые варианты. В третьей строфе одного из вариантов читаем:

*Прошли за днями дни – сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья,
Иные далеко, иных уж с нами нет,
Со мной одни воспоминанья. (III, 723)*

Как нами уже отмечалось, здесь Пушкин снова перефразирует мудрое и пронизанное печалью изречение Саади, которое потом вновь появляется на страницах «Евгения Онегина».

Не случайно, что тема любви, тема дружбы проходит и через записки «Путешествие в Арзрум», в которых Пушкин не может не вспомнить о своей юности, о тех далеких годах, когда в первый раз вместе с семьей генерала Раевского он посетил Крым и Кавказ.

Грусть и сожаление о прошедшем чувствуются в его строках:

«Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего, дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо

усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод» (VIII, 447).

Именно тогда, вероятно, у него рождались проникновенные и волнующие до глубины души поэтические строки о светлой печали, о сердце, которое не может не любить.

И когда всего через несколько дней – 25 мая в Коби – происходит встреча Пушкина с персидским стихотворцем Фазиль-ханом, он чувствует поэтическое вдохновение и набрасывает первые строки стихотворения, которое, к сожалению, осталось незаконченным.

Стихи первого варианта особенно ярко выражали чувства, которые Пушкин испытывал при встрече с Фазиль-ханом:

*Благословен и день и час
Когда в горах Кавказа
Судьба соединила нас. (III, 729).*

Отсюда следует, что первоначальный замысел Пушкина был несколько иным: благословен не путь на север, а день и час, когда поэты встретились. Значит, вначале Пушкин отдает предпочтение факту своей встречи с персидским стихотворцем. Через несколько дней – на следующем черновике стоит «Душет, 27 мая» – он уже намеревается подчеркнуть общее перед частным – т.е. путь к Петербургу, который явится основой для познания персидским поэтом «севера сурового».

Пушкин упоминает, что русскому читателю известны имена Гафиза и Саади. Он убежден, что север суровый – полночный край – не оставит равнодушным персидского поэта.

*Цветы фантазии восточной
Рассып на северных снегах (III, 729).*

В черновиках ярче прослеживается развитие творческой мысли Пушкина, который хотел напомнить поэту Во-

стока, что читатели Севера ожидают от него стихов об их крае – «завещанной стране»:

Оставь же след

И розы восточной (?)

Рассыпь на северных снегах (III, 730).

И еще:

Свой..... след

..... в пламенных стихах. (III, 730)

В «Путешествии в Арзрум», упоминая о своей встрече с персидским поэтом Фазиль-ханом, в нескольких фразах, посвященных ему, Пушкин сообщает массу информации: он сам выразил желание познакомиться с персидским поэтом и по его желанию был Фазиль-хану представлен. Высокопарное, восточное приветствие, неуместная затейливость, важно-шутливый тон оказались не к месту. Фазиль-хан, несмотря на баранью папаху и крашенные ногти, оказался умным, учтивым и порядочным человеком, к тому же знающим имя Пушкина и его произведения: «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно...» (VIII, 452-453).

«Вот урок нашей русской насмешливости», – замечает Пушкин.

В «Путешествии в Арзрум» не раз возникает тема поэта, его силы и власти, его положения в обществе. Эту же тему ярко раскрывает эпизод встречи автора с турецким пашой. Узнав, что Пушкин поэт, он произнес изречение, широко популярное на Востоке: «Благословлен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются (VIII, 475).

Свои слова паша предваряет приветствием, которое и в самом деле свидетельствовало о том, что поэт вызвал у него искреннее уважение: «паша сложил руки на грудь и поклонился мне».

Далее в тексте следует эпизод с описанием посещения автором пленного турецкого паши Сераскира и встречи с дервишем – «молодым человеком, полунагим, в бараньей шапке, с дубиною в руке и с мехом за плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это был брат мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали» (VIII, 446).

Л. Тартаковская верно отмечает, что этот эпизод взрывает «представление о достоверности пышной традиционной фразеологии: писатель рисует живого дервиша, давая читателю возможность увидеть и почувствовать, какова истина» (69). И дальше исследователь отмечает, что здесь: «Опровержение восточного сладкоречия, которому вновь подался писатель, заслужившийся пашу, как бы поверивший в величие и поэта и дервиша идет от конкретного факта, тут же на месте показывающего, каково реальное положение дел, как жалок дервиш, как он нелеп и низмен... жизнь богаче книжных идеалов...» (70).

К справедливой оценке исследователя мы хотели добавить еще один штрих: здесь не только развенчивание и опровержение восточного красноречия. Здесь и сожаление о том, что прекрасные слова о роли поэта в обществе, которые так были близки и пушкинскому пониманию о призвании поэта, о положении его не находят сочувствия не только в восточном, и но и европейском мире. А ведь в поэтическом сознании Пушкина такое понимание роли поэта, его неразрывной общности с народом проявилось во многих стихах и высказываниях:

Неподкупный голос мой

Был эхо русского народа

(«К Н. Я. Плюсковой, 1818),

«святая лира», «К ногам народного кумира не клонит гордой головы» («Поэт», 1827),

«Ты царь: живи один. Дорогою свободной

Иди, куда влечет тебя свободный ум...»

Пушкин в полной мере понимал, как велика ответственность поэта перед обществом, и, конечно же, собственная судьба не раз заставляла его горько задумываться о положении поэта. Известно, что и в действующей армии на Кавказе он оказался без разрешения царя, по поводу чего должен был потом давать объяснения.

И хотя в разбираемом отрывке Пушкин предельно краток в оценке происходящего и стремится употреблять в основном центральную лексику, мы видим его горький юмор не только в описании положения дервиша, но и самого себя. А судьба дервиша, о котором Пушкину сказали, «что это был брат» его – «дервиш, пришедший приветствовать победителей» и которого насилу отогнали, несомненно, могла вызвать какие-то ассоциации с судьбой поэта в обществе.

«Восточное приветствие паши всем нам очень любилось», – пишет Пушкин. Оно и не могло не понравиться, поскольку слова, сказанные пашой, во многом совпадали с мыслями и оценками самого Пушкина.

В произведениях Пушкина, посвященных природе и созданных на Кавказе, мы знакомимся не только с чувствами и переживаниями, которые она вызывает у автора, но и видим неразрывную связь ее с окружающим миром. В стихотворениях «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке» и других, созданных в этот период, образы гор, облаков, рек, служат средством раскрытия душевного мира поэта и отношения его к Востоку. Особенно часто обращается поэт к образу Терека. Как живое существо, он «играет и воет, как зверь молодой, завидевший пищу из клетки железной», «бьется о берег в вражде бесполезной» «среди грозных немых громад» («Кавказ»). Как живой, предстает Терек и в стихотворении «Обвал». Здесь мы видим его и присмирившим, когда обвал загородил ему течение и оставил его могучий вал, и свирепым, когда волны с «упорным гневом» прошибают снега. Образ зверя появляется

вновь и в стихотворении «Меж горных стен несется Терек». Глаголы: несется, клокочет, роет – воссоздают яркую картину бурной неукротимой реки:

Как зверь живой ревет и воет...

А вот перед нашим взором предстает парящий за облаками, как реюший ковчег, монастырь на Казбеке в одноименном стихотворении. И как близко и понятно становится желание поэта подняться туда, к «вольной вышине»:

*Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!*

Знаменательно, что сам Пушкин в черновых вариантах стихотворения подчеркивал, что речь идет о восточном пейзаже:

*Казбек! Твой царственный шатер
Горит восточными лугами (III, 794).*

Книга «Путешествие в Арзрум» свидетельствует о том, какой пристальный и неослабный интерес Пушкин проявлял к людям, населяющим Восток, их характерам, быту и обстоятельствам жизни. Это быт калмыцкой семьи с описанием кибитки и образа жизни калмыков, это и повествование о крепости, вызывающие чувство печали: «Кругом ее видны следы разоренного аула, называющегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудями камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы» (VIII, 448).

Описывая жизнь черкесов, задумываясь над тем, что они были вытеснены «из привольных пастбищ», что их «аулы разорены, целые племена уничтожены», что они увлеченные «деятельным фанатизмом апостолов Корана», лишь недавно приняли магометанскую веру, автор серьезно раздумывает над тем, как облегчить и обустроить их

жизнь и предлагает целый ряд новшеств, которые могли бы изменить обстановку.

Ничто не оставляет Пушкина равнодушным. Попав в один из осетинских аулов, он внимательно описывает обряд похорон. Из текста явствует, что писатель интересовался значением обрядов, всего увиденного: «К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов».

Пристально вглядывается он в людей. Так, встреченные им жена и дочь заключенного осетина показались ему спокойными и смелыми. А при приближении поэта они «потушили голову и закрылись своими изодранными чадрами».

Для языка «Путешествия» характерно внимание к различным деталям, стремление познакомить читателей со всеми подробностями увиденного, раскрыть смысл незнакомых им названий и реалий.

Так, упоминая слово «духан», Пушкин здесь же в скобках дает («так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и не чище русских»)

(VIII, 452).

Или же, например, говоря об ущелье Дариал, он знакомит своих читателей с преданием, которое гласит, что напротив Дариала на скале была расположена крепость, в которой «скрывалась царица Дария, давшая имя свое ущелью». Но здесь же высказывает свою точку зрения: «сказка Дариал на древнем персидском языке значит ворота» (VIII, 452).

Примечательным является также тот факт, что Пушкин указывает читателю возможность самостоятельно пополнить свои знания по этому вопросу. В «Путешествии» не раз называются авторы книг, которые писали о Кавказе и произведения которых Пушкин читал.

С точки зрения рассматриваемой проблемы для нас особенно интересно упоминание, например, путешествия

графа И. Потоцкого, «коего ученые изыскания столь же замечательны, как и испанские романы» (VIII, 452).

И.А. Вяземский в своих «Заметках» отмечает, что Пушкин высоко ценил роман графа И. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе», который, по словам современников, он специально писал для своей больной жены: в начале он ей каждый вечер читал сказки «Тысяча и одна ночь», а потом, когда все было уже прочитано, он стал сам выдумывать и продолжал ей читать уже написанные им самим в подражание этой книге.

Исследователи творчества Пушкина считают, что чтение этого романа сказалось на некоторых произведениях поэта: «Египетские ночи», «Цыганы», набросках «Агасфера», а в 1835-1836 гг. на стихотворении «Альфонс садится на коня» (71).

Вяземский писал, что в романе «яркими и верными красками выдаются своенравные вымыслы арабской поэзии и не менее своенравные нравы и быт испанские». (72)

В «Путешествии в Арзрум» в пятой главе Пушкин упоминает также и имя Гаджи-Бабы, т.е. Хаджи Бабы. Сообщая своим читателям сведения об Арзруме, Пушкин пишет: «Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, в удовлетворении какой-то обиды: телячьи уши вместо человеческих» (VIII, 477).

Здесь, говоря о Гаджи-Бабе, Пушкин имеет в виду знаменитый роман «Похождения Хаджи-Бабы», приписываемый английскому писателю Джемсу Мориеру.

Роман имеет свою знаменательную историю. В 1812 году были опубликованы первые записи Мориера «Путешествие по Персии, Армении и Малой Азии до Константинополя в 1808 и 1809 годах». В них содержались сведения о многих фактах и особенностях восточного быта и культуры о гареме шаха, о дервишах, о положении поэта при дворе шаха, о любви Юсуфа и Мариам. (73)

В 1824 году на английском языке в Лондоне был опубликован уже роман «Похождения Хаджи-Бабы», хотя имя автора его не упоминалось.

«Похождения Гаджи-Бабы» стали очень популярны. Их переводили на многие европейские языки. На фарси роман был переведен только в 1880 году. Пушкин, вероятнее всего познакомился с романом на английском или же французском языке в 1829-1835 годах.

На русском языке роман под названием «Похождение Мирзы Хаджи Бабы Исфгани в Персии и Турции, или Персидский Жилблаз» появился в 1831 году. Перевод был осуществлен Осипом Сенковским.

Постоянный интерес Пушкина вызывает внутренний мир людей Востока; их мысли, чувства, верования, культура. В Тифлисе, по пути в армию, он пробыл две недели. Там он прислушивался к мелодии грузинских песен. Одну из песен ему переводят «слово в слово». И потом, уже возвращаясь в Россию, на обратном пути он вновь проводит в Тифлисе несколько вечеров «при звуке музыки и песен грузинских». Устройство жилищ, мечетей даже памятников на могилах серьезно занимает Пушкина.

Всюду, где бы ни был автор, он завязывает беседу с людьми по самым различным вопросам. «В палатке генерала Раевского, – рассказывает Пушкин, – собрались беки мусульманских полков, и беседа шла через переводчика» (VIII, 468).

Острый интерес вызывали у него язиды, которых считали дьяволопоклонниками. Начальник их конницы в какой-то степени удовлетворил любопытство автора.

И здесь особенно примечательно, что готовя книгу «Путешествие в Арзрум» к печати, Пушкин намеревался дать к ней два приложения:

1. *Заметку о секте язидов.*
2. *Маршрут от Тифлиса до Арзрума.*

Довольно пространный «Заметка о секте язидов» представляет особый интерес. Она впервые была опубликована в 1935 году. Пушкин заинтересовался этой мусульманской сектой, о которой почти не имелось никаких достоверных источников, поскольку язидам «запрещено учиться чтению и письму» (VIII, 1070). В заметке излагаются правила язидов, их образ жизни.

В ней идет речь о том, что «султан терпит язидов в своих владениях, потому что, по мнению магометанских ученых, следует признавать правоверным и истинно верующим всякого, кто исповедует основные догматы: Нет бога кроме бога и Магомет пророк его, хотя бы он не соблюдал ни единого из остальных предписаний мусульманского закона» (VIII, 1073).

Таким образом, приложения к «Путешествию» также свидетельствует о многосторонности и широте интересов Пушкина, его точности и скрупулезности, когда дело касается конкретных описаний.

Важной задачей Пушкин считал для себя показ восточного мира, характеров и ситуаций со всей полнотой, правдивостью, конкретностью. В этом плане характерны различные описания, которые раскрывают те или иные стороны, связанные с психологией конкретных людей, с их образом мышления. Например, описание гарема Осман-паши, который автору очень хотелось увидеть. С жгучим интересом он наблюдает за поведением жен: «... из-под покрывала раздался молодой приятный голосок... Я между тем, глядя около себя, увидел над самой дверью круглое окошко, и в этом круглом окошке 5 или 6 круглых голов с черными любопытными глазами... головки закивали, замигали, несколько пальчиков стали мне грозить, давая знать, чтоб я молчал... Все они были приятны лицом, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей была, вероятно, повелительницей гарема, сокро-

вишницею сердец – Розою любви – по крайней мере и я так воображал...» (VIII, 481).

Понять глубже характеры людей, молитвы поведения помогает обстановка, окружающая их.

Подробно описывает Пушкин дом Османа-паши: «...Нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом, – на цветных окнах начертаны были надписи – взятые из Корана. Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского гарема: тебе подобает связывать и развязывать» (VIII, 480).

Перед нами вновь возникает образ писателя, который с истинным вниманием всматривается в особенности инонационального быта, запоминает все мелочи, просит перевести сделанные на окна записи, дает им свою оценку.

Мы видим, что живое соучастие автора во всех описываемых событиях вдохновляет и его поэтическую мысль. В пятую главу «Путешествия» Пушкин включает начало сатирической поэмы, якобы сочиненной янычаром Амином-Оглу.

На самом деле это сочинение самого Пушкина. Черновики свидетельствуют о кропотливой работе над произведением. Стамбулу, в котором множество нововведений и «Правды Луч потух», противопоставляется Арзрум с его правоверными жителями, верно выполняющими установления пророка:

*Не спим мы в роскоши позорной,
Не черпнем чашей непокорной.
В вине разврат, огонь и шум.
Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны
И смирно жены там сидят (VIII, 478-479).*

В черновике это противопоставление было выражено более сильно:

*В нас ум владеет плотью дикой.
А покорен Корану Ум
И потому Пророк великой
Хранит как око свой Арзрум. (VIII, 857)*

Среди художественных особенностей «Путешествия в Арзрум» следует отметить также язык Пушкина, обращающий на себя внимание обилием сатирических приемов, служащих средством создания художественного образа.

Обратимся к описанию крепостей, которое напоминает описание Белогорской крепости в «Капитанской дочке»: «крепости достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в страну, не разбежась, с заржавыми пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей» (VIII, 448).

Или эпизод с городничим, который не знал, как реагировать на требования писателя. Все трудности разрешились, когда ему была предъявлена подорожная «Благословенная хартия возымела тотчас свое действие», – резюмирует автор. Или упоминание о ночлеге: не удалось ему «заснуть богатырским сном: не тут-то было! Блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня».

Или еще один пример: «...Въехали мы в деревню и увидели несколько остывших уланов, которые спешась, с обнаженными саблями преследовали нескольких кур... Но таким образом дали мы 40 верст крюку, чтобы спасти жизнь нескольким армянским курицам» (VIII, 473).

Как уже мы отмечали, эти художественные приемы нашли развитие в «Капитанской дочке». Например: «С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзо-

го кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписал из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла» (VIII, 279). Или же: «Далече ли до крепости? Спросил я у своего ямщика... Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал, но ничего не видел, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны, стояли три или четыре скирды сена, полузанесенные снегом; с другой – скривившаяся мельница с лубочными крыльями, лениво опущенными». – Где же крепость? – спросил я с удивлением. – «Да вот она» – отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы, избы низки и большею частию покрыты соломой» (VIII, 294).

Это такие незаметные детали, как выписанный из Москвы вместе с вином и маслом француз Бопре, скривившаяся мельница с лубочными крыльями, лениво опущенными, бревенчатый забор и скирды сена вместо грозных бастионов, башен и вала, обращая внимание читателя на контраст между наблюдаемым в жизни и ожидаемым, вызывают юмористическое отношение к изображаемому и таким образом, служат средством сатирического заострения образа.

Новаторские приемы Пушкина не остались незамеченными современниками. Они были блестяще развиты и обогащены, например, в творчестве Н.В. Гоголя – «грозного сатирика», по словам Н.Г. Чернышевского.

Так, в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» обратим внимание на учителя Никифора Тимофееча, носившего в класс кленовую линейку, который он «устанавливал бить по рукам ленивцев и шалунов» или описание города Миргорода с его «удивительно прекрасной лужей» в повести «Как поспорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и на много других примеров.

Б.С. Мейлах подчеркивает, что «одним из открытий Пушкина явилась такая форма авторского повествования, которая была рассчитана на соучастие читателя, на активную деятельность его воображения» (47).

В «Путешествие в Арзрум» этот вывод блестяще подтверждается: читатель постоянно представляет автора в его делах, поступках, общении с окружающими, соотносит описываемое со своим жизненным опытом, внутренним миром, человеческой судьбой.

ГЛАВА IV

Пушкин на таджикском языке

В литературе самых разных народов есть много общего, что роднит поэтов далеких времен с современниками. Об этой особенности очень точно сказал С.Я. Маршак: «Поэты – современники и поэты разных веков и национальностей то и дело перекликаются между собой. Поэзия – это как бы общее большое хозяйство, в которое каждый народ и каждый поэт в отдельности вносят свой вклад, частицу своего гения» (1).

Художественный перевод же является незаменимым средством обогащения литератур путем активного приобщения читателей к бесценным сокровищам мировой литературы.

Таджикско-персидская литература имеет более чем трехтысячелетнюю историю, в течение которой сотни поэтов обрели мировую известность. Но творческое взаимодействие с другими литературами мира стало для нее новым благотворным источником. Не прошло для нее бесследно и обращение к творчеству Пушкина. Оно обогатило эту древнюю литературу новым взглядом на действительность. И это вполне закономерно, ибо Пушкин, как выдающееся явление мировой литературы, вошел в таджикско-персидскую литературу со своим индивидуальным видением мира, со своими эстетическими критериями на жизнь и искусство, со своей художественной системой.

Переводы произведений Пушкина на персидский язык в течение многих лет были в центре внимания исследователя А.Х. Розенфельд. (2). Несколько трудов посвящено также и проблеме переводов Пушкина на таджикский язык (3).

В 1975 году таджикский журнал «Памир» поместил несколько высказываний таджикских писателей под зна-

менательной рубрикой «Школа Пушкина». В них раскрываются новые грани для конкретного познания мысли о том, чем творчество Пушкина обогатило творчество писателей, их взгляды на литературу. Так, Мумин Каноат отмечает: «... для меня, наследника таджикской классики, школа Пушкина – еще и школа обнаженной прямоты мыслей и чувств, той прямоты, которая, я знаю, дается куда труднее, чем самый изощренный образ» (4).

Знакомство с высказыванием Мирасаида Миршакара обращает внимание читателей на другую особенность: «Когда я писал свои сказки («Золотой кишлак», «Кто сильней?», «Сон, ветер и снег» и другие), то старался использовать народные мотивы, но так, чтобы сказки мои звучали современно. В этом смысле А.С. Пушкин и сейчас остался для меня примером» (6).

Произведения Пушкина на таджикском языке, как отмечалось в литературоведении, впервые появились уже в 80-ые годы XIX столетия. З. Раджабов в своем труде «Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX веков» (Сталинабад, 1947) отмечает: «В 1868, 1878-1879 годах в Ташкенте, Самарканде и Фергане появляются первые типографии, с 1880 года начинают издаваться отдельные произведения Пушкина, Толстого, Крылова и других русских писателей, и поэтов на местных языках».

В период празднования столетия со дня рождения поэта, в 1899 году известный поэт и просветитель Саидмухаммад Ходжа Сиддики Аджзи Самарканди перевел «Сказку о рыбаке и рыбке» на таджикский язык.

В 1911 году таджикский просветитель Абдулкодир Шакури издал сборник, в который вошли «Шинель» Гоголя и «Кавказский пленник» Л. Толстого и «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина. Массовое же издание переводов произведений Пушкина на таджикский язык пришлось на период подготовки к 100-летию со дня гибели Пушкина. А

к 150-летию со дня его рождения таджикская пушкиниана насчитывала уже большое количество произведений. Среди них были лирические стихотворения, поэмы, драма, проза.

В истории переводов Пушкина на таджикский язык ясно различается два периода. Первый – до юбилея 1937 года, когда таджикские поэты и писатели переводили произведения Пушкина по подстрочнику.

С начала 40-х годов к пушкинским творениям все чаще стали обращаться переводчики, в совершенстве владевшие и русским и таджикским языками.

Из года в год число пушкинских произведений, звучащих на таджикском языке, становится все больше. Отдельные произведения переведены уже двумя-тремя переводчиками, и это яркое доказательство того, что таджикские поэты все чаще обращаются к неиссякаемому источнику пушкинской поэзии.

Можно без преувеличения констатировать, что нет почти ни одного поэта, который не обращался бы в своем творчестве к переводу произведений Пушкина или же к пушкинским темам и образам.

Осмысливая итоги переводческой деятельности таджикских писателей, мы прежде всего хотим отметить, что большинство произведений Пушкина, переведенных на таджикский язык, отличалось высоким профессиональным уровнем переводов. Это объяснялось, прежде всего, тем, что Пушкина переводили маститые таджикские поэты. К первым переводчикам Пушкина на таджикский язык относились такие общепризнанные мастера художественного слова, как А. Лахути, М. Турсунзаде, М. Рахими, Д. Сухайли, М. Амин-заде, С. Улуг-заде, Р. Джалил, А. Хамди. Пробовали свои силы в переводе и такие молодые одаренные поэты как Хабиб Юсуфи, Мухитдин Фархат. Их переводы отличались стремлением максимально передать содержание и форму произведения, достичь полной гармо-

нии смысла с жанром, языком, передать ритмико-синтаксический строй подлинника. С годами перечень переводчиков Пушкина значительно пополнился. Это поэты всех возрастов: Хабиб Ахрори, Саидали Али-заде, Аминджон Шукухи, Гаффор Мирзо, Мумин Каноат, Кутби Киом, Лоик, Гулрухсор, Мастон Шерали, Хабибулло Файзулло, Джамолиддин Карим-заде, Адхам Аслам, Ш. Хайрат, Одина Мирак, Х. Мухтарам и другие.

Переводчики отдавали себе отчет в том, какие ответственные задачи стоят перед нами. Им предстояло ввести в таджикскую поэзию не только новые формы стиха, но и новые стили, проторить пути для нового поэтического содержания, помня при этом принципы перевода, определенные и самим Пушкиным.

В статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» Пушкин сформулировал некоторые мысли о принципах перевода: «... Шатобриан переводил Мильтона почти слово в слово, так близко, как только то мог позволить синтаксис французского языка: труд тяжелый и неблагодарный, незаметный для большинства читателей и который может быть оценен двумя, тремя знатоками!.. Стараясь передать Мильтона слово в слово, Шатобриан однако не мог соблюсти в своем предложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами» (XII, 143-144).

Итак, главное для Пушкина «приложение верности смысла и выражения» оригинала, а не буквализм, точное следование тексту.

Полностью разделяет точку зрения Пушкина и Белинский, который не раз повторяет, что главное в произведении – это его дух и, следовательно, переводчик обязан стремиться, прежде всего, к передаче его: «Близость к под-

линнику состоит в передаче не буквы, а духа создания... Надо, чтобы внутренняя жизнь переводимого выражения соответствовало внутренней жизни оригинала» (6).

Практика перевода Пушкина, на таджикский язык убеждает, что многие переводчики, обращаясь к пушкинским произведениям, стремились претворить в жизнь эти постулаты перевода.

Особый интерес почти все переводчики Пушкина проявляют к его лирике. В течение нескольких десятилетий переведены десятки лирических стихотворений Пушкина, а к некоторым из них обращалось несколько переводчиков. И каждый из них хотел воплотить в переводе своего Пушкина, свое видение того или иного произведения.

Так, «Послание в Сибирь» переведено двумя признанными мастерами перевода Абулкасимом Лахути и Хабибом Юсуфи. К творчеству Пушкина эти поэты проявляли постоянный интерес. Например, Лахути перевел на таджикский язык несколько лирических стихотворений Пушкина: поэму «Медный всадник», трагедию «Борис Годунов», сказки, фрагмент из «Евгения Онегина», «Русалку» и многие другие произведения. К отдельному изданию произведений Пушкина им было написано «Предисловие», в котором кратко, но в то же время глубоко выражено отношение таджикского поэта к Пушкину, его мысли о том, какими принципами должен руководствоваться поэт, обращаясь к творениям Пушкина. В своем предисловии Лахути пишет: «Не удивительно, что из маленьких шедевров Пушкина, прежде всего, внимание переводчика на фарси привлекло стихотворение «В прохладе сладостных фонтанов». Имена отдельных великих поэтов Ирана несколько раз упоминаются в произведениях Пушкина, но это грациозное стихотворение непосредственно раскрывает искренние чувства великого русского поэта к «прозорливому и крылатому» певцу и его «судной стороне» и имеет особое право на внимание народа Саади» (7). Здесь же Лахути

считает нужным объяснить читателям, почему в переводе маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» и «Сказки о рыбаке и рыбке» он обратился к новым поэтическим формам, не имеющим аналогов в поэзии фарсиязычных народов. Также, как и Пушкин, таджикский поэт считает долгом переводчика максимально точно передать содержание и форму оригинала. И поскольку Пушкин в вышеназванных произведениях показал себя истинным новатором стихотворных форм, переводчик на фарси также обязан был применять не традиционный стих, а создавать новые формы стиха.

Много актуальных высказываний имеется в этом предисловии и о переводе других произведений Пушкина на фарси. Переводы свидетельствуют, что Лахути бережно относится к каждому слову Пушкина, стремясь донести его до сознания читателя.

Хабиб Юсуфи также перевел много произведений Пушкина. Первый его перевод – поэмы «Кавказский пленник». Она была напечатана в 1938 году. Творчество Пушкина всегда вызывало у таджикского поэта живой интерес. Еще в 1937 году двадцатилетний Хабиб Юсуфи посвятил Пушкину вдохновенное стихотворение. В нем и чувство горячего восторга перед гением Пушкина и глубокая скорбь, высказанная его трагической судьбой. Вопросы, связанные с творчеством Пушкина, были предметом специального исследования Хабиба Юсуфи. В статье «Пушкин и Байрон» прослеживаются взаимосвязи творчества этих двух поэтов.

На материале анализа переводов стихотворения «Послание в Сибирь» попытаемся выявить особенности переводов А.Лахути и Х.Юсуфи.

Перевод А. Лахути:

*Дар аъмоқи конҳои Сибир,
Пурфаҳр таҳаммул кунед, ёрон!*

*Гум намешавад ранчи дилгир,
Парвози баланди фикрхотон.*

*Хоҳари вафодори сахтӣ,
Умед дар сияҳ – чоҳи гамбор
Чуръату шодӣ кунад бедор,
Хоҳад омад рӯзи хушбахтӣ!*

*Пешатон аз саддҳои оҳан
Муҳаббатӣ дӯстӣ ёбад роҳ.
Он сон, ки дар он каторга - чоҳ,
Расад бонги озодии ман.*

*Бандҳои гарон хоҳанд афтод,
Зиндон вайрон гардад, озодӣ
Пешвозатон ояд бо шодӣ
Дӯстон тегатон пас хоҳанд дод.*

Перевод Х. Юсуфи:

*Дар Сибир зери конҳои чуқур
Сабри мағрурро ниғаҳ доред!
Меҳнати сахту майли олиятон
Наравад ҳеҷ бар абас умед.*

*Хоҳари меҳрубони бадбахтӣ
Дар ҳамон торикии фарсуда.
Чобукӣ, хуррамӣ диҳад ба шумо,
Бирасад бақти орзукарда.*

*Дӯстӣ, шиқатон, расад ҳар дам
Аз миёни бандҳои сиёҳ,
Ҳамчунон, ки ба лонаҳои ҷазо
Мерасад ин садон озодам.*

*Бандҳои гарои шикаста раванд,
Ҳабсхона шавад харобу адо,
Хуррият пешвозатон гирад.*

Тег бидҳандатон бародарҳо.

Сравнительный анализ первой строфы показывает, что оба переводчика стремились точно донести пушкинский, стих до таджикского читателя.

В первой строфе переводов бережно, почти без изменений, но в духе подлинника воссоздан пушкинский текст. Однако отметим, что в строке «Не пропадет ваш скорбный труд» Лахути более верен духу подлинника. Выражение «скорбный труд» он переводит как «ранчи дилгир» т.е. «труд унылый, печальный». Х. Юсуфи важный оценочный эпитет «скорбный» переводит как «меҳнати сахт» «тяжелый труд». В выражении же Лахути речь идет не только о безмерно тяжелом каторжном труде на рудниках, но и о другом – жестоком подавлении восстания, трагической участи декабристов.

Максимально близки к тексту и оба перевода второй строфы. Вдохновенно в них переданы чувства надежды, веры в наступление желанной поры.

Однако есть в переводах и отдельные нюансы, характеризующие стиль каждого переводчика. Строку «Несчастью, верная сестра» Х. Юсуфи переводит «Хоҳари меҳрубони бадбахтӣ»- несчастью добрая сестра, т.е. вместо слова «верная» использовано слово «добрая», но зато четвертый стих «Придет желанная пора» переведен адекватно – «Бирасад вакти орзукарда» – «Наступит желанная пора».

У А. Лахути этот стих переведен «Хоҳад омад рӯзи хушбахтӣ» – «наступит счастливый день». В третьей строфе ключевым представляется стих: «Доходит мой свободный глас». Стих этот звучит пафосно, торжественно. Торжественность создается при помощи славянизма «глас».

А. Лахути переводит:

Расад бонги озодаи ман - Донесется мой свободный глас.

У Х. Юсуфи:

Мерасад ин садои озодам - Достигнет этот мой свободный голос.

Слово «глас» передается у Лахути словом «бонг», у Юсуфи - «садо». Оба эти слова верно передают смысл пушкинского поэтического образа, хотя в таджикском слове «бонг» есть оттенок необычности и, следовательно, оно более верно помогает передать гамму чувств, раскрытых в подлиннике.

Завершающая строфа подлинника звучит особенно энергично. Созданию такого звучания способствует система рифмовки. Глаголы *падут*, *рухнут*, *отдадут* придают всей строфе оттенок непреклонного мужества, уверенности. Переводчики стихотворения также стремились передать эту особенность стиля.

У Пушкина, например, в двух первых стихах этой строфы глагол рифмуется в конце первого стиха и в середине которого:

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут и свобода*

У Лахути мы наблюдаем такое же лирическое движение образа:

*Бандҳои гарон хоҳанд афтод;
Зиндон вайрон гардад, озодӣ*

*Оковы тяжкие падут,
Темницы будут разрушены, и свобода*

Интонационно здесь выделяется, как и в оригинале, ключевое слово «свобода».

Хабиб Юсуфи также стремится быть точным в передаче пушкинского лирического образа. Дух подлинника им постигнут глубоко.

Страстное и проникновенное стихотворение, обращенное к друзьям-декабристам, свидетельствует о гражданском подвиге самого Пушкина. В нем слышится муже-

ственная и благородная гордость, утверждается горячая вера в торжество свободы и справедливости. И эту многогранность чувств переводчикам удалось передать в своих переводах.

На их примере мы видим, какие огромные потенциальные возможности могут быть реализованы при переводе произведений Пушкина. Несомненно, что если бы судьба отмерила Хабибу Юсуфи еще несколько лет жизни (через полгода после начала Велико Отечественной войны он был призван в армию и погиб в боях под Варшавой в феврале 1945 года), он пополнил бы таджикскую пушкиниану многими совершенными переводами.

Творческие же поиски Лахути, пытавшегося воссоздать в своих переводах дух подлинника, мир его идей в единстве со всеми художественными средствами, еще долгие годы могут быть эталоном для молодых переводчиков Пушкина.

Из крупнейших произведений Пушкина объектом пристального внимания исследователей стал перевод романа «Евгений Онегин» на таджикский язык (8).

Автор статьи о переводах романа «Евгений Онегин» на языки народов Средней Азии и Казахстана, прежде всего, выделяет проблему художественного истолкования текста оригинала в свете сопоставительной поэтики. С. Иванов специально подчеркивает, что художественное истолкование текста оригинала в свете сопоставительной поэтики не может быть приравнено к общеизвестному требованию единства содержания и формы – оно гораздо шире. Оно должно основываться на глубоком проникновении в сопоставительную поэтику языка подлинника и языка перевода и осознание существующих между ними различий.

Указывая погрешности и удачи переводов романа «Евгений Онегин», приводя много интересных примеров из переводов на таджикский, узбекский, киргизский, туркменский и казахский языки, автор статьи привлекает вни-

мание к принципиальным основам художественного толкования поэтического текста.

К переводу на таджикский язык романа «Евгений Онегин» в основном обращались два переводчика. Однако Абулкасим Лахути перевел только шесть строк из первой главы. Исследователь Х. Шодикулов считает, что несоответствие избранной переводчиком метрики, стихотворного размера стихам Пушкина не стимулировало дальнейшей работы автора по переводу (9)

В 1966 году роман «Евгений Онегин» перевел на таджикский язык Мухитдин Фархат. В статье Х. Шодикулова подробно разбирается перевод, указаны его достоинства:

*Мешавад, бешак, надид аз ҳар роман,
Хуб расмаш, дӯсташ медоштам,
Бар дилам зад як тараф бигзоштам.
Дигар аз ӯ гашта чанде дур, ман
Мекунам, хонандагон, васфи апеш,
Рухсатам бидҳед агар, бо шавқи беш.*

Подстрочный перевод:

*Всегда скромна и приветлива,
Всегда весела подобно утру,
Наивна, как жизнь поэта, постоянно
Привлекательна и желанна больше, чем поцелуй.
Глаза голубые, как небесный свод,
Локоны льяные, приятная улыбка
Голос приятный, стан – движущийся кипарис
Имеет Ольга... Но ее портрет, друзья,
Найдется почти в каждом романе
Он хорош, я любил его.
Он мне надоел, я отложил его в сторону.
Теперь от него я отошел,
Займусь, читатели, старшую сестрой
Если разрешите мне, с вдохновением.*

Итак, мы видим здесь стремление автора точно следовать тексту, воспроизвести все формы рифм, наблюдаемых в оригинале. Во многих строфах точно переведены ключевые слова, от которых зависит содержание и композиция произведения.

Так, письмо Татьяны Онегину и письмо Онегина Татьяне начинается со стихов, основной смысл которых передан при помощи слова «презренье».

В письме, Татьяны:

*Я к вам пишу – чего же более?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.*

В письме Онегина:

*Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье,
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит.*

В переводе письма Татьяны читаем:

*Бар шумо хат менависам, чӣ дигар?
Пас, чӣ гуфтан метавонам боз ман?
Ҳақ шумо доред, донам, ин қадар
Нафратам хонед, истам бесухан.*

Подстрочный перевод:

*Я вам пишу, что же еще?
Что я могу еще вам сказать?
Я знаю – вы имете право
Презирать меня, и я молча стою.*

В письме Онегина:

*Пешакӣ мебинам: ин изҳори роз
Мекунад таҳқир иззу шонатон.
Нафрате гардад ҳувайдо қонғудоз
Дар нигоҳи фохири чашмонитон!*

Подстрочный перевод:

*Предвижу все: мое объяснение сердечно
Оскорбит ваше достоинство.*

*Презренье появится терзающее
В гордом взгляде ваших глаз.*

Оценивая в целом работу переводчика, необходимо отметить вдумчивый отбор лексики, хотя в некоторых случаях имеются и недочеты. Исследователь, объективно оценивая труд переводчика, верно указал слабые места с тем, чтобы в будущих изданиях и новых переводах на них было обращено особое внимание.

В статье приводится много конкретных примеров, которые показывают, что в отдельных случаях переводчик, не найдя в таджикском языке эквивалента, опускает слово или, наоборот, в других случаях для соблюдения стихотворного размера дополняет текст словами и выражениями, не имеющимися в подлиннике. Указываются также примеры обращения перевода к художественному приему – радиф, не используемому в русской поэзии и в переводимом романе.

Интересные наблюдения содержатся и в той части статьи, где дается сравнительный анализ переводов А. Лахути и М. Фархата.

Однако здесь мы хотели бы обратить внимание на одну деталь. Х. Шодидулов считает, что в переводе первой строфы первой главы Лахути нашел более адекватную форму, чем Фархат для перевода выражения «когда же черт возьмет тебя!».

У Лахути:

Пас кай ба чаҳаннамат барад шайтон! - Тогда, когда же шайтан унесет тебя в преисподнюю!

У Фархата:

Воҳ, кай мемурда бошӣ, эй лаин! - Ох, когда же ты умрешь, о проклятый!

Автор критической статьи полагает, что Лахути здесь более близок к пониманию поступков и мыслей героя по отношению к своему дяде. Выражение же М. Фархата, будучи грубым и жестоким, считает он, искажает образ Оне-

гина, данный в подлиннике. Здесь мы хотели бы отметить, что один их авторитетнейших комментаторов романа «Евгений Онегин» Н.Л. Бродский, комментарии которого выдержали несколько изданий, отмечает, что «Евгений Онегин ироническим применением к дяде стиха из басни Крылова «Осел и мужик» (1819) «Осел был самых честных правил» - вскрыл свое прямое отношение к нему» (10)

Содержание этой и других строф дало повод современникам называть Пушкина и его героя безнравственными людьми, и позднее Белинский, говоря о романе, защищал Онегина, считая, что Пушкин правдиво изображает действительность и характеры людей.

В целом же, оценивая перевод М. Фархата, мы должны признать, что этот колоссальный труд переводчика заслуживает поощрения. В большинстве случаев он бережно стремится передать своеобразие поэтического духа романа, его образную систему, максимально воспроизвести точный смысл слов и выражений.

Знаменитая онегинская строфа с ее удивительной гибкостью, музыкальностью, ритмическим разнообразием в какой-то мере воссоздана в переводе, хотя автор и не избежал смысловых и эмоциональных потерь.

У Пушкина в основном в каждом стихе 9 или 8 слогов. Четырехстопный ямб делает стих легким, изящным, мелодичным и способным отразить все сферы человеческой жизни.

Система таджикского стихосложения построена на других принципах, но тем не менее переводчику при помощи размера рамал (фоилотун / фоилотун/ фоилун) удалось сохранить легкость и гибкость ритмико-стилистического движения стиха. Строфа переводчика также отличается богатством рифм. Так, в строфе XXIII из второй главы читаем:

*Доимо бас хоксору хушкалом,
Доимо хушҳол монанди саҳар*

*Сода ҳамчун зисти шоир мудом
Дилкашу аз бўса ҳам марғубтар.
Чашмҳо чун торуми гардун кабуд,
Зулф чандирию ханда хушнамул.
Савти хубу қомати сарви равон
Дорад Олга... Лек расмаш дӯстон, -*

употребляются слова и обороты, при помощи которых таджикскому читателю трудно постичь инациональный характер изображаемых явлений, портретов, поступки героев. В уже цитируемой нами строфе XXIII из второй главы упоминается «легкий стан» Ольги. Переводчик переводит его «комати сарви равон» – стан – движущийся кипарис. И поскольку поэтический образ движущегося кипариса давно уже стал в восточной поэзии традиционным образом, характеризующим восточную красавицу, в воображении читателя может возникнуть образ Ольги, в каких-то деталях не соответствующий художественному видению автора произведения. В данном случае можно было бы использовать выражение «комати мавзун» – стройный стан. Или обратимся к переводу песни девушек из третьей главы:

*Девицы, красавицы
Душеньки, подруженьки...–*

М. Фархат переводит:

*Эй духтарони хубрӯ,
Чононаҳои мушкмӯ
(Эй, девушки – красавицы,
Душеньки с душистыми волосами)*

Здесь мы опять сталкиваемся с фактом, когда переводимое слово не углубляет понимание эмоционального смысла стихов, поскольку раскрывается другая особенность девушек, не имеющаяся в подлиннике. Деталь «душистые волосы» в данном случае не способствует постижению внутреннего мира деревенских девушек.

Особую трудность при переводе романа вызывали отстраненные образы, анализ перевода которых содержится в работе С. Иванова (11).

Верно отмечая обилие отстраненных образов и эпитетов в «Евгении Онегине», С. Иванов приводит несколько примеров из таджикского перевода романа.

В своей глуши мудрец пустынный...

Переводится:

Оқили хилватнишин дар мулки худ...

(Уединенный мудрец в своих владениях...)

Автор статьи справедливо считает, что здесь найден довольно точный эпитет («уединенный»), а словесное окружение («в своих владениях») позволило избежать опасности превращения Онегина в дервиша.

Однако, например, в переводе стихов:

Ты в ослепительной надежде

Блаженство темное зовешь ... –

по мнению С. Иванова, утрачена яркая образность пушкинских эпитетов:

Лекин аввал ба дили умеднок

Мекуни ту даъвати кайфу хузур

(Но прежде с сердцем, полным надежды,

Ты уповаешь на блаженство и радость)

И в самом деле, переводчик опустил такой важный оценочный эпитет «ослепительной» к слову надежда. Не переведен также и эпитет «темный» к слову «блаженство», хотя и этот эпитет содержит бездну смысла.

Несомненно, что работа с ее точным, кратким и выразительным языком также уже давно привлекает таджикских переводчиков. «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Дубровский» издавались отдельными книгами в течение нескольких десятилетий.

Однако следует отметить, что названия отдельных произведений выбраны были неудачно. Например, повесть «Барышня – крестьянка» переведена как «Дехқондухтар»,

т.е. «Крестьянская девушка» или «Девушка – крестьянка». Следуя пушкинскому названию, на наш взгляд, ее можно было бы назвать «Хонум – дехқондухтар», т.е. «Барышня – крестьянка».

Особенно много изданий выдержал на таджикском языке «Капитанская дочка». Первый перевод его, осуществленный С.Р. Али-зода, появился в 1936 году. Последующие издания выходили лишь с указанием имени ответственного редактора Х. Ахрори.

Перевод «Капитанской дочки» можно назвать трудом, выполненным весьма квалифицированно. Переведены все четырнадцать глав романа с эпиграфами и пропущенная глава. Точно и выразительно даны названия глав. В тех случаях, когда в таджикском языке не было нужного эквивалента, переводчик давал названия, руководствуясь семантическими признаками. Например, название шестой главы «Пугачевщина» переводится как «Воқеаи Пугачев», т.е. «События, связанные с Пугачевым», хотя переводчик и мог оставить слово «пугачевщина», дав ему соответствующий комментарий.

Переводчик глубоко понял не только смысл произведения, но и точно разобрался в его ритмико-стилистическом строе, его общей атмосфере.

Так, краткие фразы подлинника передаются катками фразами перевода, сложные предложения также соответственно.

Во второй главе в оригинале читаем:

«Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и постепенно облежала небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло» (VIII, 287).

В переводе:

«Аспон бад-баробар метохтанд. Шамол соат ба соат шиддатнок мешуд. Абрпора ба абри сафеди калон мубадал шуда, бо вазниний боло мерафт, калон шуда оҳиста-оҳиста рӯи осмонро фаро гирифт. Барфи майда ба боридан шуруъ кард ва якбора ба барфи лак-лакӣ мубадал шуд. Дар ин лаҳза осмони тира ба баҳри барфӣ омехта шуд. Ҳама чиз нопадид гашт».

Подстрочный перевод:

«Лошади дружно бежали. Ветер час от часу становился сильнее. Облачко превратилось в большую белую тучу, которая тяжело поднималась, увеличивалась и медленно-медленно охватывала небо. Начал идти мелкий снег и вдруг превратился в хлопья. В это мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Ничего нельзя было разглядеть».

Однако невнимание к отдельным словам и особенностям пушкинского языка также имеет место в этом переводе. Например, в первой главе речь идет о сорочке, в которой Петра Андреевича крестили, и которая хранилась его матерью вместе с паспортом. Переводчик в тексте просто упоминает детскую сорочку героя, а слово «крещение» упускает, возможно, по той причине, что это понятие для таджикского читателя чуждо. В том же абзаце идет речь о письме, которое отец героя запечатал. Здесь, конечно имеется в виду, что пакет запечатан сургучом и к нему приложена печать. В переводе упоминается заклеенный пакет, что не отвечает конкретному понятию, заключенному в выражении «запечатанный пакет».

Во вторую главу в последующих изданиях также необходимо внести некоторые коррективы.

Например, в оригинале написано: «Хозяин родом яцкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый». В переводе: «Соҳиби ҳавлӣ аслан казаки пастак буда, мужики 60-сола ҳанӯз тару тоза ва далер менамуд».

В переводе на русский язык: «Хозяин двора, казак низкого роста, мужик лет шестидесяти, казался еще свежим и храбрым».

Особого внимания требует также и лексика, характеризующая реалии русского быта. Например, фразу: «предложил чашку чая» (глава II) переводчик переводит: «як пиёла чой таклиф кардан», т.е. «предложил пиалу чая», хотя известно, что в России, в том числе в Оренбургской губернии, где происходят описываемые события, чай принято пить из чашек или стаканов.

Или же возьмем слово «полати», которое переведено как «миёнраф» т.н. поперечная полка, что не дает конкретного понятия об устройстве полатей. Мы полагаем, что в таких случаях можно дать слово не перевода, но давая здесь же в тексте объяснение.

Или же обратимся к последней главе. В ее тексте ряд слов и оборотов речи нуждаются в дальнейшем комментировании. В оригинале: «решения нашей судьбы»; «провинциальная застенчивость», «Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне»; «приискав к каждой главе приличный эпиграф».

В переводе соответственно: «такдири маро», т.е. «моей судьбы»; «шармгинии вилоятй» – «областная застенчивость», «Петр Андреевич баъд аз озод шудан ба зудй Марья Ивановнаро гирифта, хонадор мешавад» – «после освобождения Петр Андреевич быстро женился на Марье Ивановне», «ба ҳар бобаш сарлавҳои муносиб гузошта» – «к каждой главе подобрав соответствующее заглавие».

В более пристальном внимании переводчика нуждаются и слова, при помощи которых усиливаются эмоциональная направленность речи, ее выразительность. Например, выражение Пушкина: «скривившаяся мельница с лубочными крыльями, лениво опущенными» – переводчик переводит: «осиён качшудае, ки парраҳои чӯбинаш фуру хамида буд» – т.е. «скривившаяся мельница, деревянные

крылья которой опустились». В этой фразе слово «лубочные» заменено на слово «деревянные», и это вызвано необходимостью: дуб, дубовые изделия редкость в Средней Азии и поэтому слово «лубочный» без всякого ущерба для содержания переводится как деревянный. Но пропущенное слово «лениво» уже несколько искажает смысл, поскольку цель включения этого слова в фразу – создание юмористического изображения картины мельницы.

Такие же погрешности можно указать и в других главах романа. Например, в третьей главе «Крепость», в рассказе о приезде Гринева в Белогорскую крепость есть диалог между Василисой Егоровной и урядником Максимычем:

«... Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?»

– «Врешь, Максимыч, - отвечала капитанша, – у Полежаева и так тесно, он же мне кум и помнит, что мы его начальники...»

В переводе читаем: «... Чанобашонро дар хонаи Иван Полежаев чой диҳем, чӣ мешавад? – Дуруст нест, Максимыч, – гуфт зани капитан, – хонаи Полежаев бе ин ҳам танг аст, вай дӯсти ман аст ва дар хотир дорад, ки мо сардорони вай ҳастем» – т.е. «Это нехорошо, Максимыч», – сказала жена капитана, – у Полежаева и так тесно, он же мой друг и помните, что мы его начальники.

Таким образом, фраза интерпретирована совсем иначе, чем в подлиннике – важное для смысла слово «кум» заменено на «друг», что придает словам комендантши совсем другой оттенок. А в предложении «Помнит, что мы его начальники», обозначающее, что упоминаемый Иван Полежаев относится к семье коменданта с должным уважением, получает в переводе назидательный смысл, обращенный к уряднику Максимычу.

Или обратимся, например, к переводу старинной народной песни «Не шуми, мати зеленая дубравушка» из 8-й главы.

В переводе читаем:

*Ба ман, эй беишзори хурраму сабз,
Ба мани навчавони нексиришт,
Дар тафаккур даме халал нарасон,
Баски ман навчавони нексиришт
Фикру андеша мекунам, ки пагоҳ
Баҳри пурсиш равам ба қозиву шоҳ
Назди қозиву шоҳи даҳшатнок.*

Подстрочный перевод:

*Мне, о лес свежий и зеленый,
Мне, доброму молодцу,
Не мешай думать.
Потому что я, добрый молодец,
Размышляю о том, что завтра
На вопрос мне идти к судьбе – царю
К судьбе–царю грозному.*

Четыре пушкинских стиха переведены здесь семью таджикскими. Опущено важное ключевое слово «мати» – в песне оно в комплексе с последующими словами «мати зеленая дубравушка» выражает сложную гамму чувств – ведь это она – мати зеленая дубравушка – дает приют молодцу и его друзьям, укрывает их от опасности. Кроме того, переводчик не передает в полной мере звучания заунывной грустной песни, которая располагает к раздумью. У Пушкина мы наблюдаем в первом стихе 13 слогов, во втором и третьем – по 15, в четвертом – 12. В переводе соответственно: 12,10,11,10.

Или обратимся к концу песни со стиха:

*Что возговорит надежда православный царь
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын...*

В переводе шести пушкинским стихам песни соответствуют 10 стихов:

*Шоҳи гамхори ман чи хоҳад гуфт;
Эй ҷавонмард, зодаи деҳқон,
Бод умрат дарозу рӯзӣ бин
Чунки ҳастӣ ту моҳири дуздӣ
Ҳамчунин дар ҷавоби он қодир;
З-ин сабаб, эй ҷавонмард, ба ту
Марҳамат менамоям инъом,
Баҳри ту дар миёнаи саҳро,
Мекунам қасри олие барпо:
Қасре аз як забарраву ду сутун.*

Подстрочный перевод:

*И сказал заботливый мой царь:
Эй молодец, крестьянский сын,
Пусть твоя жизнь будет долгой,
Потому что ты умел воровать,
И умел держать за это ответ.
И потому, эй молодец, тебе
Я пожилую награду.
Для тебя посреди поля
Велю построить великолепный дворец,
Дворец из двух столбов с перекладиной.*

Здесь мы наблюдаем стремление переводчика воссоздать все поэтические образы песни, точно следовать за подлинником. Но вместе с тем, мы видим, что смысл некоторых стихов передан неточно. Это относится к стиху третьему, в котором царь желает молодцу долгой жизни.

В подлиннике смысл этого стиха другой: «Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын...» В словаре В.Даля слово «исполать» трактуется: «хвала, слава, ай да молодец, славно, спасибо» (12). Все они помогают понять злую иронию, насмешку грозного царя над молодцем, которого он награждает двумя столбами с перекладиной, т.е. виселицей.

В переводе же появляется другой поэтический образ царя, который, желая молодцу долгой жизни, сам посылает его на виселицу.

Тем не менее, несмотря на указанные просчеты, главным из которых является увеличение объема песни, ее поэтичность, бесстрашие молодца, готового мужественного принять смерть, в таджикском переводе переданы.

В дополнительном комментировании нуждаются также слова, которые переводчик поясняет в сносках. В тексте «Капитанской дочки» много историзмов, архаизмов, не используемых в современном русском языке. Многие из них характеризуют русский быт и также нуждаются в пояснении. Это и такая лексика как кум, попадья, кабак, камерликей и многие другие слова. Часть комментируемых слов желательно дополнить некоторыми деталями. Например, в первой главе есть слово «трактир», которое поясняется – «ошхонаест дар Россияи пештара, ки дар он шароб хам фурухта мешуд», т.е. «столовая или харчевня в старой России, где продавалось и вино».

В «Словаре языка Пушкина» к этому слову дано краткое объяснение: гостиница с рестораном или ресторан» (13).

Теоретик перевода А. Федоров считает, что полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему.

Осуществление такого перевода требует от переводчика глубоких разносторонних знаний и высокого профессионализма. И на этом пути особенно важно осмысление уже накопленного опыта и конкретное знание будущих перспектив работы по переводу пушкинских произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем труде мы рассмотрели отдельные аспекты, связанные с темой Востока в поэмах «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», цикле «Подражания Корану», стихотворениях «В прохладе сладостных фонтанов», «Из Гафиза», записках «Путешествие в Арзрум» и в некоторых других лирических стихотворениях. И хотя все эти произведения анализировались лишь под одним углом зрения - связи с Востоком, – их содержание свидетельствует о том, что они в очень большой мере способствовали постижению магистральной, стречневой проблемы, проходящей через все творчество Пушкина – человек и окружающий его мир. В них раскрываются психология человека, его характер, взгляды на жизнь.

Литература Востока, его культура органически вошли в творчество Пушкина, и он обращался к ним на протяжении всего своего творческого пути. В произведениях, связанных с темой Востока, осмысливаются важные философские проблемы, раскрывается действительность, которая способствует пониманию художественной картины всего мира.

Идеи и содержание произведений Пушкина о Востоке глубже раскрываются в контексте всего его творческого пути.

Ждут еще своих исследователей и многие другие произведения Пушкина, которые некоторыми своими гранями связаны с темой Востока. Это и лирика: «Талисман», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Подражание арабскому», поэма «Тазит», «Сказки», незавершенные произведения: «История Петра I», различные фрагменты.

В последние десятилетия в изучении проблемы «Пушкин и Восток» произошел большой сдвиг. Исследованы многие важные вопросы, связанные с этой проблемой. Но, несомненно, что в недалеком будущем появятся новые

суждения, будут обнаружены новые документы, совершенны открытия, написаны новые исследования на эту тему.

Глубоко прав был В.Г. Белинский, когда пророчески сказал: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное» (1).

Пушкин и Восток – тема сложная, многоплановая, требующая освоения колоссального материала, освещающего самые различные аспекты, связанные с ней. И она, вне сомнения, должна рассматриваться как составная часть темы «Пушкин и мировая литература».

На протяжении всего своего творческого пути Пушкин, идя по трудной стезе постоянных поисков, сумел синтезировать художественные достижения своих предшественников в русской литературе и видных представителей мировой литературы, новаторски развить их, осветить ни с чем несравненным опытом своего индивидуального художественного видения. Новаторские традиции Пушкина были подхвачены современниками и развиты поэтами последующих поколений. Это новаторский опыт, неся на себя печать оригинальности, свидетельствует об упорном труде поэта на сложном пути поисков и совершенствования восточного стиля.

Все рассмотренные произведения дают возможность прийти к выводу о том, что Пушкин обладал уникальным даром воссоздать внутренний мир представителей иных наций, культур. Он имел удивительную способность воспроизводить их чувства и переживания, умел ощущать себя их представителем. На всем протяжении жизни главенствующим для него был принцип перевоплощения в человека, о котором или от имени которого шла речь в произ-

ведении, раскрывались его чувства и переживания и изображались события и явления, с которыми он был связан. Все увиденное, узнанное, прочитанное рождало в душе Пушкина горячий творческий отзвук. Эту особенность пушкинского гения ярко подчеркнул Гоголь: «... И как верен его отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком – грек, на Кавказе вольный горец...» (2).

Уже в начале своего творческого пути Пушкин обращался к темам и образам, связанным с восточной жизнью, но тогда такое обращение носило эпизодический характер. Ко второй половине 20-х годов, а точнее ко времени создания «Подражаний Корану», Пушкин был духовно готов к реалистическому изображению Востока.

Со времени работы Пушкина над «Подражаниями Корану» начинается новый творческий этап художественного освоения литературы, культуры и действительности Востока, в котором основным становится принцип реалистического изображения.

Произведения, в которых раскрывались темы, связанные с Востоком, стали существенной частью художественной системы Пушкина. Написанные в самых различных жанрах, отличающиеся богатством поэтических образов, они помогают представить человека Востока с его индивидуальным внутренним миром, психологией, отношением к окружающему миру.

Литература Востока, его культура органически вошли в творчество Пушкина.

Добиваясь точного выражения смысла своих произведений, их идей, Пушкин использовал различные художественные приемы и, прежде всего, был внимателен к выбору и употреблению слов.

В произведениях, посвященных Востоку, Пушкин обращался к восточной поэтике, стремился воссоздать образ-

ный строй и стилистическое своеобразие восточной поэзии:

В них наблюдается использование поэтической лексики, создающей восточный колорит.

В них мы видим также обращение к устойчивым поэтическим образам, которые благодаря неоднократному использованию, стали своеобразными символами выражения определенных идейно-эстетических понятий.

Многие важные проблемы, стоящие в современный период перед пушкиноведением, могут и должны разрабатываться непосредственно в тесной связи творчества Пушкина со всем мировым литературным процессом, а также с восточными литературами.

Еще в 50-е годы Б.В. Томашевский отмечал, что одной из первостепенных задач пушкиноведения является полное, иначе говоря, синтетическое или комплексное изучение произведений Пушкина. Уточняя мысль, он пояснил, что имеется в виду монографическое изучение каждого произведения в отдельности и в его связи с другими произведениями. Именно в таком комплексном изучении нуждаются и все произведения Пушкина, посвященные восточной тематике.

В капитальной монографии «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» отмечается, что «некоторые темы по существу выходят за рамки собственно пушкиноведения и требуют комплексного исследования при участии литературоведов разного профиля, а также искусствоведов, лингвистов и других ученых» (3).

Все эти задачи ждут своего разрешения и когда идет речь о произведениях с ориентальной тематикой. Это, прежде всего, такие значительные темы, как «Пушкин и современная фарсиязычная поэзия», «Пушкин и современное восточное искусство», «Образ Пушкина в современной фарсиязычной поэзии и прозе», «Личность и мировоззре-

ние Пушкина в восприятии фарсиязычных поэтов и писателей», «Традиции Пушкина в восточных литературах».

Необходима также научная библиография пушкиноведения, отражающая исследования, раскрывающие связи Пушкина с восточными литературами во всех существующих направлениях. В такую библиографию желательно включить раздел, в котором систематизировались бы также и художественные произведения всех жанров, посвященные Пушкину писателями других народов, в том числе и восточных.

Как явление мировой литературы, Пушкин принадлежит всему человечеству. На примере его творчества особенно действенно в сознании читателей утверждаются гуманистические принципы литературы, уважение и внимание ко всем народам, населяющим мир, к их истории, религии и искусству.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Бобров С. Описание стихотворения Пушкина «Виноград» // Пушкин и его современники. Вып. XXIX-XXX, 1918; Кашталева К.С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки коллегии востоковедов, т. V. - Л.: 1930; Свирин Н. Пушкин и Восток // Знамя, 1935, №4; Филоненко В. И. «Подражания Корану» Пушкина, Симферополь, 1928; Черняев Н.И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». - М., 1898; Эберман В. Арабы и персы в русской поэзии // Восток, кн. 3. - М. -П.: 1823;

2. Белкин Д.И. Встреча Пушкина с персидским стихотворением Фазилханом Шаида // Литературные связи и традиции. Межвузовский сборник. Вып. 4. Горький, 1974; Белкин Д. Тема зарубежного Востока в творчестве Пушкина // Народы Азии и Африки. - 1965.-№4; Белкин Д.И. О роли авторских примечаний в «Подражаниях Корану» Пушкина // Ученые записки Горьковского университета. Вып. 145. Русско-зарубежные литературные связи. - Горький, 1971; Белкин Д.И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного Востока. - М.: Наука, 1979; Белкин Д.И. Пушкин и сказки «1001 ночи» // Звезда Востока. - 1979, №6; Белкин Д.И. Мир Востока на страницах пушкинского «Современника» // Творчество Пушкина и Зарубежный Восток. - М.: Наука . - 1991; Брагинский И.С. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина // Народы Азии и Африки. - 1966, №4; то же; // Проблемы востоковедения. - М.: Наука, 1974; то же; Западно-восточный литературный синтез в творчестве С.Айни. - Душанбе, 1986; Грачева А.Д. К вопросу о восточных интересах Пушкина. // Изв. АН ТССР. Серия общественных наук - 1976, №3; Долинина А. Пушкин в арабской литературе // Пушкин в странах зарубежного Востока. - М.:

Наука, 1979; Жамкочан А. Восточные источники «Сказки о золотом петушке» // Вестник Евр. Ун-та в Москве – 1997-№1; Забабурова Н.В. Пушкин и Коран // Научная мысль Кавказа –1997–№1; Нольман М.Л. Пушкин и Саади// Русская литература. – 1965, №1; Нольман М.Л. Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа // Народы Азии и Африки, – 1967–№4; Нольман М.Л. Гипотеза Лахути. Современные выводы из давней дискуссии // Памир, – 1979. –№4; Нольман М.Л. Саади или Цицерон? Об одной необоснованной замене // Творчество Пушкина и зарубежный Восток – М.: Наука, 1991; Розенфельд А. З. Пушкин в персидских переводах // Вестник Ленинградского университета, 1949, №6; Розенфельд А.З. Проза Пушкина на персидском языке (Переводы «Капитанской дочки») // Пушкин и зарубежный Восток - М.: Наука, 1991; Соловей Н.Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина // Пушкин в странах зарубежного Востока. – М.: Наука, 1979; Тартаковская Л. «Люблю немолчный голос твой...» Пушкин и Восток сквозь призму традиционного образа // Звезда Востока. –1979–№6; Тартаковская Л. «...Четки мудрости златой...» Поэзия Пушкина и Восток: к вопросу об эволюции художника // Звезда Востока –1978–№6; Тартаковская Л. Пушкин и Восток. Ориентальная проблематика в «Современнике» // Звезда Востока.–1981– №6; Тартаковская Л. «Путешествие в Арзрум»: художественное исследование Востока // Творчество Пушкина и зарубежный Восток - М.: Наука, 1991; Фридман Н.В. Романтизм в творчестве Пушкина. Приложение. Стихотворение «Пророк» – М.: Просвещение, 1980; Ходжибаева Б.А. Пушкин и таджикская литература // Абдувалиева М.М., Ходжибаева Б.А. Изучение русской литературы в ее взаимосвязях с родной в школах с таджикским языком обучения. – Душанбе: – 1976; Хусейн-заде Ш. Пушкин и таджикские поэты // Хусейн-заде Ш. Споры и размышления.–Душанбе :

Ирфон, 1964 (на тадж.яз.); Шодикулов Х. Памятник // Садои Шарк. – 1974.–№6 (на тадж.яз.):

3. Скатов Н. Праздник Пушкина // Огонек.– 1974. – №23, с.9.

ГЛАВА I

1. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. В трех томах, т.1–М.–Л.: АН СССР, 1938,–С.46.
2. Там же т. 2.–с. 352
3. Там же –т. 2. –с. 64.
4. Цит. По кн.: М. Шагинян. Собр. соч., в 9 т., т.8–М.; Худож. Лит., 1975, –с.72.
5. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. – М.: Наука, 1974; Тартаковский П.И. Русская советская поэзия 20-х – начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока. – Ташкент: Фан, 1977.
6. Вестник Европы –1818, СПб, № 23.–с. 188.
7. Гуковский Г. Пушкин и русские романтики. М.: Худож. Лит., 1965.–с.234.
8. Цит. по кн.: Т. Гольц. Сердце брата.–Душанбе: Ирфон, 1964.–с. 166–167.
9. Там же – с. 164-165
10. Там же – с. 171.
11. Перевод был опубликован в журнале «Телескоп» в 1931 году.
12. Указ. книга Т. Гольц – с. 115
13. Подстрочный перевод наш.
14. Указ. кн. Т. Гольц. – с. 115.
15. Шлегель Ф. О романе и драматической поэзии испанцев // Московский вестник, 1828, № IX –с. 341.
16. Азиатский вестник –1826 №4.–с. 260.
17. Московский телеграф –1833, ч. 49–с. 124.
18. Литературно-критические работы декабристов. –М.: Гослитиздат, 1978, –с. 92.

19. Творчество Пушкина и зарубежный Восток.– с.194-218.
20. Кюхельбекер В. О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие. // В. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи.–Л.: Наука, 1979.с.458.
21. «Северная лира» на 1827 год. – М.: 1827
22. Русский вестник –1870.–№6. –с.508.
23. Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973.–с.56-73.
24. Брагинский И.С. Проблемы востоковедения.– М.: Наука. 1974.–с.304.
25. Кессель Л.М. Гёте и «Западно-восточный диван». – М.: Наука, 1973.–с.48.
26. Шагинян М. Собр.соч. В 9т., т. 8.–с.75.
27. Там же. – с.77.
28. Цит. по кн.: Лобикова Н. Пушкин и Восток.– с.11-12.
29. Саади. Сталинабад. Таджикгосиздат. 1919.–с.114.
30. Саади. Бустон. Тегеран. 1370.–с. 282–283.
31. Сомов О. О романтической поэзии. Опыт в трех статьях. СПб, 1823–с.54.
32. Цит. По кн.: М. Басина. На берегах Невы. – Л., 1969.– с.49.
33. Цит. По кн.: Илья Фейнберг. Читая тетради Пушкина. – М.: Советский писатель, 1981-с. 6-18.
34. Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина. Библиографические описания.–М.: Книга, 1988.с.279.
35. Алексеев М. А. Заметки на полях // Временник Пушкинской комиссии, 1976.–Л.: Наука, 1979. –с. 108-109.
36. Цит по кн.; Л.М. Кессель. Гёте в «Западно-восточный диван», –с. 28.
37. Цит. По кн.: Б. Мейлах Пушкин и его эпоха.–М.: ГИХЛ, 1958.–с.87.
38. Тынянов Ю. Пушкин и его современники. – с.240

39. Цит. По кн.: Алимova Д.Х. восприятие и осмысление персидско-гаджикской литературы русской критикой первой половины XIX в. Автотреф. канд. Дисс. Самарканд, 1995.с. 12.
40. Тынянов Ю. Пушкин и его современники. – с.253.
41. Там же.–с 267 и 311.
42. Кюхельбекер В. Лирика и поэмы, т. 1.–Л.: Сов. писатель, 1939. –с. XXУП.
43. Тынянов Ю. В. К. Кюхельбекер // В.К. Кюхельбекер Лирика и поэмы, т. . Сов. писатель, Л.: 1939.–с. XXVII.
44. Кюхельбекер В.К. Избранные произведения в двух томах, . 1. –М.–Л.: Сов. писатель. 1967.–с. 347.
45. Там же с. –170.
46. Там же с. – 201.
47. Кюхельбекер В. Путешествие, Дневник, Статья, Серия «Литературные памятники» – Л.: Наука, 1979.с. 469.
48. Там же – с. 282.
49. Там же – с. 283.
50. Там же – с. 331.
51. Кюхельбекер В. Избранные произведения в 2-х т., т. 1.–с. 475.
52. Письмо цит. по кн.: Гиллельсон М., П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. – Л.: Наука, 1969.–с. 34-35.
53. Там же – с. 34-35.
54. Там же – с. 36.
55. Тарасов Б. Чаадаев. – М.: Молодая гвардия, 1990–с. 475.
56. Там же – с. 516.
57. Там же – с. 547.
58. Там же – с. 549.
59. Грибоедов А.С. Сочинения в 2-х т., т. 2.–М.: 1971,–с. 203. Эти стихи приводятся и в эпиграфе к первой главе в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир–

- Мухтара» с их переводом: «Величайшее несчастье, когда нет истинного друга». Стихи арабского поэта Иль-Мутанаббия (915-965)».
60. Грибоедов А. С. Сочинения в 2-х т., т. 2—с.214.
 61. Там же — с.269.
 62. Там же — с. 321.
 63. Друзья Пушкина. В 2-х т. т. 1. М.: 1984.—с. 245.
 64. Фесенко Ю. П: Пушкин и Грибоедов // Временник пушкинской комиссии. — Л.: Наука, 1983.с.108.
 65. Цит по кн: Тартаковский П. Русская советская поэзия 20— начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока.— с. 62.
 66. Крачковский И. Ю. Источник «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского. //И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. 1. — М.—Л.: 1965—с. 225.
 67. Непосредственных сведений о личном знакомстве Пушкина и Бестужева не имеется, тем не менее Л.А. Черейский отмечает, что П.И. Бартенев пишет об их личных встречах до 1820 года — См.: Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. — Л.: Наука, 1976 —с. 35.
 68. Бестужев—Марлинский А. Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1961.—с. 221.
 69. Гуковский Г. Пушкин и русские романтики — М.: Худож. лит., 1965.—с.258.
 70. Там же. С. 267.
 71. Челышев Е.П. Чудо Пушкина // Пушкин и зарубежный Восток — М.: Наука, 1991—с.4.

ГЛАВА II

1. Гейзер А. Первые биографические сведения о Фирдоуси в Европе //»Шахнаме» Фирдоуси — величайшее художественное творение в истории мировой цивилизации. — Душанбе — Тегеран, 1994. с.20.

2. Западов А., Левшин В.А. //Краткая литературная энциклопедия, т. 4.–1967.–с.90.
3. Кюхельбекер В. Путешествие. Статьи. Дневник. – Л.: Наука, 1979.с. 76.
4. Белкин Д. Пушкинские строки о Персии . с.165-166.
5. Волков Г. Тебя как первую любовь...М.: 1980,с.47.
6. Друзья Пушкина, т.1.–М.: Правда, 1984,–с.223.
7. Томашевский Б. Пушкин, т. II. –М.: Худож. лит., 1990–с.94-100.
8. Томашевский Б. Пушкин, т. II.–М.: Худож лит., 1990; Гросман Л.И. У истоков «Бахчисарайского фонтана» //Пушкин. Исследования и материалы. т. III. – М.– Л.: изд АН СССР, 1960. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. – М.: Наука, 1974; Зубков Н.О возможных источниках эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану». // Временник пушкинской комиссии. 1978. –Л.; 1981.
9. Нольман М.Л. Пушкин и Саади // Русская литература. – 1965. №1.
10. Лобикова Н.М. «Памятник» Пушкина и «Завещание» Саади // Азия и Африка сегодня. – 1972.–№10.
11. Гейзер А.Р. Первые встречи. Русская литература XVIII века и Восток. Источники. Посредники. Новые факты.– Берлин–Худжанд, 1998.–с.6.
12. Там же.–с.11-12.
13. Чайкин К. Саади // Шейх Муслех-эддин Саади. Бустан. Вступительная статья, перевод и примечания К.Чайкина.–М., 1935–с. XXII.
14. Дамский журнал, 1824, ч.5, №6, март. С. 249-250.
15. Литературные листки, 1824, ч.2, №7, апрель, с. 277.
16. Ветловская В.Е. Иных уж нет, а те далече... // Пушкин. Исследования и материалы, т. XII.Л.: Наука, 1986.–с.104.
17. Нольман М.Л. Саади или Цицерон? //Творчество Пушкина и зарубежный Восток. –с. 226.
18. Томашевский Б.В. Пушкин. Т. II.–с.120.

19. Коран. Перевод академика И.Ю. Крачковского. – М.: Раритет, 1990.–с.471.
20. Коран. Перевод смыслов и комментария Валерии Пороховой. –Тегеран, 1995.–с.628.
21. Гроссман Л. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.Л.: Изд АН СССР, 1960. –с.76.
22. Цит по кн.: Томашевский Б.В. Пушкин, т. II.с. 122.
23. Там же.
24. Там же.
25. Айни С. Воспоминания. Часть I. –М.–Л.: 1960.–с.180.
26. Тартаковская Л. «... Четки мудрости златой...» Поэзия Пушкина и Восток: к вопросу об эволюции художника // Звезда Востока, 1978-№6.
27. Там же –с.190.
28. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, –М.: 1956.–с.531.
29. Словарь языка Пушкина. В 4-х т., т. IV.–М.: 1961.- с. 776.
30. Цит по ст.: М. Гиллельсон. Письмо А. Х. Бенкендорфа к П.А. Вяземскому // Пушкин. Исследования и материалы, т. III. –М.: –Л.: АН СССР, 1960–с. 420-421; см. также: М. Гиллельсон. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. – Л.: Наука, 1969. – с. 158.
31. Гиллельсон М.П. А. Вяземский. Жизнь и творчество – с.161.
32. Мейлах Б.С. Талисман. Книга о Пушкине, – М.: Современник, 1984.–с.39.
33. Белкин Д.И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного Востока. –с.168-169. Бобров С. Описание стихотворения Пушкина «Виноград» // Пушкин и его современники. Вып. XXIX-XXX, Пб, 1918; Брагинский И.С. Проблема западно-восточного синтеза (стихотворение «Виноград») // Проблемы во-

стоковедения - М.: Наука, 1974. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М.: 1965.

34. Брагинский И.С. Проблема западно-восточного литературного синтеза – с. 328.
35. Там же – с. 329-330.

ГЛАВА III

1. Филоненко В.И. «Подражания Корану» Пушкина. – Симферополь: 1928 Кашталева К.С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. // Записки коллегии востоковедов, т. V – Л., 1930. Томашевский Б.В. Подражания Корану // Пушкин. Т. второй. – М, –Л., 1990. Белкин Д.И. О роли авторских примечаний и «Подражаниях Корану» Пушкина // Ученые записки Горьковского госуниверситета. Вып. 145.–1971. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. Очерки, – М.: Наука, 1974; Соловей Н.Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина // Пушкин в странах зарубежного Востока – М.: Наука, 1979; Фомичев С.А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. – Л.: Наука, 1986.
2. Цит по кн.: Томашевский Б. Пушкин. Том второй. – с. 281.
3. Там же.–с.280.
4. Пушкин А.С. Сочинения. Изд. Льва Поливанова, т 2. – М.: 1887, –с. 133-141.
5. Фомичев С.А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. – с.120..
6. Там же – с. 125-127
7. Томашевский Б.В. Пушкин, том второй – с. 282.
8. Соловей Н.Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина // Пушкин в странах зарубежного Востока. – с. 128.
9. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток.– с. 77.

10. Коран. Перевод смыслов и комментария Валерия Пороховой. Тегеран: 1996.–с.609.
11. Там же – с. 609.
12. Там же - с. 20.
13. Цит по кн.: И.Скатов. Пушкин. – Л., 1990.– с.183.
14. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. - с.70.
15. Коран. Перевод смыслов и комментарий...– с. 48-49
16. Фомичев С.А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция.– с. 48-49.
17. Городецкий Б.Н. Лирика Пушкина.– М.-Л.: АН СССР, 1962–с. 290.
18. Фомичев С.А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция.- с. 117.
19. Иезуитов Р. В. «Альбом Онегина» (Материалы к творческой истории) // Временник пушкинской комиссии. Вып. 23.–Л.: Наука, 1989.–с.25.
20. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10-ти томах, т 10.–М.: Гослитиздат.–с.456.
21. Черняев Н.И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану»– М.: 1898–с.51.
22. См.: Фридман Н.В. Романтизм в творчестве А.С. Пушкина. –М.: Просвещение, 1980.–с.185.
23. Цит по кн.: Н.Л. Степанов. Лирика Пушкина – М.; Худож. лит., 1974–с.310.
24. Цит по кн.: И.В. Фридман. Романтизм в творчестве Пушкина. - с.186.
25. Там же – с.186.
26. Коран. Перевод смыслов и комментарий. - с. 393,398,406.
27. См.: Томашевский Б.В. Пушкин. Том второй.– М.–Л.: Изд. АН СССР, 1962–с.308,315.
28. Тартаковский П.И. Русская советская поэзия 20-х – начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока. – Сп.

29. Слонимский А. Мастерство Пушкина М.: 1963. – с .146.
30. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830)М., 1967.- с.222.
31. 32.Цит по кн.: Томашевский Б.В. Пушкин. Работы разных лет. – М.: Книга, 1990– с. 542.
32. Нольман М.Л. Гипотеза Лахути, Современные выводы из давней дискуссии // Памир, 1979-№4.–с.54.
33. Измайлов Н.В. Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина.- Л.: Наука, 1976.
34. Там же - с. 154.
35. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. – с.222
36. Слонимский А.Л. Мастерство Пушкина.- с. 146.
37. Томашевский Б.В. Пушкин. Работы разных лет. – с. 541-542.
38. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах, т. III – М.: Худож. литература, 1974–с. 573.
39. Словарь языка Пушкина. В 4-х томах, т. IV.–М.: 1961–с.950.
40. В упоминаемом словаре слово также относится ко второму значению.
41. Гессен А. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей.- М.: 1965 -с. 183.
42. Азадовский М.К. Руставели в стихах Пушкина // Звезда. 1938.– №1.
43. Лахути А. Собр. соч. в 6 томах, т IV.–Душанбе, 1963–с. 125.
44. Розенфельд А.З. А.С. Пушкин в персидских переводах // Вестник ЛГУ, –1949–№6.
45. Нольман М.Л. Пушкин и Саади // Русская литература, 1965, №1: Нольман М.Л. Гипотеза Лахути // Памир.– 1979–№4.
46. Нольман М.Л. Гипотеза Лахути – с. 54.

47. Нольман М.Л. Пушкин и Саади. – с.123.
48. Там же – с. 127.
49. Нольман М.Л. Гипотеза Лахути.- с.55.
50. Брагинский И.С. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956–с. 213.
51. Гамзатов Расул. Собр. соч. в 5 т., и V.–М.: Худ. лит., 1974.–с.84.
52. Липкин С. Волшебник из Шираза // Гафиз. Лирика – М.: ГИХЛ, 1962 –с. 6.
53. Здесь, несомненно, будет указан и последний источник.
54. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т., т.2.–М.: Худ. лит. 1982. –с.573.
55. Нольман М.Л. Пушкин и Саади - с. 126.
56. Ениколопов И. Из разысканий о стихотворениях Пушкина (К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой») // Временник пушкинской комиссии. 1975–М.: Наука, 1979.с.92.
57. Там же с. 93.
58. Курбанов Ш. Этапы развития азербайджанско-русских литературных связей в XIX веке.– Баку, 1969–с.101.
59. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. – М.: Искусство, 1983.–с. 321.
60. Гроссман Л. Пушкин, – М.: Серия «ЖЗЛ», 1939.–с. 448-449.
61. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1969с.195.
62. Там же. – с.197.
63. Белкин Д.И. Пушкинские строки о Персии. –с.194.
64. Гафиз. Пятьдесят газелей. Сталинабад: 1955.с.10.
65. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. – с. 402.
66. Литературная Евразия, –1999.–№4
67. Ахматова А. Последняя сказка Пушкина// Звезда, 1933, №1; то же: Ахматова А. О Пушкине. Статьи и заметки. Л.; 1977; Белкин Д. К истолкованию образа шемахан-

- ской царицы // Временник пушкинской комиссии. 1976–Л.: Наука. 1979; Бойко К. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник пушкинской комиссии 1976–Л.: Наука, 1979; Непомнящий В. Добрым молодцам урок // Непомнящий В. Поэзия и судьба. – М.: Советский писатель, 1983; Макогоненко Г.П. Творчество Пушкина в 30-е годы (1833-1836) –Л.: Худ. лит, 1982.
68. Гартаковская Л. Путешествие в Арзрум: Худ. исследование Востока // Творчество Пушкина и зарубежный Восток.– М.: 1991.
69. Там же.– с.139,140
70. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т., т. 1–М.: Худ. лит., 1974–с.469
71. 72. Там же.– с. 153.
72. См.: Брагинский И.С. Проблемы востоковедения. – М.: Наука, 1974с. 225.
73. Мейлах Б.С. Творчество А.С. Пушкина. Развитие худ. системы, М.: Просвещение, 1984–с.156.

ГЛАВА IV

1. Маршак С.Я. Молодым поэтам // Новый мир, – 1965, – №9,–с.235.
2. Розенфельд А.З. Пушкин в персидских переводах // Вестник ЛГУ,–1949 –№6; Розенфельд А.З. Русская литература в Иране и современная персидская проза // Вестник ЛГУ. История, язык, литература. – 20. – Вып. 4.–1968; Розенфельд А.З. Новые переводы А.С. Пушкина на персидский язык (30-70-е годы) // Временник пушкинской комиссии – Л.; 1984; Розенфельд А.З. Проза Пушкина на персидском языке/ переводы «Капитанской дочери» // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М.: Наука, 1991.
3. Лахути А. Предисловие к переводам произведений Пушкина // Собр. соч. в 6 т., т. IV– Душанбе, 1963 (на

- тадж. яз.); Хусейнзаде Ш. Пушкин и таджикские поэты // Споры и размышления – Душанбе: Ирфон, 1965 (на тадж. яз.); Шодикулов Х. Два перевода одного произведения / О переводе романа Пушкина «Евгений Онегин» // Садои Шарк – 1968. – №4; Шодикулов Х. Памятник // Садои Шарк – 1974 – №6
4. Каноат Мумин. Школа Пушкина // Памир .–1974–№6
 5. Миршакар М. Школа Пушкина // Памир.– 1974.–№6.
 6. Русские писатели о языке. –Л.: 1955–с.–192.
 7. Лахути А. Собр. соч. в 6 т., т IV – Душанбе: Госиздат, 1963. –с.125.
 8. Иванов С. «Евгений Онегин» на языках народов Средней Азии// Мастерство перевода 1976 –М.: Сов. писатель, 1977; Шодикулов Х. Два перевода одного произведения // Садои Шарк –1968–№4.
 9. Шодикулов Х. Два перевода одного произведения с. 151
 10. Бродский Н.Л. «Евгений Онегин» Роман Пушкина. – М.: Учпедгиз, 1964– с. 32.
 11. Иванов С. «Евгений Онегин» на языках народов Средней Азии. – с. 101-104.
 12. Даль. В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV –М.: 1956–с. 55.
 13. Словарь языка Пушкина, т. IV –с. 567.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. V –М.: Изд. АН СССР, 194 –с.555
2. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т., т. 8–М.: изд. АН СССР. 1952–с.384
3. Пушкин А.С. Итоги и проблемы изучения – М–Л.: Наука , 1966.

ПУШКИН И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ*

*Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны Тобой;
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.*

А. Пушкин. «Подражания Корану»

Всю свою творческую жизнь, начиная с юношеских лет, Пушкин посвятил раздумьям о судьбе человека. И о чем бы он ни писал, в каждом произведении его утверждались вера, надежда и тревога за настоящее и будущее человечества. Он страстно желал, чтобы человек «на суши и водах» был свободен и счастлив. Счастливым же можно стать лишь тогда, когда на душе у человека спокойно, когда главное для него – свершение добрых деяний.

Уж первые стихи Пушкина вызвали к нему всеобщее внимание. В.А. Жуковский писал в письме к поэту П.А. Вяземскому: «Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет».

Первые произведения Пушкина появились в печати в 1814 году, и год от года слава его росла.

Очень важными для Пушкина стали годы его учебы в Царскосельском лицее. Здесь он нашел верных друзей: Ивана Пущина, Антона Дельвига, Вильгельма Кюхельбекера. Здесь он встретился со многими выдающимися личностями того времени: офицером Петром Яковлевичем Чаадаевым, историком Николаем Михайловичем Карамзиным со многими другими замечательными людьми, которые оказали сильное воздействие на формирование его личности.

Темы дружбы и любви, мужества и стойкости в борьбе с трудностями жизни, темы, связанные с политическими и историческими событиями, темы природы и

философских проблем привлекают его на протяжении всей его творческой жизни.

Какие бы проблемы не волновали нас, мы всегда можем найти на низ ответ в стихах Пушкина. В них глубоко раскрывается его духовный мир, удивительное богатство его интересов. Они отличаются совершенным мастерством.

Высокую гражданственность его поэзии, глубокою значимость его свободолюбивых идеалов в общественно-политической жизни раскрыл А.И.Герцен: «Только звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений, эта песня продолжала эпоху прошлого, полнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее».

Сила и гармония пушкинского языка глубоко проявились во всех жанрах, к которым он обращался.

Все лучшее, что было создано ранее в русской поэзии, Пушкин сумел творчески освоить и развить, создав неповторимые, удивительно многообразные по богатству содержания и звучания произведения, которые обогатили не только русскую, но и всю мировую культуру.

В творчестве Пушкина – чувства и переживания поэта, связанные с картинами жизни всех времен и народов и главным образом эпохи, в которую жил и творил поэт, в ней образы самого автора и его современников. Здесь и отношение его к действительности, здесь внутренний мир и судьба, жизненный опыт, характеры людей его эпохи личные темы в его творчестве всегда связаны с философским осмыслением жизни. И поэтому творчество Пушкина – это целостная Художественная картина мир, в которой отражены все стороны жизни.

Тема вольности, любви к родине, желание во имя ее совершать героические дела – всегда были главными для поэта. Совсем еще юным, в лицейские годы он писал:

Я сердцем римлянин. Кипит в груди свобода...

И позже, несмотря на преследования и ссылки, он остается истинным певцом свободы.

В далекую Сибирь друзьям – декабристам и их товарищам он посылает стихи, исполненные мужества и глубокой веры в святость и героизм их дела:

Не пропадет ваш скорбный труд

И дум высокое стремленье, –

Удивительные по силе, беспредельно искренние стихи он посвящает своим друзьям.

Осужденный на каторгу его ближайший друг – декабрист Иван Пущин продолжает быть для него самым дорогим и близким человеком.

Мой первый друг, мой друг бесценный, – обращается Пушкин к нему в своем послании.

Трогательные, нежные слова находит он, чтобы передать свои чувства к глубоко любящей его няне – простой неграмотной крестьянке Арине Родионовне: «подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя», «добрая подружка бедной юности моей», «мой друг», «моя старушка». Чисто и возвышенно отношение поэта к женщине. Любовь пробуждает в его душе самые прекрасные чувства. Она помогает понять ему весь мир в его многоцветном сиянии, рождает поэтическое вдохновение, дает силы для свершения великих дел. Многие стихи поэта о любви поражают глубоким лиризмом, чарующей мелодией звучания. Их хочется повторять бесконечно:

Там, где море вечно плещет

На пустынные скалы,

Где луна теплее блещет

В сладкий час вечерней мглы... «Талисман».

В жемчужине любовной лирики поэта – стихотворении «На Холмах Грузии» особенно ярко раскрывается сила вечно живого чувства любви.

В ночь, полную торжественной красоты природы, душа поэта полна неизбывной нежностью к ней – единственно любимой:

*Мне грустно и легко – печаль моя светла,
Печаль моя полна тобой,
Тобой, одной тобой*

Любовь – живая потребность души. Без любви жизнь теряет свой смысл:

*И сердце вновь горит и любит,
От того, что не любить оно не может.*

Как луч, пронзает душу человека и стихотворение «Я вас любил». В нем чувства человека, решившегося, наконец, признаться в любовь любимой женщине. Он никогда прежде не говорил ей о своей любви и никаких надежд на взаимность у него нет. Мучили его и ревность, и робость. Но самое главное, что удерживало его от признания – это желание ничем не нарушить покой любимой женщины:

Я не хочу печалить вас ничем.

Эти слова – пушкинское кредо в его отношениях к Женщине и вообще к человеку.

В стихотворении глагол «любил» стоит в прошедшем времени, но речь идет о такой верной и сильной любви, и все оно пронизано такой светлой печалью, что хочется верить – такая любовь не может угаснуть. Лиризм стихотворения усиливается благодаря его звучанию. Слово «любил» повторяется здесь трижды, а еще в нем есть слова «любовь», «любимая». Такое благородное, мужественно сдержанное и бескорыстное чувство вызывает благоговение перед гением великого поэта.

В стихах, посвященных природе, всегда привлекает мысль о том, что природа, мечта и поэзия у Пушкина всегда неразрывно связаны.

Взлелеянный природой и мечтой,

Я знал поэзию, – пишет он и убеждает нас в том, что поэзия не может существовать раздельно от природы и мечты.

Поэтические образы, связанные с изображением природы, особенно глубоко раскрывают внутренний мир поэта, его чувства и переживания, вызванные различными обстоятельствами как личной, так и общественной жизни.

Какое произведение Пушкина мы бы не взяли, в нем серьезные раздумья о смысле жизни и природе, месте человека в ней, о жизни и смерти. Поэт горячо прославляет разум, науки, искусство.

Да здравствуют музы! Да здравствует разум!
– восклицает он в своей знаменитой «Вакхической песне».

Особенно часто его тревожат размышления о смерти. Мысль о том, что «чей-нибудь уж близок час», постоянно преследует его. Но печальные раздумья о смерти не мешают ему горячо любить жизнь со всеми ее радостями и горестями.

*Но не хочу, о други, умирать:
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать
«Безумных лет угасшее веселье»*

С юных лет Пушкина постоянно волнует тема поэта и поэзии, роли поэта в обществе, назначении поэзии.

В тяжелые годы изгнания именно поэзия помогает ему сохранить мужество и бодрость:

*Поэзия как ангел – утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой.*

Пушкин всегда считал, что поэт имеет право на свободу и независимость. будучи одним из самого прогрессивного люда своего времени и намного опередив современное ему общество в мышлении, он часто чувствовал себя одиноким, но твердо шел по избранному им пути. И главным на этом пути было стремление к Добру, Истине, Справедливости. Особенно ярко Пуш-

кин воплотил образ поэта, каким он сам себе представлял, в стихотворении «Пророк». Долг истинного поэта – видеть и слышать весь мир, объять всю вселенную, ощущать все в ней:

*... неба содроганье
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход
И дольней лозы прозябанье.*

Такое понимание призвания поэта было тесно связано и с творческими поисками его в «Подражаниях Корану». 1824-ый год становится рубежом в освоении Пушкиным нового художественного метода – реализма. И первым решительным шагом на пути реализма стали его «Подражания Корану», которые В. Белинский назвал «блестящим алмазом в поэтическом венце» Пушкина.

В последние годы все большее число исследователей жизни и творчества Пушкина отличает, что он был глубоко религиозным человеком. И тщательно изучал он не только христианскую библию, но и мусульманский Коран.

Время, когда создавались «Подражания Корану», было для поэта особенно сложным. В эту пору его серьезно волновали вопросы, связанные с положением поэта в обществе, его призванием и долгом.

Уж в первом подражании Корану Пушкин затронул многие главные темы Корана, раскрыл широту его проблем и многоплановость.

Торжественно, величаво и непререкаемо звучат стихи, вызывая трепетное волнение:

*Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой.*

И в последнем стихотворении цикла в полную силу звучат идеи несокрушимой веры в будущее, всепобеж-

дающий оптимизм, торжество справедливости в жизни. Деяния Господа вызывают восторг перед его всеилием, будят в душе новые силы и надежды:

*И чувствует путник и силу, и радость,
В крови заиграла воскресшая младость.
Святые восторги наполнили грудь,
И с богом он дам пускается в путь.*

Сам Пушкин как человек, поэт, гражданин обладал самыми прекрасными чертами характера. Его современник Н.В. Гоголь с восхищением писал о нем: «При имени Пушкина тотчас осенят мысль о русском национальном поэте... Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».¹

Через пушкинские произведения мы глубоко познаем душу русского человека, душу людей других наций и самих себя.

Таджикскому читателю Пушкин близок и дорог многими своими идеями и поэтическими образами. В персидско-таджикской поэзии они нашли воплощение столетия назад в творчестве Абдуабдулло Рудаки, Абулкасима Фирдавси, Джалолиддина Руми, Гафиза, Саади, Омара Хайяма, Камола Худжанди и многих других великих классиков Востока.

Более одиннадцати веков назад патриарх поэзии фарси Рудаки писал о главном назначении своей поэзии:

¹ Н.В. Гоголь. Собр. соч. в шести т., т. VI, М.: Гослитиздат, 1953, стр.

*Я в мягкий шелк преобразжал горячими стихами
Окаменевшие сердца, холодные и злые.*

Через века, через границы государств, языков различных народов, не нуждаясь ни в каких визах, перекликаются великие поэты разных времен и стран, прославляя вечные истины добра, красоты, мира. Рудаки утверждал:

Идеей могущества поэтического слова, бессмертия истинной поэзии пронизаны стихи великого Фирдавси:

*Не умер я, жив – пусть бегут времена,
Недаром рассыпал я слов семена,
И каждый, в ком разум и мысли светлы,
Почтит мою память словами хвалы.*

Эти стихи звучат в унисон с пушкинскими словами о бессмертии поэзии.

О нерукотворном поэтическом памятнике, о вечной жизни художественного слова гордо пишет Абдурахмон Джами:

*Давно лежат в земле тела поэтов,
Но живы имена – дела поэтов...
Нет памятника на путях земных
Прочней, чем слово прозы или стих*

Несомненно, что таджикский читатель, перечитывая гениальные пушкинские строки о любви:

*Я вас любил, любовь еще, быть может,
В моей душе угасла не совсем,
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем, –*

не может не вспомнить столь же пронзительные стихи классиков родной литературы:

*Да не будет твой ласковый взгляд омрачен,
И ничем да не будет твой дух огорчен! –*

обращается Гафиз к любимой, проявляя высокое благородство и жертвенность во имя ее покоя и счастья.

*Все равно, – найдешь себе жилище в сердце ли моем,
Будет ли душа тобой согрета? – Я люблю тебя, –*

признается Камоли Худжанди в газели «Я люблю тебя».

Первые переводы произведений Пушкина на таджикском языке появились в 80-ые годы XIX века. Известные таджикские просветители и поэты переводили его сказки, поэмы, драматургию, лирику. некоторые произведения переведены двумя – тремя переводчиками.

Мимо пушкинского наследия не прошел ни один таджикский писатель.

Пушкинские темы, поэтические образы, всеобъемлемость мировых идей и культур стали для писателей Таджикистана истинной школой. В 1974 году журнал «Памир» поместил цикл высказываний таджикских писателей под рубрикой «Школа Пушкина».

В последующие годы таджикские писатели снова и снова обращались к этой животрепещущей проблеме.

Мумин Каноат пишет: «Пушкин для меня всегда учитель, но не наставник, не перст указующий, а поэтический, человеческий пример... для меня, наследника таджикской классики, школа Пушкина – еще и школа обнаженной прямоты мысли и чувств, той прямоты, которая, я знаю, дается куда труднее, чем самый изощренный образ»².

Особенно активизировалась работа по переводу произведений Пушкина и по изучению его творчества в периоды подготовки к его юбилеям. Уже многие произведения Пушкина звучат на таджикском языке. Но нерешенных проблем еще множество. Ждут своего перевода еще многие лирические шедевры и произведения других жанров.

В таджикском литературоведении пушкиноведение занимает заметное место. В различные годы к отдельным проблемам жизни и творчества Пушкина обращались известные ученые республики. Особенно плодо-

² Мумин Каноат. Школа Пушкина – в сб.: Наш Пушкин. М.: 1999, стр. 226, 228

творно развивается направление, связанное с взаимодействием и взаимовлиянием творчества Пушкина с классической восточной и современной таджикской литературой.

Труды И.С. Брагинского («Проблема западно-восточного литературного синтеза. Гете. Пушкин 1974»), Хабиба Юсуфи («Пушкин и Байрон»), Ш.Хусейн-заде (Пушкин и таджикские поэты 1964), Вали Самада («Гафиз и Пушкин», 1967), М.Шукурова («Реплика Холику Мирзо-заде». 1974) Х.Шодикулова («Два перевода одного произведения. О переводе романа Пушкина «Евгений Онегин», 1968; «Памятник», 1974; «Пушкин и таджикская литература, 1999), Б.Ходжибоевой и М.Мирзоюнус («Пушкин и Восток», 1999³) и другие свидетельствуют о том, что интерес к творчеству Пушкина в течение последних десятилетий был постоянным.

Одновременно проблемы изучения жизни и творчества Пушкина широко изучались в методической литературе, что именно принципиальное значение в деле познания таджикскими читателями творчества Пушкина.

Важным событием в развитие пушкиноведения в республике Таджикистан стала Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, проведенная в мае 1999 года. Инициатором ее стали ученые Российско-таджикского (славянского) университета. На конференцию были представлены более пятидесяти докладов ученых – представителей высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов республики.

Доклады охватывали 4 важнейших направления, связанных с актуальными проблемами изучения жизни и творчества Пушкина:

³ Данный труд был отмечен Золотой Пушкинской медалью Российской Федерации

1. Творчество А.С. Пушкина в восприятии Востока.
2. А.С. Пушкин в русской и зарубежной литературе.
3. А.С. Пушкин и русский литературный язык.
4. Социальные и культурологические аспекты творчества А.С. Пушкина.

Несомненно, что такая конференция стала мощным стимулом для дальнейшего плодотворного развития пушкиноведения в республике.

На таджикском языке произведения Пушкина стали систематически издаваться, начиная с конца 30-х годов XX века. Отдельными изданиями выходят стихотворения, сказки, поэмы, драмы 1949 год, 150-летия со дня рождения Пушкина, ознаменовался выходом в свет двухтомника на таджикском языке. Редактором юбилейного издания стал Мирзо Турсун-заде.

В этот том вошли лирика Пушкина и его поэмы. Мы предполагаем, что при отборе произведений и определении порядка расположения составители руководствовались главным образом временем создания перевода. Лирика представлена 14 стихотворениями. Книгу открывает перевод Абулкасима Лахути стихотворения «Памятник», затем следуют переводы Х.Юсуфи стихотворений «К. Чаадаеву», «В Сибирь», Д. Сухайли – «Узник», Х.Юсуфи – «Деревня», Д.Сухайли – «Песня о Степане Разине», Араспура – «Желание славы», Б.Сируса «На графа Воронцова », А.Лахути – «В прохладе сладостной фонтанов», М.Фархада – «Соловей и Роза», А. Лахути – «Песнь о вещем Олеге».⁴

В эту же книгу вошли переводы поэм «Полтава» Х.Юсуфи, «Бахчисарайский фонтан», М.Рахими, «Кавказский пленник», Х.Юсуфи, «Цыганы», М.Амин-заде, «Братья -разбойники» Х.Юсуфи, а также драматические произведения.

⁴ Названия стихотворений нами приводятся согласно указанным переводам.

Из следующих крупных изданий на таджикском языке следует отметить сборник под редакцией Масто-на Шерали в 1979 году тиражом в 5000 экземпляров.

Из 48 лирических произведений, вошедших в книгу, 4 переведены А.Лахути, 15 – Мастоном Шерали, 4 – Лоиком Шерали, 5 – Кутби Киромом, 1 – Гульрухсор, 3 – Ш.Хайратом, 5 – Ф.Хабибулло, 5 – А.Асламом, 6 – Д.Каримзода.

Отдельный раздел здесь составляют «Баллады и послания», хотя и не все из включенных сюда произведений соответствуют этому жанру. Например, поэма «Анджело», переведенная Гаффором Мирзо. Включен в данную книгу и раздел «Поэмы», состоящий из 3 поэм. Кроме выше названных переводчиков, в книге имеются переводы 3 произведений, осуществленные Х. Мухтаром и 3 произведений, переведенных О.Мираком. Весь этот раздел, за малым исключением, составляют произведения, созданные Пушкиным в ранние юношеские годы, начиная с 1814 года. Данный подбор даст основание сделать вывод о том, что составители намеревались дать читателям понятие о том, как формировалось творчество поэта, к каким темам он обращался впервые и последующие своего творчества.

Заметным событием в культурной жизни республики стал выход в свет в 1984 году пушкинского сборника «Вечное слово», куда вошли 40 произведений Пушкина в оригинале и в переводе на таджикский язык. Составителем данного сборника является Н. Рахматуллаев. Выход такого рода издания является значительным событием в деле познания творчества Пушкина таджикскими читателями. Параллельное чтение русского и таджикского текстов дает возможность не только глубже постигнуть идейно-эстетический смысл произведения, но и создает оптимальные условия для успешного овладения русским литературным языком.

В различные годы отдельными изданиями выходили сказки Пушкина, повесть «Дубровский», роман «Капитанская дочка», роман «Евгений Онегин» и другие произведения.

Последняя по времени издания книга Пушкина – «нерукотворный памятник» («Кохи бегазанд»), вышедшая в 1999 году под редакцией Саидами Мамура.

Сюда вошли 54 стихотворения и 3 поэмы. В книгу включены наряду с уже знакомыми читателю переводами пушкинских произведений, новые переводы, осуществленные Бобо Ходжи и Хикматом Рахматом.

В настоящую книгу мы включили всего несколько стихотворений из ранней лирики Пушкина. Основу книги составляют произведения последующих лет.

Мы глубоко убеждены, что в ближайшие годы появятся новые переводы произведений Пушкина на таджикский язык, потому что Пушкин стал неотъемлемой частью духовной жизни таджикского народа.

Б.А. Ходжибаева

РОЗА

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости! Жалею!
И на лилею
Нам укажи.

1815

САДБАРГ

Фарзанди субҳдам -
Садбарг шуд хазон,
Садбарги мо куҷо,
Эй дӯстони ҷон?!
Умри ҷавонӣ ҳам,
Ин сон хазон шавад,
Ҳангоме субҳдам
Аз мо ниҳон шавад!
Аммо ба марги гул,
Ман нола мекунам,
Ҷӯро суроғ аз чаман
Аз ёла мекунам.

СЛЕЗА

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел,
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

"Скажи, что смотришь на дорогу? -
Мой храбрый спросил. -
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил".

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
"Гусар! уж нет ее со мною!"
Вздыхнул - и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал. -
"Дитя! ты плачешь о девице.
Стыдись!" - он закричал.

"Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отправить бокал! ...

АШК

Дӯшина ман бо афсаре,
 Биншаста даври соғаре.
 Хотирпарешу хастадил
 Чашмам ба роҳи дилбаре

Гуфто: чаро чашмат ба роҳ,
 Эй гурдмарди некрӯ.
 Бо дӯстони худ видоъ
 Нанмудаӣ, ҳоло бигӯ?

Сар дар бағал бинҳода ман,
 Оҳиста гуфтам, афсаро!
 Аз ёри ҷони хеиштан
 Кайҳост ман гаштам ҷудо!

Ашке ба нӯги мижаам
 Ларзиду дар соғар чакид.
 Гӯё зи авҷи осмон
 Як қатраи ахтар чакид.

Гуфто: писар, шарму ҳаё
 Дорӣ магар андар вучуд.
 Ин ашкрезӣ баҳри зан
 Ҳаргиз наорад бар ту суд.

Гуфтам, най дардошно
 Донӣ, низому номро.
 Як қатра ашки дидаам,
 Олад ба захр ин ҷомро.

ЖЕЛАНИЕ

*Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье –
Пускай умру, но пусть умру любя!*

1816

ХОҲИШ

*Рӯзҳоям ҳама оҳиста равад
Ва ҳар он лаҳза ба дил бор шавад.
Ҳама андӯҳи гамолудаи ишқ,
Зи дилам шӯраду бедор шавад.*

*Лек бар ҳарфи дилам дам назанам
Ашқ резам, магар ором шавам.
Дили ман ҳаст асири гаму дард
Бувад осоиши ӯ дарду гамам.*

*Бирав, эй умр? – Надорам гами ту,
Гайб зан дар дили гамсӯзи фано.
Ба ман аст ишқи гамолуда азиз
Мирам ар! – Мон, ки бимирам ба вафо.*

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

БА ЧААДАЕВ

Умеду шӯҳрати пурифтихору ишқбозиҳо
Каме бо ҳила моро дӯстдорӣ – ёварӣ карданд.
Ба зудӣ дилхушиҳои ҷавонӣ, - хуррамӣ аз мо
Чу хобу чун туманҳои пагоҳӣ дур гардиданд.
Вале ҳоло дили мо мезанад аз орзуҳо ҷӯш:
Ба зери ҷабру зулми ҳокими пурваҳшати манҳус
Ба қалби беқарори худ нагашта ҳеч як маъюс.
Ҳамесозем мо, ҳар вақт, фармони ватанро гӯш,
Ба монанди ҷавони ошиқе, ки рӯзу шаб – ҳар дам
Бувад дар интизори дидани рӯи хуши ҷонон.
Ба дилгирию бесабрӣ ба уммеди қавӣ мо ҳам
Бар озодӣ ҳамеша интизорем андар ин даврон.
Зи шавқи ҳуррият имрӯз ҳоло мо чу дар ҷӯшем,
Чу ҳоло зинда аз баҳри шараф – номус қалби мо,
Азизи ман, биё, ки ҷӯши зебои дили худро
Баҳам мо аз барои модари мушфиқ – ватан бахшем.
Рафиқам, гӯш деҳ: бовар намо в- аз ин ту бош огоҳ,
Намояд дилрабо начми саодат, оқибат худро,
Шавад бедор мулки русу дар вайронаҳои шоҳ,
Нависанд он замон бо хомаи фирӯз номи мо.

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой - я променял порочный двор Цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой - люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...
Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,

К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.
Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стоны,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

ҚИШЛОҚ

Намоям ман туро табрик, эй кунҷи биёбонӣ,
 Паноҳи меҳнату андешаю илҳому оромӣ.
 Ҳамон манзил, ки он ҷо дар канори бахту танҳой
 Ба монанди саробе рӯзҳои ман шавад қорӣ!
 Ман аз ту: ман сарои пур зи фисқи подшоҳонро
 Залолат айширо ҳам, базмҳои дилкушоро ҳам
 Ба шавқуну булутзору ба хомӯшии саҳроҳо,
 Ба ҳамоғӯшии фикру бар озодӣ иваз кардам.
 Ман аз ту : дӯст медорам зи ҷонон боғи дилкаширо,
 Ҳамон гулҳои рангорангашу салқиниҳояширо.
 Алафзори кабудеро, ки бӯи анбарин дорад,
 Ва дар он ҷўчаҳо ҳар сӯ зи байни бутта метозанд
 Ба наздам ҳар тараф картинаҳои хурраму зебо
 Намебинам дар ин манзил ду кӯли

лоҷувардиро,

Ки тобад гоҳ бо сайёди моҳӣ бодбон дар он,
 Паси он теппаҳову киштзори дилкашу майдон
 Зи дуре хонаи қишлоқиён ҳар ҷо намоёнанд,
 Ба соҳил ғаллаҳо ҳар сӯ ҷарида сайр месозанд,
 Намоён дар назар анборҳои тираю пурдуд,
 Ва чандин осиеи болдоре дар канори руд.
 Ба ҳар ҷониб нишони меҳнату қору фаровонӣ.
 Ман озодам зи банду ишкели беҳуда дар ин ҷо,
 Кунам қонунпарастӣ бо дили озод ҳам пурҷўш,
 Бичўям дар ҳақиқат дилхушию некбахтиро
 Шикоятҳои бесуди авомонро насозам гўш.
 Шарикам илтиҷои шармгини бенавоёнро
 Насозем рашк тақдири авомону шариронро
 Бузургони замонҳо, бар шумо рӯ оварам ин ҷо!
 Ба гўши ман садоҳои шумо хуш мерасад ҳар гоҳ,
 Дар ин хилватсаро ин гўшаи бошағни пурҳашмат,
 Ки он меронад аз ман хоби вазнини гамовавро.

Ва шавқамро зиёда мекашад бар ҷониби меҳнат,
 Бигирад фикри эҷодиатон дар мағзи қалбам ҷо.
 Вале як фикри даҳшатнок дилро тира месозад
 Даруни кӯҳсору боғу саҳроҳои бишуфта,
 Муҳибби одамият бод дили гамгин ҳамебинад,
 Ки ҳар ҷо ҷоҳилӣ, шармандагиҳо ҳукмрон гашта.
 Надида ашкро, диққат накарда оҳу афгонро
 Дар ин манзил ҷинобон, ваҳшиён беҳиссу – беқонун
 Ба зарби қамчи зӯрию бо зулми зи ҳад афзун.
 Азони худ намуда қору мулки вақти деҳқонро,
 Дар ин ҷо дар замини ҳокими бераҳму бадқирдор
 Ситамкаи тӯдаи деҳқон ба зери қамчи ваҳшат,
 Амочи гайро, ҳам карда қаддаш, мекунад меҳнат,
 Ба даҳшат ҳукм меронад гуломӣ, ҷабр, истисмор.
 Азоби юги вазнин то дами мурдан кашанд ин ҷо,
 Умеди қобилиятро ба дил парварда натвонанд.
 Ба худ асбобу базми дилхушии фосиқон гарданд.
 Дар ин манзил шукуфта ҳамчу гул навраста
 духтарҳо.

Паноҳи меҳрубонӣ пир гардида падарҳошон-
 Писарҳои ҷавон ёрони пурбардори меҳнатро
 Бурун оянд аз манзилгаҳи худ ҷониби майдон
 Ва пур созанд сафҳои ситамдида гуломонро.
 Чӣ хуш гар аз садои мандили инсон шавад ҷӯшон!
 Чаро дар синаи ман оташи сӯзони беборест?
 Чаро дар санъати гуфтор бар ман қобилият нест?
 Бубинам ман ҳам оё, дӯстонам, халқро озод,
 Ба амри подшаҳ афтодани ҷабру гуломиро,
 Ва бар мулки зи илму фанну ҳуррият шуда обод.
 Барояд дилрабо, зебо шафақ оё ба бахти мо?

РУСАЛКА

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл —
И лишь о смерти возделенной
Святых угодников молил.
Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился богу.
Дубравы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах.
Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять...
И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.
Глядит на старого монаха
И чешет влажные волосы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...

*И вдруг — падучею звездою —
Под сонной скрылася волной.
Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день —
Перед собой с невольной думой
Все видел чудной девы тень.
Дубравы вновь оделись тьмою;
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.
Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
«Монах, монах! Ко мне, ко мне!..»
И вдруг в волнах прозрачных тонет;
И все в глубокой тишине.
На третий день отшельник страстный
Близ очарованных берегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.*

ПАРӢ

Дар лаби кӯли бешии анбӯҳ,
 Роҳибе чун гурезагон мезист,
 Бо ҳама тоату ибодатҳои,
 Руст аз чашми мардумон мезист.
 Дар ҳамон ҷо ба гӯшае ором,
 Баҳри худ гӯр ҳам кофта буд.
 Дар нигоҳи аҷал намеафтод,
 Чора ҷуз зиндагӣ наёфта буд.
 Як саҳар зери боми хонаи хеш
 Саҷда бар даргаҳи Худо мекард.
 Ногаҳон беши ранги тира гирифт,
 Кӯл гӯё ки мочаро мекард...
 Пардаи тор рӯйи кӯл давид,
 Абр андоми осмон пӯшид,
 Роҳиби пир дид ҷониби об,
 Моҳ гӯё аз он ҳамечӯшид...
 Боварӣ бар ниғаҳ намекард ӯ,
 Дидагон сӯи кӯл ҳайрон буд.
 Мавҷҳо галту хез мекарданд,
 Пир дар ҳолате парешон буд,
 Ногаҳон чун шабаҳ сабукрафтор,
 Ҳамчу барфи ситег поку сафед,
 Нозанине зи кӯл берун шуд.
 Рӯйи соҳил нишаст чун хуршед
 Мӯйи тарро ба панҷа шона зада,
 Ниғаҳаш сӯи пир дӯхта буд,
 Пири тарсу дар оташи ҳуснаш
 Ҳезуми хушқвор сӯхта буд.
 Сӯйи роҳиб шиораҳо мекард,
 Бо сару дастҳои чолокаш...
 Ногаҳон чун ситораи паррон,

Ғарқ дар об шуд тани покаш...
Пир бехоб шуд тамоми шаб,
Ҳам ибодат накард баҳри Худо,
Дур аз дидааш намегардид,
Он парӣ бо тамоми ҳусни расо.
Беша аз нав либоси тира гирифт,
Моҳ дар осмон шиновар шуд,
Он парӣ боз аз сари мавҷе
Ҷониби пир ҷилваовар шуд.
Боз аз дур бӯса медодаш,
Бо ҳазор ишваю ишоратҳо,
Ханда мекарду гирия меангехт
Рӯи амвоҷи чун иморатҳо...
Пирро сӯи хеш мехонад:
«Роҳибо, роҳибо, ба наздам о...»
Ногаҳон чун маҳӣ ба коми мавҷ
Рафт он нозанини беҳамто...
Роҳиби зори дидани танноз
Менишаст аз пагоҳ то дили шаб.
Шояд он нозанин расад аз об,
Лек н-омад ба каф дури матлаб...
Субҳ афканд пардаи шабро,
Роҳиби пир худ ба худ гум шуд
Як саҳар рӯи об риши сафед
Ҷилвагар неши чашми мардум шуд!

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;
Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.
Однажды я созвал веселых гостей:
Ко мне постучался презренный еврей.
«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».
Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.
Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.
Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...
В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.
Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.
Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.
Я помню моления... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!
С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.
Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.
С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.
Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

ШОЛИ СИЁҲ

*Чу бар шоли сияҳ созам назора,
Дили сардам шавад аз гусса пора.*

*Чавонӣ буду будам зудбовар,
Шудам ошиқ ба як юнонидухтар.*

*Маро мекард лутфу меҳрубонӣ,
Вале рӯзам сияҳ шуд ногаҳонӣ.*

*Яке дар ҳалқаи ёрони сархуш
Чуҳуди сифлае дарро бизад мушит:*

*«Ту ин ҷо бо ҳарифон бодапаймо,
Ба ту ёрат хиёнат кард он ҷо».*

*Ба ӯ як танга тилло дода рондам,
Гуломамро ба назди хеш хондам.*

*Нишастам пас ба асти барқҷавлон,
Ба дил хӯрда ҳазор афсӯси пинҳон.*

*Шудам бар кӯи он юнонидухтар,
Сияҳ зад чашму ҳолаш гаит абтар,*

*Чу бикшодам ба хилватгоҳи ӯ дар,
Бидидам: арманияш бўса мекард.*

*Қаҳон торик шуд, ханҷар дурахшид,
Варо он арманӣ дигар набӯсид.*

*Танаш бесар ба зери пои ман буд,
Куҷо аз марги ӯ парвои ман буд.*

*Ба ранги канда бар он сустпаймон
Нигаҳ кардам. Ба хуни хеш галтон.*

*Таваллою тазарро карду ҷон дод,
Бирафт ишқи дили ман низ барбод.*

*Кушодам шоли ўро бо дили реш,
Намудам пок хуни ханҷари хеш,*

*Чу шаб омад, гуломам наъшашонро,
Фурӯ афканд бар амвоҷи дарё,*

*Аз он пас чашми фаттоне набӯсам,
Аз он пас нест равшан ҳеҷ рӯзам.*

*Чу бар шоли сияҳ созам назора,
Дили сардам шавад аз гусса пора.*

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

*Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет;
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее —
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут,—
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый:
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.*

1821

ЗАМИН ВА БАҲР

Чу дар паҳнои Баҳри осмониранг
Вазад боди сабо оҳистаю ором,
Ва киштиҳою заврақҳо миёни Баҳр
Битобад дар назар чун савлати айём:

Зи дӯш афканда ман бори ҳама ташивиш,
Нишинам фориг аз ранҷу гами даврон.
Басе савту садоҳоям равад аз ёд,
Ба чуз аз гурриши амвоҷи саргардон.

Ба худ чӯшидаю шӯридаю гуррон,
Даме амвоҷ ояд ҷониби соҳил,
Бигуррад раъду оташ барқ афшонад,
Бигирам дар миёни беша ман манзил.

Ва дур аз Баҳр, дар огӯши ҷангалзор,
Маро меҳри Замин афзун шавад дар дил.
Дилам сӯзад ба ҳоли зори моҳигир,
Ки ҷонаш дар азоб асту ба нӯги қил.

Дили ман гарм бо меҳри Замин гардад,
Фарогатҳо бувад моро дар огӯшаш.
Нишинам дар лаби чӯе ба танҳой,
Бихонам то суруди хеш дар гӯшаш.

* * *

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец –
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один – на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

1821

* * *

Чу хоҳишиҳои ман рафтанд дар хок,
Шудам бегонаи ҳар орзуям,
Насибам гашиа акнун оҳи гамнок,
Диле истода холи ру ба рӯям!

Чу будам дар дами тӯфони қисмат,
Гулам пажмурдаву берангу бӯ шуд,
Кунун омодаи анҷоми хешам,
Ниҳолам хушк дар паҳлӯи чӯ шуд!

Чунон, ки охирин барге ба шохе,
Тасаввур мекунад тӯфони дайро,
Мани дилхаста дар роҳи ҳаводис,
Ниғаҳ дорам шамоли зиштпайро!

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

*Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.*

*Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.*

*«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».*

*«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.*

*Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;*

*И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.*

*И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.*

*Твой конь не боится опасных трудов:
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».*

*Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой оперишься на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.*

*«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!*

*Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите:*

Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег: —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доньше носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

*Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалеко,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!*

*Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужасенный князь.*

*Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.*

1822

ДОСТОНИ ОЛЕГИ ДИЛОГОҲ

Ба кин хостан аз хазарҳои нодон,
 Олеги дилогаҳ шуда раҳсипор.
 Ба товони яғмо деҳу дашти онон
 Намудаст маҳкуми теғу шарор.
 Ба тан шоҳшаҳрӣ – зиреҳ, пеши лашкар,
 Бар асти вафодор амири диловар.

Ба ӯ рӯбарӯ гайбгӯ марде обид,
 Бурун омад аз ҷангале тирагун,
 Аз асрори адвори оянда қосид.
 Парастанда танҳо ба зоти Перун,
 Фидо карда умре ба фолу дуоҳо,
 Ба пеш омад Олег бари марди доно:

« Бигӯ, гайбгӯ, эй ҳабиби худоҳо,
 Чиҳо оварад зиндагӣ бар сарам?
 Ба бахти адӯҳои ҳамсоя оё
 Шавад зуд хоки сияҳ бистарам?
 Ҳақиқат баён кун, машав ҳеҷ тарсон,
 Ҳар аспе, ки хоҳӣ, мукофот бистон...»

«Натарсад муг аз ҳокимони тавоно,
 Ба инъомашон ҳам надорад ниёз,
 Забони муг озода асту мусаффо,
 Бувад бо фалак доимо гарми роз.
 Ба торикӣ аст отия, бар ман аммо
 Зи равшан – руҳат ҳаст фоли ту пайдо.

Ба хотир бидор ин суҳанҳои манро:
 Зи шӯҳрат бувад шодмон размгар,
 Бувад номи ту бо зафар шӯҳра ҳар ҷо,
 Ба дарвозаи шоҳшаҳрат сипар.

Ба обу ба хушкӣ туро ҳаст нусрат
Ба бахти баландат барад хасм ҳасрат.

Фиребанда амвоҷи дарёи ахзар,
Чу тӯфони муҳлик барорад нафир,
Синон ҳам, камон ҳам, чу маккора ханҷар,
Кунад раҳм бар умри пирӯз –мир.
Ту дар ин зиреҳ захм ҳаргиз надонӣ,
Бувад паҳлавонро муҳофиз ниҳонӣ.

Самандат натарсад зи ранҷи равонкан,
Зи азми худованди худ бохабар,
Гаҳ ором дар зери пайкони душман,
Гаҳе гарми тозиш ба дашти ҳунар.
Наярзад ба чизе бариш разму сармо,
Вале ёбӣ аз исти худ марғи худро».

Олег чун шунид ин, бизад заҳрханде,
Аз андеша тира нигоҳу ҷабин.
Фуруд омад аз аспу бар пой чанде
Ба зин така бинмуд андуҳгин.
Кашад дасти падруд Олег бо навозиш,
Ба ёлу сари ёри майдони тозиш.

«Видоъ, эй рафиқам, набинад пас аз ин,
Рикоби тилои ту пой маро.
Замони ҷудой шуд, эй ёри дерин,
Фаромӯш макун рӯзҳои маро.
Тан- осуда бошу макун дил парешон,
Раҳат хуш, рафиқам!.. Баредаш ҷавонон!

Чул аз шолу қолича бояд бипӯшад,
Чаронедаш андар алафзори ман.

Беҳин ҷав хурад, оби чашма бинӯшад,
 Сару по бишӯедашу ёлу тан».
 Ҷавонон бибурданд зуд аспи ўро,
 Бидоданд аспи дигар ҷангчўро.

Кунад бо сипаҳ айш Олеги дилогаҳ,
 Ба овози ҷому дафи дилнавоз.
 Сафеданд мўҳо чу барфи саҳаргаҳ,
 Ба фарқи меҳин – тептаи сарфароз.
 Далерон ба ёд оваранд аз ҷавонӣ,
 Зи пайкори он давраву паҳлавонӣ,

«Рафиқам, чӣ шуд? – гуфт Олег – дўстам ку?
 Кучояст он тездав, аспи ман?
 Саломат, ҳамонсон сабуктозиш аст ў!
 Ҳамон гуна бозикунон шеҳазан?»
 Бигуфтанд: дар рӯи талли баланде
 Ба хоби абад рафт аз ин пеш чанде.

Ба сина фуру бурда сар мири голиб
 Ба худ гуфт: «Ку фоли пайгамбарӣ?
 Ту девонаӣ, эй муг, эй пири козиб!
 Ба ҳарфат набуд гар маро боварӣ,
 Ба дастам будӣ то кунун ҳам инонаш...»
 Сипас хост бинад Олег устухонаш.

Ба сӯи Днепр инак Олег равон шуд,
 Зи пас Игору меҳмонҳои пир.
 Ба рӯи тал он бошараф устухон буд.
 Гирифта губори заминаш ба зер,
 Бишӯяд варо абр фасли баҳорон,
 Ба рӯяш алафро кунад бод ларзон.

Олег нарм бар ҷумҷума по фишурда
Бигуфтаи, ки: Бекас – рафиқо, бихоб!
Бубин соҳиби пири худро намурда,
Ба дафнам, ки пеш оядам бо шитоб,
Ба зери табар не ту гардан гузорӣ,
Ба хокам на хуни ту созанд чорӣ...

Нигаҳ кун, кучо буда пинҳон ҳалокам,
Зи маргам битарсонад ин устухон!..»
Бурун аз сари мурда море дар он дам
Ҳазида бипечид ҷир-ҷир кунон
Ба сони наворе ба пояи саросар...
Фигон омад аз нешхӯрда диловар.

Дар оини дафни Олег даста-даста
Ба гардиш ҳама кӯзаҳо кафкунон.
Ба тал мир Игор ва Олга нишаста,
Ба соҳил азодори дӯстон.
Далерон ба ёд оварданд аз ҷавонӣ,
Зи пайкори он давраву паҳлавонӣ.

ГРЕЧАНКЕ

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной...
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи — когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал, иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине?
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу;
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно все, что мило. 1822

БА ЮНОНИДУХТАР

Туро аз баҳри он зодаст модар,
Ки афрузӣ хаёли шоиронро,
Ба ҷазби ҳар саломи меҳрпарвар
Дихӣ оғоз шеъру достонро.
Каломи тобноки шарқиёна,
Дурахши дидаи оинакирдор...
Бувад подош бар аҳли замона.
Ки ишқи хуфтаре созанд бедор.
Даме, ки шоири ранҷурсимо
Қалам мезад ба нақши поки Лайло,
Магар тарҳи туро неши назар дошт,
Ки ту рӯидаӣ аз хоки Лайло...
Бале, шояд, ба мулки дурдасте,
Ба зери осмони поки Юнон
Туро дар хоб ё бедор дида
Ва ё овозаи ҳуснат шунда,
Лиқоятро, рухи барги гулатро
Даруни синаи худ дошт пинҳон?..
Бале, шояд, к ибo сеҳри каломаш
Туро бар доми худ андохт шоир,
Дилатро изтиробе кард оғӯш,
Саратро нармакак бинвохт шоир?
Бубаҳшо, дӯстам, дар оташи рашк
Аз ин бечо суханҳо сӯхтам ман,
Лиқои бахт буд бегона аз ман,
Тариқи дӯстиши омӯхтам ман;
Аз он тарсам – мабодо бар рухи бахт
Нигоҳи шавқ бечо дӯхтам ман? ...

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
 Вскормленный в неволе орел молодой,
 Мой грустный товарищ, махая крылом,
 Кровавую пищу клюет под окном,
 Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
 Как будто со мною задумал одно;
 Зовет меня взглядом и криком своим
 И вымолвить хочет: "Давай улетим!
 Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
 Туда, где за тучей белеет гора,
 Туда, где синеют морские края,
 Туда, где гуляем лишь ветер... да я!.."

1822

БАНДИ

Ба пушти панчарамон, дар рутубати зиндон,
 Ба бандагӣ шуда парварда як уқоби ҷавон,
 Рафиқи гамгинам, афшонда боли худ ҳар бор,
 Ба сайди хунӣ занад зери панчара минқор.

Фиганда, нӯл зада, бар тиреза менигарист,
 Чунон ки бо дили ман гӯиё бо як фикрест;
 Ба он нигоҳу ба фарёд мезанад ҷегам
 Ва хоҳад ӯ, ки бигӯяд: «биё, парем ин дам!

Ману ту тоири озод, вақт, эй чон!
 Бар он тараф, ки паси абр кӯҳҳо тобон,
 Бар он тараф, ки намоёд кабуд соҳили баҳр.
 Бар он тараф, ки фақат бод...ҳам манам бар сайр!»

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.
Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.
Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.
Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шумы, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.
Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.
Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.
Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.
В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Ту ба тугён будӣ.. ман знцирбанд
 Дар такопӯ буд чун ту қалби ман.
 Бо тамоми эҳтироси ошиқӣ
 Дар канорат меситодам бесухан.

Ман чи андешам? Чу дар ҳар як макон
 Кардаам тай роҳҳое беҳатар?
 Он яке мавҷудии хушикии ту
 Метавонад кард бар ҷонам асар.

Он яке харсанг, тобути шараф...
 Беҳабар гардидааст ин ҷо ниҳон.
 Хотироти бас бузурги хешро
 Кардааст ин ҷо ниҳон Наполеон.

ӯ дар он ҷо ёфт оромии хеш,
 В- аз паси ӯ ҳамчу бӯрон бо садо
 В- аз миёни мо дигар кас шуд бузург, -
 Дигаре ҳоким ба ақлу ҷони мо.

В- он зи ашки рӯзи озодӣ гурехт,
 Монда аз худ афсариширо ёдгор.
 Буд, эй баҳр, ӯ ба ту овозхон,
 Дар талотум бошу овозе барор.

Маънан ӯ аз баҳри ту буд зиндаҷон,
 Тарҳи ту буд андар ӯ суратпазир.
 Ҳамчу ту гамноку зӯру мавҷзан,
 Ҳамчу ту дар саркашиҳо беназир.

Шуд ҷаҳон инак тиҳӣ.. акнун маро
 Мебарӣ, эй баҳр, акнун то кучо.
 Ҳаст ҳар ҷо қисмати инсон яке,

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ

Посвящено П. А. Осиповой

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:²
Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?
Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
Стезеею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!
А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,

*И все пред Бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.*

IV

*С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!*

V

*Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.
Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.
Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насыляет тучи;
Дает земле древесну сень.*

*Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!*

VIII

*Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не съть своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.
Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань.*

IX

*И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладезь под пальмою видит он вдруг.
И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.
Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:*

ИҚТИДО БА ҚУРЪОН

Эҳдо ба П. А. Осипова

I

Қасам ба чуфту тоқ,
 Қасам ба ханҷару газо қасам
 Қасам ба кавкаби саҳар
 Ва бар намози шому партави дуо қасам.

Бидон, ки ҳеч тарки ту накардаам,
 Киро, бигӯ, киро нишондаам ба сояи рафоҳ.
 Киро, киро ҳабиби хеш хондаам,
 Киро зи сури хасм додаам паноҳ.

Кӣ буд обро расонда бар начоти ту,
 Гаҳе, ки сӯхтӣ зи таффи дашти ташинаҷон.
 Кӣ буд он ки дод бар забони офтобият
 Тавони фатҳи рӯҳҳои бекарон.

Ту ҳам муаззамона решаи риё бикан,
 Ба роҳи ҳақ, ки меравӣ, давом деҳ.
 Ятимпарвару башарнавози ман,
 Ба халқ аз Китоби ман наём бидеҳ.

II

Эй закон, эй закони поки набӣ,
 Аз ҳама бонувон чӣ мумтозед.
 Дур аз камтарин губори гуноҳ
 Хоксорона зиндагисозед.
 Сидқ афканда дар вучуди шумо
 Чодари поки духтари мастур,
 Ки фақат бар навозиши шаръӣ
 Додаед аз барои худ дастур.

*Бо он ки зи сӯи Розик ӯро омад
Ҳам меваю нон, ҳам рутабу ҳам зайтун.
Подоши талошу заҳматаш ӯро дод
Саҳрои самарнисору боғу ҳомун..*

*Аммо чу малак ду бор бинвозад сур,
Бо ваҳшати беифода таркад тундар.
Он лаҳза бародар аз бародар бирамад.
Он лаҳза писар раҳо шавад аз модар.*

*Он ҷумлаи худбохта аз даҳшату бим
Ҷорӣ бишаванд як ба як сӯи Худо.
Афканда шаванд сифлаву нопокон
Печида ба гарду оташи Рӯзи ҷазо.*

IV

*Паҳлавоне хост дар аҳди қадим,
Бо саре пурбору бо кибре азим
Бо ту ҳамсабқат шавад, эй Кирдугор,
Ту вале кардӣ нидо: Эй ҳечқор!
Ман ба дунё зиндагӣ кардам ато,
Маргро ҳам додаам мисли ҷазо.
Ҳар ду олам ҳаст дар фармони ман.
Гурд гуфто: Пас туй ҳамсони ман.
Чун ту ман ҳам зиндагӣ эҳдо кунам,
Ё чу ту теги аҷал боло кунам.
Лек ногаҳ он гуруру ман - манӣ
Пора шуд аз бонги анҷумафкане:
«Офтоб аз шарқи ман шуд раҳгузор,
Гар тавонӣ, ту зи гарб онро барор!»*

*Аҳсан, аҳсан бар Шумо, эй аҳли нусрат,
Камдилонро лек сад ҳайфу тамасхур.
Баски бар роҳи газо худро набурданд
Фатҳро нокарда боре ҳам тасаввур.*

*Инак, огаҳ аз ганиматҳои пайкор,
Бо пушаймонӣ диҳанд овои ҳоҷот:
- Баъд аз ин моро ба сафҳотон назиред,
Лек дар посух шумо гӯед: - ҳайҳот.*

*В-он шаҳидон низ гарқи нури раҳмат,
Ошён карданд дар айвони минӯ,
Гӯтавар дар лаззати беинтиҳой,
Шодком аз неъматӣ алвони минӯ.*

VII

*Бархез, эй рамида.
Дар гор – гори мастур,
Фонуси лояъзолӣ,
То субҳ метанад нур.*

*Аз фикрҳои торик,
Аз хобҳои қачрав
Бо партави ниёши,
Пайгамбаро, раҳо шав!*

*Маҳви фурӯги таслим,
Шаб то саҳар дуъо хон,
Бикишо Китоби аршӣ:
То субҳ сураҳо хон!*

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.
Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.
Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!
Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!
Смиранный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.
Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтической побег!
Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

БА СҮИ БАҲР

*Хайр, эй мавҷуди озоди замин,
Бори охир дар нигоҳи чашми ман.
Ту ҳамечӯшӣ, аё мавҷи кабуд
Бо тароватҳои ҳусни ҳеитан.*

*Ҳамчу шав-шуви рафиқа гамнавоз
Ҳамчу фарёдаш ба гоҳи хайрухуш.
Нагмаҳои дардноку даъватат
Бори охир ман шунидастам ба гӯш.*

*Қалби ман ин соҳили хоҳишхост,
Эй басоҳо ман зи соҳилҳои ту
Тай задам хомӯшу тӯфонихаёл
Гашта бар андешаҳои худ фуру,*

*Мавҷоят баҳри ман маҳбуб буд,
Ҳам садои шӯру исёни дилат,
Ҳам ҳамӯшиҳои шабҳангоми ту,
Ҳам шикасти мавҷ андар соҳилат..
Бодбони дилрабои хуштарош.*

*Пеши истиғнои ту сар ҳам кунад,
Гӯӣ мелағжад зи лапшиҳои ту.
Мавҷи ту чун пушти ҳам хезад зи ҷо
Аз шино кардан варо мулзам кунад.*

*Бо тамоми баҳри ман мумкин нагашт,
Соҳилатро то зи худ созам раҳо.
Ман туро табрик созам бохурӯш.
Ҳам ба амвоҷи ту ман созам равон
Аз гурури шоирям шеърҳо.*

*Ҳар куҷо некӯст, он ҷо бегумон
Посбон аст зулму бедоду ҷафо.*

*Хайр, эй баҳр! Рангу амвоҷи туро
Ман нахоҳам бурд боре ҳам зи ёд.
Шомгоҳон лаҳзаҳои сайругашт,
Хотирамро бо ту хоҳам кард шод.*

*Бар сукути дашту қангалзорҳо.
Мебарам шӯри туро ман сарбасар.
Ҳам халиҷу сангу тугёни туро
Бо забони мавҷҳои нағмагар.*

*Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В паренье дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых.*

III

*Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье:
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.
С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!
Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?
За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?
За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?
Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.*

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI

Не даром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.
Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!
Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.
Блаженны падиши в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,

*«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.
Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладезь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».
И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.
И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.*

*Ин мабодо, ки чашми бегоат
Бибарад аз рухи шумо лаззат.*

*Дил зи хони Муҳаммад афрӯзед,
Эй, Шумо, қосидону меҳмонон.
Нагузореда дар паямбари ман
Ҳеч гарде зи гирудори ҷаҳон.
Бо газофу ҳуруфи тӯлонӣ,
Нафароредаш аз сууди хаёл.
Саҷда ореду умматӣ бикунед.
Бо адаб, бо фуруғи неки ҳисол,
Шукр гӯед аз барои қабул
Ба канизони навҷавони расул.*

III

*Афтод дар абруи набӣ банди гираҳ,
Чун дид, ки мерасад зи раҳ бебасаре.
Он кӯр давон гузаит дар пардаи ҷурм,
Раҳгумзада дар ихотаи беҳабарӣ.
Дастур расидат аз китоби аришӣ,
Эй пайқрасон, на баҳри печидасарон
Маҷбур масоз кӯрботинҳоро
Бар ҳар ки назирост, бубахшо Қуръон.*

*Аз баҳри чӣ одам ин қадар менозад
Бо он ки бараҳна бар ҷаҳон омадааст.
Бо он ки ҳақиру нотавон хоҳад рафт,
Он гуна, ки саҳт нотавон омадааст.*

*Бо он ки набуда дар салоҳияти ӯ,
Пажмурдану бори дигар эҳё шуданаиш.
Бо он ки иродаи Худо бошаду бас
Андӯху нишотаиш, гуму пайдо шуданаиш.*

V

Намечунбад замин. Сақфи фалакро
Ба рӯи каф нигаҳдорандай ту.
Дар обу хушкиву дар рӯи моҳам
Намеафтад зи боло сақфи нуҳту.

Туй, ту офтобафрӯзи якто.
Бад-он нури фалаксайру заминбӯс.
Загири равғаномез аст хуришед,
Ки рахшад дар булури поки фонус.

Худоро, як Худоро саҷда оред,
Ки боду хокро як ўст сарвар.
Фиристад абрро дар рӯзи гармо
Барорад нахлҳои соягустар.

Зи лутфи эзидӣ баҳри Муҳаммад
Чу Куръон омаду анвори раҳмат.
Туву ман ҳам парем охир сӯи нур,
Фитад аз чашми мо сад парда гафлат.

VI

Ман шуморо дидаам дар хобҳоям,
Мӯтарошида миёни корзоре,
Ханҷари хунин ба каф рӯи маноре
Сар-сари девор ё дар ҷӯйборе.

Гӯш андозед бар гулбонги даъват,
Эй писарҳои биёбонҳои сӯзон.
Ҳар ганиматро ба ҳам тақсим созед
З - он канизони ҷавону дурру марҷон.

VIII

*Бар гадоён чилваи имон чаро,
Бо гаразмандӣ макун хайру сахо.
Чун ато аслан зи гардун мерасад,
Мисли дашти борвар рӯзи ҷазо.
Бар ту, эй зореъ, Худо бахшад самар,
Он замон сад бору аз он беитар.*

*Чун гадоеро дирам бахшиву баъд,
Оядат ҳайфу дарег аз он нисор,
Дастӣ камбахшандаро гар бифишурӣ,
Пас бидон хайри туро парвардигор.
Дар замон ботил кунад, эй чашиманг,
Мисли бороне, ки шӯяд гарди санг.*

IX

*Раҳнаварде хаста менолид рӯ сӯи Худо,
Дар суроги қатраи обеву нахли барҳаво.
Се шабу се рӯз раҳгум зад биёбонгарди зор,
Бенафас аз сӯзи гармо сарфурӯ зери губор.
Бо камоли ноумедӣ буд ҷӯё роҳро
Дид ногаҳ нахлро в-андар таҳи он чоҳро.*

*Шодмон ӯ гом зад бар самти он танҳошачар,
То фурӯ биншонд бо оби бақо сӯзи ҷигар.
Об зад бар чашму рухсору забони оташин
Хуфт в-он гаҳ дар канори маркаби худ. Бо ҳамин
Солҳо рафтанд аз тори сари ӯ паркашон.
Бо тақозои шаҳаншоҳи замину осмон.*

*Даррасид охир гаҳи бедории он раҳнавард,
Хест аз ҷову ҳамон дам ҳотифаиш овоз кард:
«Дар биёбон ин қадар ҳам хуфтаӣ дуру дароз»,*

Гуфт он раҳрав, ки - Оре, офтоб омад дароз,
Лаҳзаи хобидани ман буд вақти бомдод,
Хуфтаам аз субҳ то субҳе. Бале, хеле зиёд.

Лек ҳотиф гуфт: Хеле бештар рафтӣ ба хоб,
Солхӯрда хестӣ, эй хуфта дар айни шабоб.
Нахл кайҳо мурду дар фирдавс бигзид ошён,
Чоҳ ҳам дар ин биёбон хушк шуд, то ин замон,
Устухони маркабатро реги ҳомун пош дод,
Дар баҳои хоб гардунат чунин подош дод.

Сар фиканд он пирамард аз гояти дарду алам,
Дастҳо ларзандаву дил аз азият сад қалам.
Мӯъҷиза ногаҳ надид омад дар он дашти тиҳӣ,
Рӯзгори рафта эҳё шуд ба хубиву беҳӣ.
Бори дигар сар кашид, он нахли сабзи соявар,
Бори дигар об гуфт аз зери чаҳ пайгоми тар.

Устухони куҳнаи маркаб дубора васл шуд,
Бар қабои тан даромад боз ранги асл шуд.
Шодиву нерӯ зи нав омад ба чони раҳгузор,
Навҷавонӣ хуни ўро кард гарму беқарор.
Тӯшааш буд орзуву ишқу сӯзи нотамом
Ёфт бо фармони раббил-оламин роҳаш давом.

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

ОРЗУИ ШҶҲРАТ

Гаҳе ки аз маи шиқу навозишат сархуш,
 Ба пеши пой ту зону фитодаву хомӯи
 Ҷамоли рӯи туро будамӣ назоракунон,
 Чунин ба хотири ман мегузашт, эй ҷонон,

Ки ту аз они манӣ, ҳеҷ донӣ он гаҳ ман,
 На ном металабидам, на ишҳрати ба замин,
 Ту огаҳӣ, ки ман аз ин ҷаҳони фонӣ дур,
 Дилам гирифта набошам ба шоирӣ мағрур.

Малул гашта зи дуру дароз тӯфонҳо,
 Тавачҷӯҳе накунам ман ба сӯи мадҳу сано.
 Зи гуфтанони ҳарифон ба дил надорам бок,
 Даме ки бо ниғаҳи озмоишат чолок

Ба сӯи ман назар афканда даст бо нармӣ,
 Ниҳӣ ба фарқаму пурсӣ ба меҳу дилгармӣ:
 Бигӯ! Зи бахт ҳушиу ту дӯст медорӣ!
 Ту ёри дигаре ҷуз ман ба даст меорӣ?

Нигори ман, ту нахоҳӣ маро барӣ аз ёд?
 Ман аз ҷавоб фуру баста ҳар ду лаб дилшод,
 Дарун лаззати айшам пур асту ин пиндор.
 Ки нест дигар осибӣ дуриам аз ёр,

Ки ҳеҷ гоҳ чунин рӯзи бад фаро нарасад,
 Вале натиҷа чӣ шуд? Ашқу ранҷи бемару ҳад,
 Чу бевафоиву бӯҳтон, шикастани паймон
 Бирехтанд ногаҳон бар сарам он сон.

Чу пурсам аз худ, ман кистам? Равам ба кучо?

- Мусофире, ки ба саҳро задаст барқ, ўро
Чаҳон ба чашими ман акнун, ки тирау тор аст
Қасам аз обу ба дил ин як орзу бор аст,
Ки то ба гўши ту печад садо зи ҳар сўе,
Зи ному шўҳрати ман ҳар кучою ҳар кўе.
Барои ин ки зи овозаам шавӣ маҳсур,
Зи ман ҳикоя кунад ҳар чи бошадат манзур.

Барои ин ки ту ёд орӣ он дами хомӯш,
Ки аз садои пур аз сидқ омада ба хурӯш.
Ба боғ дар шаби торики охирин дидор.
Чӣ илтимоси навозиш намуд ин дили зор.

* * *

К...

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты. Шли годы.
Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

* * *

БА....

Лаҳзаи мӯъҷизе ба ёдам ҳаст,
Омадӣ рӯ ба рӯ баробари ман.
Ҳамчу нур илоҳие бошаст,
Ҳамчу султони ҳусниёни чаман.

Вақти з-андӯҳу яъс афсурдан,
Вақти ташвишу изтиробу шитоб,
Дер овози ту шунидам ман,
Дидаам тарҳи дилкашат дар хоб,

Рафт айём. Боди шӯробод
Орзӯҳои ман парешон сохт.
Бурд овози форамат аз ёд
Тарҳи рӯят зи ёд дур андохт.

Дар яке хилвати гарибмақом
Умри ман мегузашт оҳиста.
Бе Худо бе шарофати илҳом,
Бе ҳаёт, ашқу шиқ пайваста.

Чони афсурда боз ҳам раст,
Омадӣ боз дар баробари ман.
Ҳамчу нури илоҳие бошаст,
Ҳамчу султони ҳусниёни чаман.

Метапад дил ба роҳату ором,
Боз эҳё бигаштааст ин дам.
Ҳам Худо ҳам шарофати илҳом,
Ашқ ҳам, шиқ ҳам, ҳаёте ҳам.

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

* * *

Гар туро зиндагӣ фиреб диҳад,
Гам махӯр, беҳ, ки дил барафрӯзӣ.
Собирӣ гар ба рӯзи навмедӣ
Рӯзи шодӣ фаро расад рӯзе.

Чашми дил хушк мешавад фардо,
Гарчи имрӯз ашкрез шавад.
Сипарӣ, сипарист ҳар ашё,
Ҳар чи рафт аз назар, азиз шавад.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

*В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, Боже,
От элегических куку!*

1821

БУЛБУЛ ВА КУКУ

*Булбул ба шаби тори ҳаросовари пурроз,
Аз шавқи висоли гули хушранг сарояд.
Бо лаҳни хушу нагмаи ширини равонбахш
Шодию фараҳмандӣ ба дилҳо бифазояд.
Кукуи бадовози бадомӯз валекин,
Бо ку-куи беохири худ чон ба лаб ояд.
В- он акси садое, ки зи ку-куи вай ояд,
Дар мазраи дил тухми гаму гусса бикорад.
Эй бор Худоё, бишавад розигӣ аз ту,
Хоҳам бигурезам ман аз ин ку-куи Ку-ку.*

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

ШАБИ ЗИМИСТОН

Тӯфони сиёҳкор бархост,
Пӯшид саросари саморо.
Гаҳ нула кашад чу гургу гоҳе,
Чун тифл раҳо кунад садоро.
Гаҳ тундсару шитоболуд
Гӯё хасу хоки бом рӯбад,
Гаҳ чун сафарии роҳмонда,
Бар панчараҳои мо бикӯбад.

Во рафта фасурда кулбаи мо,
Чун хонаи гусса тангу тор аст.
Дар назди тиреза хомӯшӣ ту,
Он ҷо, ки хаёл бар ту бор аст?
Танхаста шудӣ зи дасти тӯфон
Ё бори хаёли ту гарон аст?
Дарёфтӣ ё ки гардиши дук,
Чун гардиши чархи осмон аст.

Пеш ой, биё, ки бода нӯшем,
Эй ёри ҷавони фақирам,
Ғамро ба ҷилои май фурӯшем,
Бошад, ки ҳаёти тоза гирам.
Чун мурғи сурудхон наво кун,
Он сон, ки зи пушти баҳр ояд.
Чун духтари хона, ки саҳаргоҳ
Бар об сурудхон фарояд.

Тӯфони сиёҳкор бархост,
Печид саросари саморо.
Гаҳ нула кашад чу гургу гоҳе.
Чун тифл раҳо кунад садоро.
Пеш ою биё, ки бода нӯшем.
Эй ёри ҷавони фақирам.
Ғамро ба ҷилои май фурӯшем,
Бошад, ки ҳавои тоза гирам.

БУРЯ

Ты видел деву на скале
 В одежде белой над волнами
 Когда, бушуя в бурной мгле,
 Играло море с берегами,
 Когда луч молний озарял
 Ее всечасно блеском алым
 И ветер бился и летал
 С ее летучим покрывалом?
 Прекрасно море в бурной мгле
 И небо в блесках без лазури;
 Но верь мне: дева на скале
 Прекрасней волн, небес и бури.

1825

ТҮҒФОН

Ба рӯи мавҷҳо бар тахтасанге
 Ту дидӣ нозанини шӯҳшанге,
 Канори баҳри тӯфонию зулмот,
 Дурахшад бо либоси барфранге?
 Чарогак мезанад чун барқи паррон.
 Фурӯзон мешавад рухсори чонон.
 Шамоли тунд аз тугёни амвоҷ
 Ба ҳар сӯ мекашад ўро зи домон.
 Тамошобоб баҳри пурталотум,
 Самои тору барқи нурполо...
 Тамошобобтар аз ҳар тамошо
 Маро он духтари бар санг танҳо!

ПРОЗАИК И ПОЭТ

*О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!*

1825

НОСИР ВА ШОИР

*Ташвишат чист, носиро, он беҳ,
Маъние ҳар чи ҳаст бо ман деҳ.
Мекунам тез мекунам буррон
Бо пари қофия шавад паррон.
Мекунам ҷо ба зеҳ чу тир онро.
Бар фалахмон чу чӯбаи пайкон.
Мекунам пас варо раҳо онан
Мезанад рост ба дили душман.*

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

*Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ея поклонился.*

1826

СУРУД ДАР БОРАИ РАЗИН

Дар рӯи наҳри Волга ба паҳноияш чи сон,
Мебуд равона заврақи тезнӯл шинокунон.
Дар вай казакҳову ҷавонони бас ҷасур,
Дар об белзан ҳама бо бозувони зӯр,
Дар корма хоҷаин нишаастасту хоҷаин
Степан Разин аст, ки пурдаҳишат аст ин,
Бонуи форсии асира ба назди он,
Бинишаста лаб хомӯш пур аз тарсу дилтапон.
Разин вале нигоҳ сӯи ӯ наменабуд.
Вайро назар ба модари ҷонаш ба Волга буд.
Разин чи тавр гуфт ба даҳишат ҳамон замон,
Эй Волга, “ҳой модари аслии меҳрубон,
Аз солҳои кӯдакиам парваридаӣ.
Ҷунбондаӣ, хӯрондаӣ, заҳмат кашандаӣ.
Медодӣ ту ҳавои пур аз мавҷрову боз,
Баҳри мани ҷасур нахуфтӣ шаби дароз.
Кардӣ казакҳои маро молдор низ,
Бахшиши ба ту ҳанӯз надодем ҳеч чиз”.
Разин чи сон бичаст ба даҳишат яке зи ҷо,
Бонуи форсро зада чангол беибо.
Андохт суи наҳр, ки он лаҳза духтарак,
Дар оби Волга гашт ба як бор бедарак.
Ӯ баъд аз он модари ҷонаш – ба Волга зуд
Рӯӣ овариду сар паи таъзим ҳам намуд.

ПРИЗНАНИЕ

*Я вас люблю, хоть и бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, - я зеваю;
При вас мне грустно, - я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь - мне отрада;
Вы отвернетесь - мне тоска;
За день мучения - награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустья, -
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,*

*И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!*

1826

ЭЪТИРОФ

Дӯст медорам шуморо, гарчи гум кардам хирад,
 Гарчи ин шармандагию заҳмати беҳуда аст.
 Ҳозирам бо ин ҳама беақлию иқболи наст,
 Сар ба пеши поятон монам агар созед рад.
 Баҳри ман ин кор бошад айб дар ин синну сол,
 Вақти он омад, ки ақламро бияндозам ба кор,
 Лек аз дастии дили шайдост ин амри маҳол.
 Реша дар ҷонам давонда дарди ишқи пойдор.
 Бе шумо дилгир ман гардида пинак меравам,
 Бо шумо гамгин шавам ҳам сабрро созам сипар,
 Нест ёрое, ки гӯям зидди хулқи якравам.
 Дӯст медорам шуморо, эй фаришта, эй қамар,
 Ҳар гаҳе, к-аз меҳмонхона расад бар гӯши ман
 Лағжиши гулгунқабую шарфаи пои шумо,
 Ё ки лаҳни маъсуму ширини чун мурғи чаман,
 Гум кунам якбора сабру ақлу ҳуши хешро.
 Хандаҳои гарматон дилгармию тӯи ман аст,
 Рӯй агар аз ман бигардонед, мотам мегирам.
 Баҳри якрӯза азоб – инъоми дилҷӯи ман аст,
 Дастии испеди шумо, ки болад аз он хотирам,
 Соате, ки чашимҳоро, зулфҳоро карда ҳам,
 Менишинед аз ҳама фориг ба гирди чанбарак.
 Бингарам бар сӯятон монанди кӯдак дам ба дам,
 Мегурезад лашкари гам аз дили ман ҷонсарак.
 Қиссаи берӯзию андӯҳи раиши хешро
 Бар шумо изҳор созам ё ки лаб бандам зи ҳарф.
 Хоса вақте ки ба роҳи дур – дашту сахраҳо.
 Мебароед аз барои сайр дар борону барф.
 Ё замоне, ки бирезад ашқи ҳичрон шашқатор,
 Ё даме созед сӯҳбат бо ягон хушбахт мард,
 Ё даме гардед бар сӯи Опочка рафтагор,

Ё ки бо фортепиано шаб кунед изҳор дард?
Раҳм бинмоед, Алина, бар ману бар ҳоли ман,
Баҳри исрор оқизам, охир худи ман кистам?
Шояд аз баҳри ҳама нуқсу гуноҳи хештан,
Эй фаришта, бар муҳаббат ҳеҷ лоик нестам!
Лоиқал наззора бинмоед бо фанду фиреб
Як ҷаҳон асрор дорад он нигоҳи дилтисанд.
Оре, аллондан маро саҳл аст бо нозу итоб
Шодмон гардам, хӯрам гар аз чунин наззора фанд.

ОТВЕТ Ф.Т.

*Нет, не черкешенка она;
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.*

*Нет, не агат в глазах у ней,
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.*

1826

ҶАВОБ БА Ф.Т.

*Нест ӯ аз силки чехрастдухтарон,
Лек бар Гурҷистон аз қарнҳо
Аз баландиҳои Казбеки қуҳан
Инчунин духтар напаймудааст роҳ.*

*Нест бар чаши маш ақиқи сӯхта,
Ўст аммо гавҳари Машириқзамин,
Лаззати хуршед бошад ҳеч, ҳеч
Пеши як дам қилваи он нозанин.*

* * *

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.*

*Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:*

*Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.*

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут - и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.*

1827

БА СИБИР

Дар Сибир зери конҳои чуқур
Сабри мағрурро ниғаҳ доред,
Меҳнати сахту майли олиятон
Наравад ҳеҷ барабас умед-

Хоҳари меҳрубони бадбахтӣ
Дар ҳамон торикии фарсуда
Чобукӣ, хуррамӣ диҳад ба шумо,
Бирасад вақти орзукарда.

Дӯстӣ, шиқатон расад ҳар дам,
Аз миёни бандҳои сиёҳ,
Ҳамчунон ки ба лонаҳои ҷазо
Мерасад ин садои озодам.

Бандҳои гарон шикаста равад,
Ҳабсхона шавад харобу адо.
Ҳуррият пешвозатон гирад,
Тег бидҳандатон бародарҳо.

СОЛОВЕЙ

*В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; зываешь - нет ответа.*

1827

БУЛБУЛ ВА ГУЛ

*Шоми торики баҳору богҳои нурсукут
Андалеби Шарқ мехонад ба гӯши гул суруд.
Нашнавад гул чаҳ-чаҳи ўро, наяфзояд тараб,
Мехӯрад алвонҷ бепарвою месозад ганаб.
Бар Худо, шоир, най монанди он булбул магар?
Нестӣ оё ту ҳам вассофи ҳусни бешарар?
Нашнавад овози ту, анфоси ту дар ҳеҷ боб,
Бингарӣ, гул мекунад, хонӣ, намеояд ҷавоб...*

ТАЛИСМАН

*Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.*

*И, ласкаясь, говорила:
"Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.*

*И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...*

*Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя –
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!"*

ТҶМОР

Андар он ҷо, ки баҳр метаппад
Ба сари саҳраҳои урёне,
Андар он ҷо, ки моҳ метобад
Шомгоҳон ба лутфу эҳсоне,
Андар он ҷой, ки мусулмонон,
Дар ҳарам айш мекунанд, оре,
Дод бар ман ба лутфи бепоён
Ёри ҷодуфиреб тўморе.

Гуфт бо меҳрубонӣ он ҷоду,
Ки ниғаҳ дор, азиз, ин тўмор,
Ҷодуиҳост бас ниҳон дар ӯ,
Чун нишони муҳаббате аз ёр.
Аз ниҳеб, аз тамоми гӯру бало,
Лаҳзаи тўфон, лаҳзаи бўрон,
Нараҳонад сари туро, ҷоно,
Нараҳонад туро, накӯ медон.

Ҳам набахшад зи ҷуду эҳсонат
Сарвати Шарқ – маҳзани зарро.
Ҳам наорад ба зери фармонат
Ҷумлаи бандаи паямбарро.
Ҳеҷ гаҳ низ бар диёри хеш
Аз диёри гарибӣ бегона.
Ба канори азиз ёри хеш
Бозоварданат набитвонад.

Лек ҳар гоҳ чашми маккоре
Доми макре бияфканад сӯят,
Ё лабе дар дили шаби торе
Бе муҳаббат бибӯсад аз рӯят,
Дар чунин ҳол аз ҷиноятҳо,
Аз ҳама захми нав ба дил, ёрам,
Аз фаромӯшиӣ, аз хиёнатҳо
Мекунад ҳофизит тўморам.

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнании жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

*Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный!*

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу .*

1828

БА ДҮСТОН

На, риёкор нестам, ҳарчанд
 Васф гӯям ба шаъни султонам.
 Бо ҷасорат баён кунам эҳсос,
 Бо забони дилам сухан ронам.

Тофт бо ман ситораи ӯ гарм:
 Тоҷдорест роду донишманд;
 Дастии Рус бигрифту ҷон бахшид,
 Дар набарду умед фатҳ афканд.

Гарчи дар аҳди навҷавонӣ ӯст,
 Салтанатрониаш бадаҳшат нест;
 Аз газаб гар ҷазо диҳад ба касе,
 Дар ниҳон мушфиқу накӯкорест.

Умри ман дар бадарғаҳо бигзаист,
 Ранҷи ҳичрони маҳвашон дидам.
 Дастии шафқат чу бар сарам бигзоист,
 Рӯятон, ёру дӯстон, дидам.

Қадри илҳоми шоирим шинохт,
 Кард озод мурғи фикрамро.
 Пас, чаро бо суруру ҷӯшиши меҳр,
 Ман нахонам бар ӯй мадҳу сано.

Ман риёкор? Не, бародарҳо:
 Ӯ кунад ҳоли мулки шоҳ забун.
 Қасдаш аз салтанат – тамаллуқҳост...
 Мон, шавад тахти шоҳ хору нагун.

Гӯяд: аз халқ барҳазар мебош,

*Сози хушсавти зиндагӣ бишкан.
Гӯяд ӯ: меваи тамаддун ин ...
Фисқу бедод, ё хурӯҷ аслан!*

*Вой бар ҳоли кишваре, к-он ҷо
Томеу борие – надими шоҳ.
Лек соҳибкаломи фарзона
Лол ҳасту кунад ба дашт нигоҳ.*

ТЫ И ВЫ

*Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: "как вы милы!"
И мыслю: "как тебя люблю!"*

1828

Ту ва Шумо

*"Ту", - гуфто аз ҷигар дилбар,
"Шумо"- хушикид дар лабҳои.
Кушоданд орзуҳо пар,
Даруни синаи зебои.
Бараш истодаам мафтун,
Аз ӯ чашмон нахоҳам канд.
Забон гӯяд: "Шумо гулгун!"
Дилам гӯяд: "Туӣ дилбанд!"*

*Не пой, красавица, при мне
Ты песни Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.*

*Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы.
И степь и ночь и при луне
Черты далекой бедной девы...*

*Я призрак милый роковой,
Тебя, увидев, забываю:
Но ты поешь - и предо мной
Его я вновь воображаю.*

*Не пой, красавица при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.*

Махон, эй нозанин, зинҳор, зинҳор
Суруди гурҷии дардошноро,
Ки меорад ба ёдам соҳили дур
Замони ҳамчу нахли бенаворо.

Ба ёдам мерасад домони даште,
Шаби роҳатрасони моҳтобӣ,
Нигоҳи пурниёзи гулсириште,
Ниҳоли қадду рухсори гулобӣ!

Туро бинам агар он сурати пок
Равад аз ёд чун нақши хаёле,
Вале чун месарой, зуд намнок
Шавад чашмам ба ёди навниҳоле!

Махон, эй нозанин, зинҳор, зинҳор
Суруди гурҷии дардошноро,
Ки меорад ба ёдам соҳили дур
Замони ҳамчу нахли бенаворо!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.
Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

ГУВОҲИИ ДИЛ

Боз анбӯҳи абрҳои сиёҳ
Бар сарам аз само ҳамоил шуд,
Қисмати бадасос бо ҳама вазн
Бор бар тори нозуки дил шуд.
Ҳамл кардан магар тавонам ман
Бори сангини зиндагониро,
Чун гузорам ба рӯ ба рӯи он
Сари болои навҷавониро?!

Ҳаста аз ҳодисоти ҳаррӯза,
Гӯиё дар канори тӯфонам,
Чун гариқи умедҷӯе
Соҳили дастгирҷӯёнам.
Аз ҷудойгувоҳ медиҳадам,
Дили пуризтиробу нокомам,
Хоҳам, эй нозанин лабонатро
Дами охир чу бода ошомам.

Эй ҳамида, фариштаи шоир,
Ниғаҳ аз рӯи хок бологир.
Аз нигоҳат умедворам ман
Нақши тоза ба лавҳаи тақдир.
Аз шарори назораи покат
Дил умеди мудом мекобад,
Ифтихору ҷавонии навро
Дар ҳамин як нигоҳ меёбад!

*Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?
Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.
Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороняя,
Да хозяйка молодая.
Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого».*

1828

ТЎЪМАИ ЗОҒОН

Яке зоге ба пеши зоги дигар,
Сухан оғоз карду гуфт:- Зоғо,
Кучо ёбам гизо, ман гушнаи зор,
Мадорам рафта аз болу нару по?

Бидод ин зог бар он зог посух:
-Бале, донам, гизои мо кучояст.
Нишонанш доду гуфто: - Ҳо, дар он ҷо
Таги беда миёни буттаҳояст.

Дар он ҷо як ҷавони паҳлавоне,
Ба хоку хуни хеш олуда хуфта,
Фақат як шоҳину байтал бидонанд,
Ки ўро куштаю баҳри чӣ кушта?

Чаро ки шоҳини ў карда парвоз,
Паноҳӣ ёфт дар паҳнои ҷангал.
Рақибӣ ў, ки ҷони ў ситонид,
Бирафт , инак саворӣ карда байтал...

Вале он сарсунурда ёр дорад,
Ба роҳаш ў ду чашии чор дорад.

*В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.
На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.
Любили Крым птенцы Саади,
Порой восточный краснойбай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.
Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские тиры.
Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,
Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.*

1828

Дар ҳавои дилкаши фаввораҳо,
 Ҳар тараф деворҳоро раиҳазан.
 Бар дили хон, шоир, овардӣ сафо,
 Бо ҷарангандоз- марҷони сухан.

Бар нахи тафреҳи бекорӣ, малеҳ
 Менамудӣ дасти чолокаш расад,
 Дурри гарданбанди рахшанда- мадеҳ
 Донаҳои сабҳаи заррин - хирад.

Шефта буданд Саъдӣ- чӯчаҳо,
 Бар Қрим. Ин ҷо суханпардози Шарқ
 Мекушудӣ дафтари Богчасаро
 Дар шигифту ҷазба мегардид зарқ.

Қиссаҳои зубда мегустард, ӯ
 Ҳамчу қолиҳои нағзи Ирвон,
 Мегирифт аз ҳусни онҳо рангурӯ
 Маҷлиси хонҳои Гирей ҳар замон.

Лек якто ҳам фусункори азиз,
 Соҳибистеъдоди фикрӣ, хуш-адо
 Бо чунин қудрат, чунон шӯхутамиз
 Носуруда дostonҳо, шеърҳо.

К-он басиру нуктадону болдор,
 Шоирӣ бугзида – кишвар, к-андар он
 Шеърмардонанд пурмӯ-саҳмбор
 Дилрабо- занҳо қарин бо ҳуриён.

ЦВЕТОК

*Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.*

*Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? И сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?*

*На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?*

*И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?*

ГУЛ

Чу бикшодам китоберо, бидидам
Гули хушидаи берангу бӯе,
Хаёлам бор бикшод аз сари ман,
Дилам сар кард бо ман гуфтугӯе:

Чи сон хоке, кадомин навбахоре
Нумӯ додаш, чунин зебо расондаш?
Шиносе? Ношиносе? Бо чӣ матлаб
Зи ҷо барканду байни сафҳа мондаш?

Ба ёди лаҳзаи ҷонбахши дидор,
Ва ё чун разми айёми ҷудой?
Ба вақти сайри танҳой ба гулзор,
Ва ё дар бешазори хушҳавое?

Кучо бошанд? Ҳар ду зинда бошанд?
Ба ҳам бошанд? Ё аз ҳам ҷудоянд?
Ва ё пажмурда кайҳо мисли ин гул
Ба кунҷе ноаёну бесафоянд?

ИЗ ГАФИЗА

(Лагерь при Евфрате)

*Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встретит:
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит –
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!*

1829

ИЛҲОМ АЗ ҲОФИЗ

(Лашкаргоҳе дар канори Фурот)

*Маҷӯ номи баланд аз корзорон,
Ту, эй зебочавони бегаму доғ!
Марав дар ҷанги хунрезӣ ба майдон
Қатори размхоҳони Қаробог.
Агарчи марг раҳ н-орад ба сӯят,
Ҳам Азроил ба қасди ту наёрад.
Чу андар ҷанг бинад ҳусни рӯят,
Зи баҳри куштанат озарм дорад;
Вале тарсам, ки байни корзораи
Равад барбод ҳусни бемисолат -
Ҳама шарму ҳаёву нозу ҷавлон,
Сафои пайкари чун навниҳолат.*

ЗИМНЕЕ УТРО

*Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный
- Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!*

*Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:*

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

*Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?*

*Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.*

СУБҲИ ЗИМИСТОН

Пагоҳи сарду субҳи офтобӣ,
 Ҳануз, эй ёр, дар оғӯши хобӣ.
 Саҳар шуд, нозанинам, чаши во кун,
 Шимоли зулмати ро пурсафо кун.
 Ба домони уфуқ раҳшандагӣ баҳи,
 Ба мисли ахтари тобон ҷило кун!

Ба ёд овар шабе тӯфон дамон буд,
 Ниҳон аз дидаи мо осмон буд.
 Чу доғи рангзарде моҳи танҳо
 Зи байни абрҳо метофт гоҳо...
 Ғамолуду парешон менишастӣ -
 Назар кун бар тиреза, чист ҳоло:

Ба зер осмони лоҷвардӣ
 Чу қолинҳои бе як доғу гарде
 Ҷилобахшанда ҳар сӯ барф паҳн аст...
 Сияҳфом аст як сӯ бешазорон
 Дар оғӯши қирав қочест тобон,
 Равон дар зер як рӯди хурӯшон.

Саропо кулбаи мо қаҳрабонист,
 Даруни печ отаи хушнавоест.
 Саҳар хобида рӯи бистари хоб
 Хаёли хуштаринро кобу дарёб.
 Ва ё бархезу кун чаннасаборӣ,
 Ниғас гир аз ҳавои безуборе!

Равем аз рӯи барфи субҳгоҳӣ,
 Кашем аз нақши по ҳар сӯй роҳе-
 Ба сӯи даштҳои паҳндомон,
 Канори бешазорони хиромон.
 Ба саҳроҳои нопайдоканора,
 Ба соҳилҳои аз шабнам фурузон!

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

1829

*Дилбохтаи Шумо будам, оташи ишқ
То ҳол даруни синаам чо дорад.
Аммо нагузорамаиш дигар рӯй занад,
Тарсам –дили нозуки шумо озорад.
Дилбохтаи хамӯшу навмед будам,
Гаҳ рашк, гаҳе ҳарос азобам медод.
Э, кош касе, ки бар шумо дил бозад,
Дилбохтатар зи аҳли дилбохта бод!*

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.*

*Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.*

*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов*

*Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.*

*Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.*

*День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.*

*И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладельный прах?*

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.*

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

1829

*Хоҳ вақти сайр андар сайргоҳ,
Хоҳ дар кунҷи ибодатгоҳҳо,
Ҳар кучо бошам, хаёле мекунам
Аз гузашти ҳафтаҳою моҳҳо...*

Меширобанд аз сари мо солҳо,
Аз сафи мо ҳам касе кам мешавад.
Хушк гардад мазраи омолоҳо,
Дидаи бисёр пурнам мешавад.

Бингарам бар шаҳдарахти бешазор,
Бар балуте, ки само бар дӯши ўст,
Гўямаш: эй дода бобои маро,
Бештар аз умри ман ҳам умри туст!

Бингарам гар навраси озодаро,
Гўямаш: пеш ой, эй пайгири ман,
Хандаи гулҳост дар тақдири ту,
Баргрезонист дар тақдири ман!

Ҳар нафас, ҳар соату ҳар рӯзро
Бо ҳамин андеша охир мекунам,
Бо суроғи рӯзи марги хештан
Гӯр бар ҷисми ҳақирам меканам!

Дар куҷо мирам, надонам дар куҷо-
Дар сафар, дар баҳр ё дар корзор?
Ё ба рӯи кӯчаи ҳамсоёе,
Мефитад охир маро ҷисми низор?!

Пайкари афтодаи берӯҳро
Гарчи яксон аст ҳар кӯю гузар,
Хок гардидан, вале дар назди дӯст,
Нашъае дорад ба ҳар соҳибназар!
Мон, ки сабзад дар дили хоки мазор
Бо дурахши ранғо ҷони ҷавон.
Нур ёбад, ҷилва гирад то абад,
Беалоқа гӯшае аз хокдон!

КАВКАЗ

*Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.*

*Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже роицы, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.*

*А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;*

*Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной водной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.*

КАВКАЗ

Кавказ ба зеру ман ба баландӣ ситодаам,
Танҳо канори варта ба болои барфҳо,
Бинам уқоби аз сари кӯҳе паридаро,
Парвоз карда беҳаракат дар баробарам.
Бинам аз он макон зуҳуроти селро,
Таҳрики бимноку нахусини тармаҳо.

Ором ибрҳо равад аз зеру бо садост -
Аз байни абр шаршараҳо вожгун равон,
Дар зеру ӯст хамшуда харсангҳо аён,
Он ҷо, ба пасттар, хазаву хушк-буттаҳо,
Он ҷо, вале дарахт хаму чодари кабуд,
Он ҷо, ки мургҳо ба суруданд байни худ,

Он ҷо, ки ҷастухез намоянд оҳувон.
Он ҷо, вале намуда касон лона кӯҳро,
Дар сайр барраҳо ба алафзори вартаҳо,
Ояд ба даштҳои фараҳбахш подабон,
Он ҷо, ки бо канораи дилҷӯи соядор,
Дар тоз Арагва аст хурӯшону беқарор,

Он ҷо, савори мискине пинҳон шавад ба гор.
Бозӣ кунад ба шодиши хаимин Терек чу мор,
Улос баркашида, чу ҳайвонаки ҷавон,
Дар оҳанин қафас худу, дида хӯрокро;
Бо кин зарбаҳо зада бар соҳили худ он,
Бо мавҷҳои гурусна лесида сангҳо...

Беҳуда! Несташ на хӯроку на дилхушӣ,
Харсангҳо диҳанд фишораи ба хомӯшӣ.
Қонун фишурда ҳуррияти саркаш инчунин
Ваҳшӣ қабила зеру ҳукумат ба ғам чунин,
Пурхашм ҳол Кавкази хомӯш ҳамчунин,
Бегона қувваҳо шуда таъзиқаш инчунин.

ПРОЩАНИЕ

*В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.*

*Бегут, меняясь , наши лета,
Меня всё, меняя нас –
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.*

*Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.*

1830

СУРУДИ ВИДОЙ

Ҷамолатро барои охири бор
Ба ёд оварда бинвозам, парастам,
Кунам бедор меҳри хуфтаамро
Суруди то кунун ногуфтаамро,
Ки чун сарваш расонда, мешикастам!

Чу умри мо шитобон аст айём,
Хате дигар қашида нақши моро,
Ба шоир дар либоси дигарӣ ту,
Ба марғезан қафи хокистарӣ ту,
Нагардад низ шоир бар ту эҳё!

Ту ,эй ёри зи дил в- аз дида рафта,
Қабул бинмо суруди хайрбодам -
Ба монанди арӯси бевамонда
Ба мисли дӯсти аз мулк ронда,
Расӣ шояд кунун гоҳе ба ёдам!

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладающие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: "В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим".

Но там, увь, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой –
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

Ба ҷазби меҳри соҳилҳои маҳбуб
Фикандӣ кишвари бегонагонро,
Зи дунболат равон созам ба ҳасрат
Сиришки чашми ҷони нотававро.
Туро дастони шахгардидаи ман
Барои ман ҳамехоҳанд доранд,
Азобу меҳнати дурӣ, ҷудой
Ба лавҳи қисматам оё чӣ коранд?

Лабонатро зи бўсобӯси ҳасрат
Ҷудо кардӣ ба як бор аз лабонам,
Маро бар оламе дигар фикандӣ,
Фикандӣ рахнае бар ҷисму ҷонам!
Тасалло дода мегӯӣ, ки; “фардо
Ба зери осмони лочувардӣ,
Ба пои нахли зайтун менишинем
Ману ту- ҷуфти поку ҳамнавардем”.

Вале он ҷо, ки зери осмонҳо
Фурӯзон аст монанди гулобе,
Ту бе ман хоҳӣ танҳо буд, танҳо,
Ту бе ман ҷовидон дар ҳукми хобӣ.
Сафои оразат, андӯҳи рӯҳат,
Фурӯ рафтанд дар хоки мазоре,
Ба онҳо рафт ҳар буду набудам,
Ҳаёлат монд танҳо ёдгорӣ!

ЦЫГАНЫ

*Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.*

*Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провожал сии шатры.*

*Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете - но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.*

*Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.*

ЛУЛИЁН

*Зи соҳилҳои ҷангалпӯш
Ҳангоми гуруби шом
Суруд аз хаймаҳо бар гӯш
Расад нуришӯру ноором.*

*Салом, эй қавми хуштолеъ,
Қиёми даври гулханҳо,
Зи пушти хайма вақте буд
Мерафтам мани танҳо...*

*Шумо фардо аз ин манзил
Саҳаргаҳ кӯч мебандед,
Аз он ки ман нахоҳам рафт,
Шумо аз ман намеранҷед.*

*Ман ин сон зиндагониро,
Ки тобад мисли афсона,
Иваз кардам ба қишлоқу —
Сукути гӯшаи хона.*

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
 Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
 Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
 Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
 Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
 В пустые небеса.
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
 Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
 Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка,
 Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
 Не шум глухой дубров –
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных,
 Да визг, да звон оков.

МАБОДО, КИ ШАВАМ ДЕВОНА...

*Мабодо, ки шавам девона, зинҳор,
Асою халта осон аст сад бор.
Бале, сахл аст кору меҳнати сахт
Аз он ки ақдро қимат шуморам.
Чудо гардам аз он дар рӯзгорам,
Набошам ҳеҷ гаҳ хурсанду хушбахт!*

*Маро вақте ба ҳолам вогузоранд,
Даме озод бошам бодмонанд,
Занам худро ба сӯи чангали тор!
Сароям дар миёни нори ҳазён,
Шавам гум андаруни хоби исён
Ва ширин орзуҳои фусункор.*

*Намоям бар садои мавҷҳо гӯш,
Арӯси бахтро гирам дар оғӯш.
Назар дӯзам ба ҳоли осмонҳо,
Шавам он гоҳ пурзӯру таҳамтан,
Ба мисли гирдбоде, ки мутантан
Вазон гардад ба дашту бӯстонҳо.*

*Вале девона, бадбахтона, гардӣ,
Чу тоун дарди сар дар хона гардӣ.
Ба дасту пои ту занҷир банданд,
Бияндозанд, чун аблаҳ ба зиндон.
Зи пушти панҷара монанди ҳайвон,
Ба сӯят ҳар замон аз дур ханданд.*

*Ба шабҳо гӯш бинмоям дар он ҷо
На овози баланди булбулонро,
Ба ҷои хиш-хиши барги дарахтон
Расад ҳар дам садои дӯғу дашном,
Ҷарангоси кишан, ларзидани бом,
Фигони дидбонон - шӯрбахтон.*

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тень,
 Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегла,
 И молния грозно тебя обвивала;
 И ты издавала таинственный гром
 И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освежилась, и буря промчалась,
 И ветер, лаская листочки деревьев,
 Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

АБР

Эй абри парешоншуда аз шиддати тўфон,
 Танҳо ту дар ин соф фазо мекуни ҷавлон,
 Танҳо ту бияфкандай ин сояи ғамнок,
 Танҳо ту ғамолуд кунӣ рӯзи фараҳнок.

Пушида будӣ рӯи фазоро навакак ту,
 Бинмуд туро раъд пароканда ба ҳар сӯ;
 Аз сина ниҳон барқфишон рехтӣ борон,
 Лабташина замин кардай шодоб ту аз он.

Кофист, ниҳон шав зи назар, вақти ту бигзаист,
 Тўфон шуда хомӯшу замин тозаву тар ғаист,
 Боде, ки бувад дар сари баргон ба навозиш,
 3-ором шуда рӯи фазоҳо кунадат пеш.

*...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор - и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я - но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.*

*Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет - уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.
Вот холм лесистый,
над которым часто
Я сживал недвижим - и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно, синяя, стелется широко,
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогой невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни - там за ними
Скривилась мельница, на силу крылья
Ворочая при ветре...*

*На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,*

*Изрытая дождями, три сосны
Стоят - одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, - здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох –
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему всё пусто.*

*Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастеши моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.*

СЕ ҚОЧ

...Боз афтодам гузор
 Дар ҳамон хилватмаконе, ки ду сол
 Бигзарондам дар бадарга ноаён.
 Рафт даҳ сол аз миёну беҳисоб
 Навгариҳо дар ҳаётам рӯй дод.
 Сар фаровардам ба қонуни замон.
 Ман ҳам акнун дигарам - аммо зи нав
 Мешавад бигзаштаам бедортар.
 Дар хаёлам динашаб пай мезадам
 Дар худи ин буттазорон.

Ин ҳамон
 Кулбае, ки зистам бо дояам.
 Нест он кампир кайҳо- шарфааш
 Н-оядам аз пушти деворе ба гӯи,
 На қадаммонӣ,
 на вазнин сулфааш.
 Ин ҳамон пӯшидақангал теппаест,
 Мезадам паҳлӯ барои хору хас,
 Менишастам сокитона доимо,
 Чашм меандохтам бар оби кӯл,
 Дар хаёлам мавҷу соҳилҳои гайр...
 Аз миёни сабззорону дарахт
 Кӯл вусъатнок метобад ба чашм,
 Моҳигир аз рӯи оби бекарон.
 Тӯри бесайдаш ба соҳил мекашад.
 Дар нишеби хушки соҳилҳои кӯл
 Деҳаҳо гашта парешон ҷойгир.
 Дар қафотар осиеби бодӣ аст,
 Парраҳо гарданд ночор аз шамол...

Дар қафои мулки бобой аён
 Як раҳи бар кӯҳҳо печандае,
 Шуста онро оби борон, сета коҷ
 Сар кашида, - дур як, ҳам бар дуяш.
 Дар ҳамин ҷо, чун замони ман савор
 Мегузаштам як шаби маҳтобие,
 Хиш-хиши барги сари шохонашон
 Мефиристоданд бар сӯям салом.
 Бо ҳамин роҳе кунун кардам гузар,
 Боз ҳам дидам ман он се коҷро.
 Боз он се хушқаду гултоҷро,
 Хиш-хиши баргонашон бо ман шинос,
 Лек пеши решаҳои пирашон
 (Як замоне буд ин ҷоҳо тикӣ)
 Буттазори наврасе рӯидааст.
 Рӯзгори сабз; бар ҳам решаҳо,
 Ҳамчу тифлон, ҷойқобӣ мекунад
 Дар паноҳи сояҳои гафсашон.
 Дуртар як ҷӯраи гамгинашон
 Пиракӣ, гӯӣ, муҷаррад, гирди ӯ
 Мисли пешин аст холӣ, бегиёҳ.

Ассалом, эй насли наврас, ношинос!
 Он на ман бошам, ки бинам қоматат,
 Он замон, к-аз ошноёнам баланд,
 Қад кашӣ аз раҳгузар дорӣ ниҳон.
 Мон, набери ман ба гӯши хештан
 Бишнавад аз ту саломеву паём,
 Вақти бозомад зи базми дӯстон
 Комрону сарпур аз фикри наҷиб.
 Як шабе аз паҳлӯят хоҳад гузашт,
 Ёде аз ман мекунад.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.*

*Нет, весь я не умру - душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

*Веленью божью, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

1836

СОДЕРЖАНИЕ

1. Монография «Пушкин и Восток»

Введение	3
Глава I.	«Где Гафиза и Саади знакомы имена»	5
Глава II.	Наш юный Саади» (Тема Востока в поэмах «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан) и в лирике 1820-24 годов)».....	52
Глава III.	«Муза, легкий друг мечты, к пределам Азии летала».....	79
	«Стезею правды бодро шествуй» («Подражания Корану»).....	79
	«Стихов гремучим жемчугом» («В прохладе сладостной фонтанов»).....	105
	«Не пленяйся бранной славой» («Из Гафиза»).....	122
	Правда о войне и мире в лирике последних лет и в «Путешествии в Арзрум».....	128
Глава IV.	Пушкин на таджикском языке.....	145
Заключение	168
Примечания	173
2. Стихи Пушкина в переводе на таджикский язык		
	Пушкин и наша современность.....	187
	Стихи.....	210

Ходжибаева Бароат Абдурахимовна, Мирзоюнус Матлуба. «Пушкин и Восток». Худжанд: Нури маърифат, 2018. -312 стр.

Ответственные редакторы: Дустматова Ш. В.,
Хамробоев Н. А.

Технический редактор: Шафиев З. К.

Корректоры: Зикрияева М.

Подписано в печать 29.11.2018.
Заказ № 149. Упл 19,5. Печать цифровая.
Бумага белая. Шрифт Times New Roman.
Тираж 100.

Издательство «Нури маърифат»,
735700, г.Худжанд, проспект Исмоила Сомони 42.

Типография «Нури маърифат»,
735700, г.Худжанд, 20 квартал, учебный корпус №3

47 500 c

